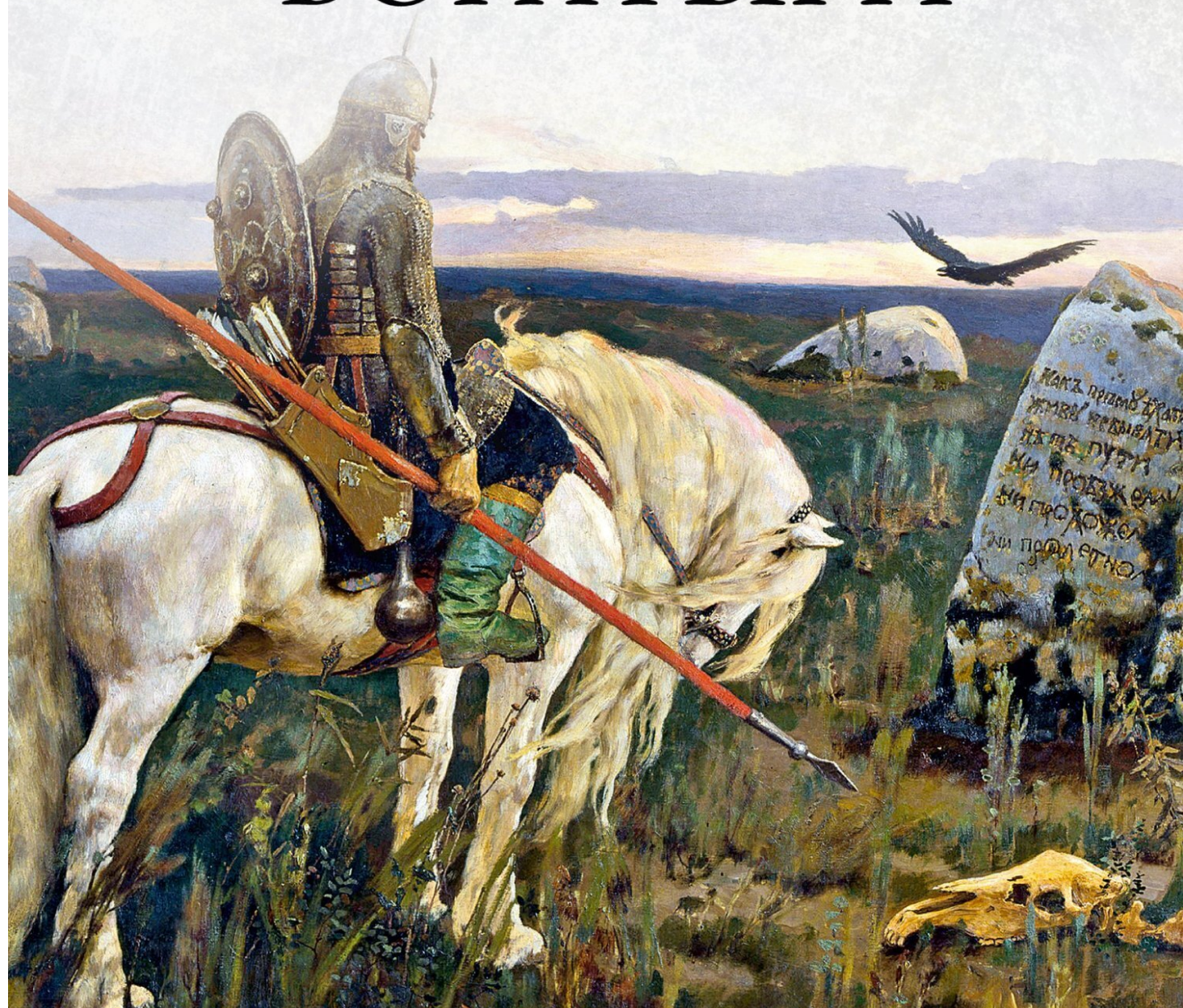

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Владимир Филиппов

РУССКИЕ БОГАТЫРИ

Русская история

Владимир Филиппов

Русские богатыри

«ВЕЧЕ»

2020

Русские богатыри / В. В. Филиппов — «ВЕЧЕ», 2020 — (Русская история)

ISBN 978-5-4484-8405-6

Эта книга рассказывает о русских богатырях, но богатырях не былинных, а исторических. Некоторые из них стали прообразами знаменитых эпических героев. События, о которых пойдёт речь в книге, происходили на Руси на самом деле, хотя автор вынужденно прибегает к художественной реконструкции отдельных эпизодов.

ISBN 978-5-4484-8405-6

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Александр Попович	7
Некоторые выдержки об Александре Поповиче из летописей и трудов известных историков	40
Глава 2. Вячко из Кукейноса	43
Выдержки о Вячко из летописных источников и работ известных историков	72
Глава 3. Евпатий Коловрат	75
Некоторые выдержки о Евпатии Коловрате из летописи и работ известных историков	94
Глава 4. Василько Константинович Ростовский	96
Выдержки из летописей и работ известных историков	118
Глава 5. Всеволод Юрьевич Владимирский	122
Некоторые упоминания о Всеволоде Юрьевиче в работах известных историков и летописных текстах	149
Иллюстрации	153

Владимир Валерьевич Филиппов

Русские богатыри

© Филиппов В.В., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Идея написать сборник, рассказывающий о реальных, исторических русских богатырях, появилась уже довольно давно. Препятствовал её осуществлению преимущественно недостаток материала, хоть сколько-нибудь достоверного и правдоподобного. Содержание летописей исчерпывается в основном биографиями князей, владевшими жизнями и судьбами всей земли. Тем не менее, опираясь даже на те скудные факты, что автору удалось найти в различных летописных свитках и собрать воедино, можно проследить истории людей, что с оружием в руках стояли на страже интересов Руси.

Предупреждая вопрос, насколько точно в своих рассказах автор придерживался реальных исторических фактов, отвечу, учитывая, что держаться правды истории тут можно только приблизительно, автор принципиально старался ни в чем не отступать от канвы сохранных источниками событий и известных по летописям поступков исторических лиц. И если кому-то покажется, что вымысла здесь в избытке, отвечу на это так: вымысел не обман, просто воображение автора дополняет и воспроизводит то, что давно разбито на куски. Каждый пишет так, как он понимает.

Поэтому, подводя итог, скажу: всё это реальные истории. События, о которых пойдёт речь в книге, происходили на Руси на самом деле. Из уважения к погибшим все имена сохранены, любые совпадения с летописными источниками неслучайны.

Глава 1

Александр Попович

*Времена не выбирают,
в них живут и умирают.*

Славные это были времена. Великие времена. Древние времена! Когда богатыри были могучи, княжны прекрасны, властелины мудры.

Еще цвела и величалась красою Владимирская Русь!

Одним словом, дело было встарь. Так это было давно, что порой и не разобрать, то ли это правда, то ли сказки?..

Нет, пожалуй, лучше начну иначе!

Сначала было слово. И слово это было обидное. За ним последовало и другое, и третье, и ещё одно. И все они были также обидны, горьки, яростны и колючи. Слова превращались в упрёки и, тяжелые, будто камни, пущенные умелой рукой, летели, точно попадая в цель, безжалостно глуша и рая. Обида порождает обиду, а значит, равноценный ответ, поэтому неудивительно, что вскоре между собеседниками началась откровенная ругань, окончившаяся длительной ссорой, после которой владимирский князь Всеволод Великий изменил своё завещание. Теперь выходило, что после смерти Всеволода старшим князем во всех землях, ему подчинённых, становился не старший сын Константин, повздоривший с отцом, а его младший брат Юрий. Может быть, это решение было заранее обдуманное и старый князь ждал только повода, чтобы его объявить во всеуслышание, а может быть, оно было импульсивным, от обиды и гнева, нам этого уже не узнать. Решил и решил, мы имеем дело с уже свершившимся фактом. Как говорится: «слово царя – твёрже сухаря».

А дальше? Дальше что-то менять было уже поздно. Прошло совсем немного времени, и Всеволод скончался. Ни врачи, ни лекари, ни знахари не смогли продлить его жизнь, и завещание вступило в силу в той форме, в какой было составлено на момент разрыва. Юрий сел править во Владимире, оставив за старшим братом Константином Ростов. Но там, где старший вынужден подчиниться младшему, всегда жди беды. В этот раз не вышло иначе.

Так, в дружной до этого семье начались нешуточные разлады. Как будто и не было больше родства и в помине.

Константин был не молод, педантичен, довольно умён, образован, начитан, но при всём этом богатстве слаб здоровьем, обидчив и очень-очень упрям. Был он по своей натуре не злым, а скорее добродушно-отходчивый, но... тут вкрадывается ещё одно «но» – был Константин ненадежен и довольно робок, ему всегда не хватало решимости в принятии решений, а потому был он податлив чужой воле... В сочетании с умом и упрямством выходила довольно опасная комбинация. Сейчас Константин всерьёз, досадовал на то, что злой судьбой и, возможно, про-исками младшего брата отодвинут от верховной власти. Надо сказать, что в отношении брата он был не прав, но чего только не подскажет распаленное и озлобленное воображение! К тому же как ни крути, а факт остаётся фактом, власть-то действительно уплыла из рук, остался за ним один Ростов. Вот всё нутро против этого и поднималось. Себя Константин не винил. Да и с чего бы? Он же не для себя одного, для всей земли владимирской старался, и проект внутреннего переустройства, который был представлен отцу, выглядел умно.

Думы о будущем Владимирской Руси давно и настойчиво тюкали в темя, не давая покоя и лишая здорового сна. И неслучайно. Отец был стар, и Константин уже видел себя главой мощного государственного объединения. Поэтому он решил без посредников, а напрямую, коротко и ясно изложить отцу все, что он думает о том, как должна устроиться земля владимирская

под его рукой. Главным в нём, в проекте, было то, что Владимир и Ростов, два самых крупных города Владимирской Руси, во избежание борьбы за лидерство должны остаться после смерти Всеволода Великого в одних руках, а именно его, старшего сына Константина. Ведь старший сын он, и никто иной! Ну и чтобы ему не переезжать из Ростова, где он с удобством обосновался, столица должна перейти именно туда. Вот как любил он Ростов!

– Чтобы великий князь один ведал всеми делами, власть должна быть одна, в одних руках! Тогда не распадется в будущем Залесская Русь надвое и останется целою в великих пределах своих, и держава с единым законом и властью будет расширяться наперекор враждебным соседям хоть с юга, хоть с востока, хоть с севера. Она в любой момент даст отпор и хорошо вооруженному Западу, и грозной Степи. Страна должна иметь власть единую – или погибнуть в потоке времен, в распрях потомков. Иначе не будет, не может быть! Вся история этому подтверждение! – толковывал он отцу, пока ещё не волнуясь, не кипятясь и чеканя слог.

Но одних чистых доводов никогда не бывает достаточно. Отец проект не оценил, мало того, встретил в штыки.

– Просишь Владимир?! Мало тебе Ростова? А не много ли ты хочешь?

Ах, если было бы можно приказать, кому родиться первым в княжой семье, а кому после, скольких проблем удалось бы избежать!

Разговор, как это часто бывает, изменил русло и из конструктивного перешёл в эмоциональное, где бессильны были доводы и аргументы.

– Владимир и прежде бывал под рукой Ростова! – вскипел Константин.

В ответ Всеволод Великий раздул ноздри:

– И слушать этого не хочу! – и бросил сердито: – Каждому свою вотчину! – И глубокие морщины щек острее прорезались на его лице. Это был опасный признак.

– Ростов – старейший град Суздальской земли! – почти выкрикнул запальчиво в ответ Константин, уяснив, что отец не оценил его мотивацию. От обиды стоп-кран вырвало с корнем, его затрясло, зубы заплесали, неровно выбивая чечётку, и руки пошли ходуном. Он потерял контроль над собой и что-то кричал, уже от досады и сам уже не понимая о чем.

Старый князь тотчас взорвался в ответ, пристукнув посохом. Так слово за слово... ну и как это нередко бывает в таких случаях, наказание последовало незамедлительно и интересы старшего сына были изрядно ущемлены.

Всё многочисленное собрание больших людей (а отец собрал для объявления своей последней воли ближних бояр и дворян из всех городов, священников, купцов богатых) одобрило решение Всеволода Великого поручить великое княжение и меньших братьев Юрию, а ослушника Константина спешило заклеить. И все, кто должен был принять присягу, и родичи, и бояре, и простые граждане, целовали крест и дружно присягали на верность Юрию Всеволодовичу, признавая только его одного великим князем и наследником.

Гролом среди ясного неба поразило Константина это известие. Эффект от него можно было сравнить лишь с ударом крепкой дубиной по голове. Всякого он ждал, но чтоб такое пришло отцу в голову! К тому же обидно было и то, что владимирская дружина, и полки и посад, верят одному Юрию! А себя было просто жаль. Заливаясь жарким румянцем, он даже слезу чуть было из себя не выдавил, глаза горели обидой. Кому пироги да пышки, а кому желваки да шишки.

– Вот и радей после этого за интересы Отечества! – сделал он вывод.

Константин смириться с потерей никак не мог, и отцова воля в данной возникшей ситуации была для него не указ. Он предпочитал другой закон, тот, что ему выгоднее – закон наследования по старшинству.

– Мне все одно... Должно быть единственное право, прямое право перехода власти от отца к старшему сыну! – твердил он своим ближним боярам. – Так издревле было заведено на Святой Руси! Отец, старший сын, его старший внук... Право это утверждалось ещё древними

киевскими князьями, а были те князья – не чета многим нынешним! Великие то были князья! Они вино пили мало, да и в теремах сиднями не сидели, а мотались они всё время в седле, пропахшие насквозь конским потом, и ели едва обжаренное над огнем костра мясо, собирая земли воедино. Тогда законы просты были, и решали их по совести! Так было всегда! Так и должно идти! Рушить заведенный единожды распорядок нельзя ни в чём: ни в думе княжеской, ни в хозяйстве, ни в самом княжестве! И тогда земля будет избавлена от потрясений.

Логика Константина была пряма и понятна.

Что было делать Юрию? Добровольно уступить? Пойти против воли отца? Это тоже неправильно. Не сам он себя старшим в Залеских землях назначил. А отец Всеволод знал, что делал, за то его и прозвали Великим. Потому ответ Юрия был сформулирован кратко:

– Чего не нами решено, то не нам и перерешать!

Логика упёрлась лбом в стену свершившегося факта, и дальше ей ходу не было. В данный момент закон был на стороне Юрия. Что оставалось? Похоронить гордые мечты, закиснуть в безвестности и унынии, зарыться с головой в книги и уйти с политической арены? Нет! На это Константин был не согласен! Он никому не даст себе в кашу наплевать.

Значит, оставалось одно – обойти закон. По тем временам это приравнялось к объявлению войны.

Ждать пришлось недолго. Начал всё Константин. Он скинул свою личину любящего брата и повел себя вызывающе враждебно.

Для начала ростовский князь обратился в пепел Кострому и пленил жителей. Сделал он это зря. Земля была своя, и разорять ее без толку не стоило, да и на популярность, действуя таким образом, сложно было рассчитывать. Ярость взяла верх, но разгром Костромы не принёс ему утешения. Однако «Рубикон был перейден».

В ответ Юрий, собрав полки и призвав под свои знамёна муромского князя Давыда, пошёл напрямик на Ростов. Братья не остались в стороне. Молодое дело – неуступчивое. А молодые головы горячие. Да и нельзя уже стало отступать.

И пошёл брат на брата войной!

Семья разделилась на две части.

Детей у Всеволода было не двое, а целых тринадцать, восемь из которых мальчики, из них шесть были сейчас живы и стояли на ратном поле одни против других, выясняя, за кем из них правда. На одной стороне стояло четверо: Ярослав, Святослав и Иван были за Юрия, на другой стороне лишь двое, одним из которых был сам Константин, другим Владимир. Вот такая вышла арифметика.

Встретились на реке Ишне. Встали одни русские рати против других, а свои против своих же!

Сельский пейзаж обогатился отрядами всадников, блиставших кто богатым панцирем, кто дорогой кольчугой.

Количественный перевес был за Юрием, и вполне ясно виделось, что ростовскому князю не по силам тягаться с младшими братьями, но и у Константина были свои козыри.

Ростовская дружина, которую вёл боярин Александр Попович, не знала себе равных.

Добры молодцы были все как на подбор, справные: в бронях, зеркальных шеломах. Залюбуешься! Кормленные кони вычищены и кованы на все четыре копыта. Шерсть – что шелк! Выстоялись.

Боярин сам подбирал себе людей, и, глянув раз на его бойцов, сразу было видно, набор дружины дело истинно мужское, сурьезное!

Ещё вчера эти громадные и белозубые гридни бесстрашно заигрывали с идущими на рынок кухарками, а сегодня они готовы встретиться лицом к лицу с такими же опасными бойцами, как и они сами. И не уступить.

Ратник должен твёрдо знать, что честь ему воздадут только за храбрость в бою, а не за что иное, тогда он и кровь свою положит за землю свою, за власть и за князя своего. С трусостью, с потерей мужества кончается для него все. В дружине нужны только такие бойцы, что не засиделись на печи, не обросли жиром.

Эти, все как один закаленные в битвах и привыкшие к звону сабель, блистали доблестью и выправкой с той снисходительной небрежностью, которая появляется лишь у старых вояк, прошедших огонь и воду. За нас голыми руками не берись!

Сам Александр Попович в шишкастом шеломе и прочной броне с алым щитом в одной руке и с острым мечом в другой восседал на могучем, под стать ему самому жеребце и был похож на ожившую гору. Круп коня был старательно укрыт кожаной попоной, на груди позвякивали разноцветные металлические пластинки.

Не было на ту пору второго такого богатыря на Руси. Дивный был человек! И умен он, и храбр, и боголюбив. Храм посещал исправно и носил на бычьей шее серебряный крест весом чуть не килограмм. Наружно богатырь был спокоен и прост: румян, большеглаз, крупнонос, с алыми губами и красиво кудрявящейся бородой. Его плечи были настолько широки, что в поле зрения оба сразу не помещались, и приходилось поворачивать голову, чтобы обозреть его целиком, или делать шаг назад. Сердце у него было горячее, печень крепкая, а легкие – что кузнечные мехи. В руках же таилась несокрушимая мощь. Бывало, одной рукой останавливал он шалого коня, взявши его под уздцы, а секирой играючи валил деревья! Бывало... Да, разное бывало. Одним словом, прямой был витязь без страха и упрека.

Где шла война, там появлялся и Попович, одно слово – богатырь.

Поповичу было всё равно, насколько справедливы претензии его князя на власть. Каждый за свое бьется, и кто тут прав? Не ему судить! Да и в самом деле, что он понимает во всех этих многотрудных княжеских делах и разборках, тем более меж братьями.

– У нас кто силен, тот и прав! Лишь бы душа была чиста, лишь бы сердце не продажно! – так просты были его устои. А его душа была чиста. Своему князю богатырь служил верой и правдой и готов был за него и в огонь и в воду.

Сейчас он смотрел, не моргая, на ту сторону реки, где находился противник. Темные брови были строго сведены на переносице. Ничего примечательного там вроде и не было. Стояли деревни, неотличимые от прочих. Блеяли овечки на заречном просторе лугов, пели птицы. Сосны хмурились на солнце, раскачиваясь под лёгким ветерком. Белые солнечные облачка плыли в ясном небе. Отроки купали в Ишне коней. Лошади довольно фыркали. Всё это вызывало в мыслях богатыря картины мирного крестьянского труда, и со стороны даже казалось, что работа эта была веселая, радостная и вовсе не трудная.

Александр набрал в грудь терпкого осеннего воздуха, с ароматом вянущих трав и сжатого хлеба. Вдохнёшь вот так, и даже в груди щемит. Вот она – Родина!

Неподалёку от богатыря стояла его дружина.

До главного дела пока не доходило, вывести рати на сражение обе стороны не торопились, всё ограничивалось лихими конными сшибками, в которых верхоконные бородачи, о коих поют в песнях гусяры, хвастались удалью.

А какой же нормальный русский богатырь откажется показать свою силу и удаль? Попович не был исключением из общего правила. У него уже давно руки чесались пустить в дело оружие.

– Нет, тебе как предводителю надлежит беречь жизнь и потому надо бы поменьше выставляться, – намекнул один из его гридней, молодой, подбористый, в легкой кольчуге с короткими рукавами и шишкастом шлеме. Во взоре была настоящая озабоченность, но не было смущения и боязни. – Чего очертя голову рваться?

Они начали препираться, один почтительно, другой насмешливо и свысока.

– Голову всюду потерять можно! А богатырь, если он настоящий богатырь, никогда не прячется за спины своего войска, – ответствовал наставительно Попович. – По два раза не мрут, а одного не миновать. Кто знает о дне и часе своем? Потому и надлежит ежедневно быть готовым к отшествию в мир иной и не возноситься гордынею, а любить Господа своего!.. И ещё, – закончил он, выждав паузу, – правые побеждают уже до боя!

Как пелось в одной замечательной песне: он смеялся над славою брэнной, но хотел быть только первым, такого попробуй угробь!

На другой стороне реки, укрывшись под соснами, стояла и скучала небольшая группа из двенадцати – пятнадцати всадников. Конные кучно грудились. Они не прятались, скорее наоборот, даже как бы не замечали супротивника и не проявляли никакой агрессии. Им был дан князем строжайший наказ на ту сторону реки не соваться, но если её перейдёт враг, встретить достойно и уничтожить беспощадно! Вот они и мучились в ожидании дела.

Мостик через реку выглядел так радушно, будто приглашал на другую сторону.

– Начнем, – тепло и просто сказал Попович. – Теперь не время слов, время дел! Пора услышать, как звенят мечи булатные, Сперва я один. Будет нужда, поможете, нет, ждите здесь!

Он поднял загоревшийся взор и тронул коня. Тот фыркнул, тряхнув головой, и рысью двинулся вперёд. Его копыта гулко ударили по брёвнам моста, зашатавшегося от натуги. Хорошая примета, если боевой конь сам рвется в сечу.

Теперь внутренний стопор отпущен, и ничто сейчас не удерживало его от того, чтобы влететь на полном скаку во вражеский строй, рубя направо и налево, делая живых мёртвыми.

Суздальские ратники, углядев на своей стороне противника, набросились на него всем кагалом, видя лёгкую добычу. Возбуждение взяло верх над тактикой, и в мгновенно создавшейся сутолоке они только мешали друг другу. Все вокруг кричали и размахивали мечами. Умение будто улетучилось. Всадники сплелись в один топчущий, размахивающий руками и копытами клубок. Звон мечей, крики сливались с ржанием лошадей. Попович умело маневрировал своим жеребцом в этой боевой свалке. Иначе так зажмут, что и не развернёшься. Так, отбиваясь и обороняясь, он работал по стахановскому принципу: один за всех. И все они не стоили его перста мизинного! Попович размахивал мечом, рубил умело, клинок раз за разом погружался в чужую плоть. Бац! Бац! Бац! Его удары всякий раз были точны и выбивали кого-то из седла. Головы противников непроизвольно вжимались в плечи.

Он был подобен богу войны: грозному и безжалостному. Цепким взглядом он держал всех нападавших, выбирая для удара наиболее уязвимые места. В том случае, если его расчёт оказывался не совсем верным, меч, коротко свистнув, не убивал, а лишь наносил разной тяжести увечья. Тогда потенциальная энергия оружия, при соприкосновении с телом преобразовавшись в кинетическую, вылетала отборной заковыристой руганью из ртов пострадавших.

Раненые с трудом поднимались из обгащённой их кровью травы и, кроя всё на свете, ковыляли в сторону, уже угрюмые и потерявшие боевой задор.

Но на место одних подтягивались другие, кому хотелось испытать свою силу.

Весь день Попович бился, словно безумный. Вечер остудил пыл и развёл противников по лагерям. На закате Попович, усталый вусмерть, вновь очутился в своём лагере.

– А лихо ты их проучил! Более не сунутся, – восхищённо цокали языками ратники.

Возвращаясь в свой шатёр, Попович наткнулся на летописца, что состоял при Константине. Князь был большой книгочей, ему без человека, что увековечит его деяния объективно и педантично, никак нельзя.

– Ну что, пишешь летопись, ученый монах? – походя спросил его Попович.

– Пишу, – ответил тот, замаявшись. – Кто же за нас напишет наши летописи? – Ответ на этот риторический вопрос он не получил. Его вопрос был попросту проигнорирован. Во-первых, сам их писать Попович не собирался, не его дело буквицы на пергаменте выводить. Во-вторых, и это самое главное, вопрос этот его нисколько не интересовал.

Летописец и вправду, добросовестно скрипя гусиным пером, поспешил зафиксировать возникшие у него мысли. Буквы поначалу складывались с трудом, но внезапно волна вдохновения накатила на него, и он, показывая ясность мысли, грамотность изложения и богатый словарный запас, отметил, что богатырь ростовский Александр Попович *«храбрѣствуя, выезжая из Ростова, князь Юрьевых вой побиваше, их же побитых от него около Ростова на реце Ишне и под Угодичами на лугу многи ямы костей накладыны»*. Запись осталась в веках!

День остался за Константином. Но только этот день, дальше, слава Господу, обошлось без большого разоренья и кровопусканья! Не было дальше расчета воевать! Попович богатырь славный, но плетью обуха не перешибёшь. Силы были неравны.

Начались переговоры.

Константин принял посольство от брата ввечеру. Бояре-воеводы почтительно уселись друг против друга за столом, и владимирцы начали разговор:

– Мы ведь приехали сюда уговаривать тебя, Константин! Уйми меч свой и утишь сердце свое! Смирись, заключи мир с Юрием! Все мы помним про отцово завещание!

Константин угрюмо молчал. Он казался усталым, поглядывал неуверенно на своих бояр, словно гадал: как себя вести? Будто ждал от них подсказки. Потом выговорил мрачно, отводя взгляд:

– На каких условиях?

Несмотря на все индивидуальные подвиги Поповича, послы, пришедшие от Юрия, предложили мир по старым грамотам, то есть по тем, в коих записано отцово завещание.

Согласится сразу на такое было нельзя, иначе зачем и начинал эту возню. И Константин ждал, что предложат ещё. Весь следующий день прошел в пересылках и переговорах. Ближние бояре уговаривали князя сейчас отступить:

– Смирись, княже, не то ныне время, чтоб противу себя братьев-князей восстанавливать. Не то.

Но Константин упёрся и ни в какую. Ещё два дня толковали меж собою бояре, обсуждая варианты, но иных предложений не последовало. Юрий был твёрд и стоял на своём. Оставалось либо соглашаться, либо воевать.

– Затаись, княже, до поры, и время твое придет, – увещевали Константина ближние люди.

Один Попович в противовес всем предлагал драться.

– Ныне бог не дал, отчего же надеяться, что в другой раз удачу пошлет? – досадовал ростовский князь, но на уговоры поддался.

Для заключения мирного договора приехал сам Юрий.

– Мы родные братья. Вспомни батюшку! Что сказал бы он, увидев нас грызущимися за власть, как собаки за кость?! – пытался втолковать брату Юрий. – А власть я у тебя не отбирал. Веришь ли ты брату своему? Так отец завещал! Слышишь, Константин, отец завещал мне править вослед ему! Зачем борьба за власть, споры, ссоры... уж коли мы друг друга грабить начнем, конец Руси Великой! Сам же говорил! Мало, что ли, мы друг друга рубили?

– Хорошо, я готов пойти навстречу, – сказал Константин. – Я принимаю условия.

Точка была поставлена. Справедливость восторжествовала в данном случае, так как и было прописано в завещании старого князя. По достижении договорённостей произошёл ритуал братских объятий. Все облегчённо вздохнули.

Сделав дело, уходили домой суздальцы и переяславцы, с чувством выполненного долга уходил восвояси владимирский полк, откатывались домой муромцы, пришедшие под воеводством своего князя. Ах, как было сладко верить в то, что худшее уже позади, и не думать ничего наперед! О том, что наступит потом? Потом, когда поутихнут первые радости воссоединения?

Только один Юрий почуял, что брат всё одно не отступит от своих намерений и вышних замыслов. И был прав. Договоры, особенно когда припрёт, пишут все, и все нарушают их потом!

Если владимирцы и суздальцы шли домой весело, то у Поповича всё было с точностью до наоборот. Медные трубы разом смолкли. Злой и огорчённый настолько, насколько может быть зол и огорчён богатырь, он вернулся к себе домой в смутном раздражении. Он был уведен и всерьёз задумался о переоценке своей личности в истории. Наружно, однако, не оскорбился ничем, не зазрил, не нахмурился, даже стоя перед князем и слушая условия замирения. Видно, решил что-то про себя.

Обида и горечь, горечь одиночества захлестнули его, словно волной.

– Подвели итоги, свели дебет с кредитом, подписали бумаги, и всё. Сплошная бездушная бюрократия и ни какой душевной благодарности за подвиги. И это после того, как он... беззаветно проливал свою кровь... не щадя сил...

Примерно такие мысли бродили в голове богатыря во время душевной смуты.

Если обстоятельства вяжут по рукам и ногам, человек часто звереет, богатырь практически всегда. И размеры несправедливо причинённой ему обиды росли по мере того, как он замыкался в себе... «Знать, по судьбе моей бороной прошли», – невесело подумал он.

Только время залечит любую, самую тяжкую рану. Да и залечит ли? Кто знает. Но на одно время полагаться нельзя, нужны и другие лекарства. И у Поповича такое лекарство было припасено в изрядном количестве... С горя он начал выпивать, потому как всякому доподлинно известно, что именно эта процедура очень способствует укреплению нервов и заживлению душевных ран. А чем ещё душу вылечить? Да и сердца боль сама не проходит никак. Теперь оказавшись в добровольном затворничестве, недавний ратоборец от нечего делать целыми днями валялся на лавке: спал или сидел в длинной, до колен, белой рубахе, свесив босые ноги на пол. А выпив меду, орал во всё горло песни, разнообразя тем самым формы безделья, и снова пил мед.

Вот близится вечер. В родовом тереме разомлевший Попович медведем сидит за столом один, в исподнем, тяжело опустив плечи. Пахнет овчинами. Стрекошет по-домашнему сверчок под половицей. В пузатой бочке у печи доходит брага. На столе чеканный кувшин с хмельным мёдом. Приподняв узорную крышку, Попович плеснул в чару. Молча выпил чару до дна, закурил огурчиком. Рукавом отёр рот. Посидел, подумал и налил ещё для придачи себе оптимистического взгляда на жизнь. Теперь пил уже не торопясь, большими глотками, и после каждого прижмуривался от удовольствия, как человек, понимающий толк.

– Медок-то, он от любой хворости помогает... – сказал про себя. Хмель бродил в могучем теле и успокаивал. Чтобы закрепить эту мысль, пришлось добавить ещё.

Испив очередную чару меду, богатырь совсем обмяк.

Вот и забылись вчерашние заботы. К этому времени кувшин сильно опустел, а свечи сильно оплыли. Дрема накатила, охватила и победила. Сами собой смеживались ресницы.

В этот-то миг раздался бешеный стук в ворота, поднявший на ноги полусонных собак.

– Тута соснешь! – без особой злости ругнулся богатырь. Попович встряхнул головой, отгоняя дрему. – Кого ещё несет в эту пору? Верно, гонец?

Хлопнула дверь. Вбежал слуга, чумной со сна, но готовый к службе и стремительный. Подтвердил догадку.

– Гонец прибыл от князя, – протараторил он.

– Зови! – приказал богатырь. Догадываясь уже, что вести грядут недобрые.

Новый гость вступил в горницу. Так мог бы войти Каменный Гость, так без барабанного боя, без гуда рожков вступает сама судьба.

– Грамота есть у меня к тебе от князя Константина. Государственное дело, – церемонно произнёс он.

Достав из-за пазухи грамоту, гонец подал её Александру, тот, прихмуря брови, принял и развернул пергаменный свиток. Уже по первым строкам понял, не читая: свершилось! Князь призывал Александра к себе. Сам собой возникал вопрос: какую надобность мог иметь в нём,

богатыре ростовском, князь, и ответ на него мог быть лишь один-единственный. Вновь быть брани междоусобной! Константин звал его к себе, в Ростов. А просто так богатырей к себе не зовут.

– Передай князю, ответа не будет, – сказал Попович.

Он отпустил гонца, а сам посидел еще, свернув грамоту в трубку и прикрыв глаза ладонью. Потом встал, спрятал грамоту в окованный железом ларец, потянулся, выгибая спину, решительно задул свечу и, радостно улыбаясь в темноте, полез в постелю.

Попович знал, что бы он ни ответил, это не последний человек от князя. Пришло его время. Теперь он всем им покажет! Он еще будет на коне! Будет и на его улице праздник.

Едва след посыльного простыл, как явились к нему ростовские бояре. Константин был наслышан и о болезни богатыря, и о его лечении, но богатырь ему был нужен до зарезу, к тому же Константин был упрям. Поэтому, дабы излечить витязя, поставить его в строй и вернуть ко двору, отправил к нему бояр самых опытных.

Что ж, горяч богатырь, дюже горяч, но ведь мы и любим его за геройство, за подвиги: он ведь жизни своей для дела не жалеет... а посему и на недостатки его можно прикрыть глаза. Особенно когда без него никак.

О встрече этой не всем надобно было знать, чтобы не нарваться на ненужные вопросы, хоть тут и не решают особо важных дел, но беседа, что ведется, не предназначена для чужих ушей. Посему только двое самых верных и молчаливых слуг неслышно появлялись и исчезали, принося и унося блюда и кувшины тотчас по мере надобности.

Странное это было застолье, ежели поглядеть на него со стороны. На лавках под иконами, у простого тесаного стола, заполняя собою весь красный угол, в котором был расставлен дивно богатый иконостас, восседали виднейшие ростовские бояре. Вели себя степенно, с достоинством. Хошь и не пир, а стол был заставлен яствами пристойно. Уж принять-угостить это мы всегда! Это добрая старая традиция, причём чисто русская. Да и кто же будет против общения с подобными себе.

Начали туго.

Бояре, с опасливым уважением взирающие на богатыря, уговаривали бросить самолечение и вернуться к княжескому двору.

– Ох смотри, – говорили они ему. – От чрезмерного потребления меду хмельного в голове дурная кровушка заведется, тогда-то и тронешься умом. Чуешь? Вино замутняет разум, несет пагубу человеку!

– Да в чем беда? – удивился Попович, будто оценивая, с чего на него свалилась такая неожиданная забота и чем она может быть чревата. Да и обидно, когда тебя, взрослого мужика, героя, в собственном доме, точнее, тереме пытаются жизни учить. Попович решил не уступать и задал вопрос:

– Вот вы мне скажите, бояре, ради интересу, вот, например, ежели поставить перед бараном бадью воды и бадью, скажем, бражки, вот что он выберет?

– Ну, конечно же, воду, – хором ответили бояре, не ожидая подвоха.

– Так вы что, меня с бараном сравнять хотите? – торжествующе прогудел Александр.

Бояре разом покраснели и растерялись, разговор принимал совсем не тот оборот, который бы им хотелось. В первом раунде за явным преимуществом победу одержал богатырь.

Значит, начинай всё заново. Как тут подступиться. А решение простое, и оно на столе.

Выпили по чаре – полегчало. Крякнули от удовольствия. Налили по второй – совсем осмелели и не стали отказываться от третьей. Охмелев слегка, до того молчаливые, бояре разговорились, разоткровенничались, не скрывая больше цели своего визита. Да и чего шило в мешке таить.

Он нужен, да нет, просто необходим сейчас Константину. И пусть Александр не хмурит своё чело!

– Рад бы верить, да уж и веры нет, – усмехнулся богатырь и взъерошил и без того растрепанную бороду.

Бояре супят брови. Грех молвить такое.

– Князь опять в трепете. Просит он, чтоб ты пришёл с побратимами своими. Юрий угрожает войной...

– Про это мы знать не можем, мы в политике не сильны, – хмуро усмехнувшись, сказал Попович и обтер багровое лицо припряданным где-то красным платом. Пойти просто навстречу мешала гордость, приехали не зря, вот пусть и уговаривают. Все это тешило тщеславие, ласкало слух.

Один из бояр, тощий да нескладный, прищурил, как кот, глаза.

– Ну, кто старое помянет, тому глаз вон! Какие между своими могут быть обиды! Князь призывает тебя сразиться за него, во имя вчерашней славы и завтрашнего величия!

Ох и хитер ты, боярин, подумал богатырь и возражать на боярские речи не стал.

– А что, Константин опять мыслит все великое княжение себе воротить?

– Кто может читать мысли княжеские? Приедешь, сам всё и узнаешь. Что передать Константину Всеволодовичу? Ждать ли ему тебя? Рассчитывать ли на твою удачу богатырскую?

Кувшины с квасом и хмельным медом и фряжским вином вновь и вновь наполнялись. Толковали уже битых два часа. Ростовские послы были народ упрямый.

Смеркалось. Угасало дневное светило, отходя на покой. Слуги внесли свечи и начали прибирать со столов. Беседа таяла, и уже бояре, устав от разговоров, сникли, почувяв, что и им пора по домам.

– Передайте князю Константину, мое решение такое: соберу всех, кто есть, и через два дня буду. На том разглагольствию моему конец! Мы люди простые, пышно говорить не умеем и зрящих обещаний не даем.

Возвращались бояре в Ростов к своему князю, уладив все дела, довольные, в пору было петь да веселиться. Справились с заданием.

Утром проснулся Попович от петушиного хрипа, с больной головой и в настроении довольно мрачном. Спустил с ложа босые ноги. Тяжелый, массивный, огромный встал, оделся, не вздувая огня, тихо вышел, стараясь не разбудить слуг. Из головы еще не выветрился тяжелый хмель. Хорошо бочка с пивом завсегда у крыльца стоит! Он молча прошел в горницу, вышел на двор, зачерпнул ковшом пива и долго с наслаждением пил его, запрокинув большую кудлатую голову.

Полегчало. Жизнь приобрела ясность и смысл, даже дышать стало легче. Будто сегодня свалилось с него тяжкое бремя. С чего бы это?.. Может, просто выветрилось из головы коварное фряжское вино.

Первым делом Попович отправился в конюшню. Сам почистил скребницей и оседлал коня, чего уже давно не делал. Опершись о луку, вскочил в седло. Жеребец вскинулся, рванулся что было силы вперед.

Когда Александр возвратился в терем, рубаха на нем взмокла от пота.

Только вступил во двор, и тот час же, как по-щучьему веленью, ожило все в боярском тереме. Появившиеся слуги подавали Александру воду для умывания, полотенца с петухами для лица и рук, протягивали свежую одежду.

Жизнь вернулась в привычное русло, и уж теперь мешкать не следовало. Попович призвал к себе нескольких верных людей и велел им собирать дружину. Сам облачился в боевые доспехи, велел подать коня.

Легко, чуть-чуть гордясь собою, взмыл в седло, отер невольный пот со лба и ясно оглядел сотоварищей. Богатырские ребята! Он и сам был чудно хорош сейчас.

Глухо топочут по лесной дороге десятки копыт. Скачет, растворяясь в рябом осеннем лесу, дружина в Ростов.

Уже на подъезде узрели необычайное оживление в городе. Поповича с дружиною ждали. В главные ворота города въезжали попарно. Народ глазел и радовался. Молодцы, орлы, герои!

У самого княжьего терема дружина спешивалась, посверкивая оружием и гомоня. Поповича конь поднес к самому крыльцу. Александр соскочил наземь, чуть-чуть не доезжая. Встречали хорошо. Константин в княжеской шапке и малиновом корзне сам принимал и чествовал гостя.

– Знать, Господь Бог послал мне тебя, – сказал князь Константин, снимая высокую шапку.

Вновь воскресал, казалось бы, законченный, старый спор о праве на власть. До поры Константин вел себя тихо и лишь исподтишка пытался ставить Юрию препоны. Он был человеком книжным. Много книг ростовский князь прочитал на своем веку, и не зря, впитал он из них потаенную мудрость идущих к власти. В древних книгах, которые Константин глотал без разбору, много рассказывалось о хитрости, о коварстве, интригах, о том, на что готовы пойти люди ради власти... Константин решился наконец. Другого такого случая не объявится.

Одному ему с Юрием не сладить. А раз так, решил он чужими мечами добывать у родного брата золотой стол владимирский. Благо дело союзники нашлись быстро. Торопецкий князь Мстислав Удатный вошёл в конфликт со своим зятем Ярославом, младшим братом Константина и Юрия. Спор возник из-за того, кому править в Новгороде. Ярослав пытался стреножить Новгород, как коня, и, правя твёрдой рукой, прилагал все силы, чтобы сломить волю торгового города, заканчивая то, что начинал ещё батюшка. Нужно было подчинить своевольный Новгород владимирской власти, расширяя единые границы Залесской Руси. В противовес новгородцы призвали к себе из Торопца Мстислава, который давно маялся в тоске и безвестности и только искал момент, чтобы проявить себя на любом поприще и получить хоть какую-никакую приличную власть. На первых порах годился и Новгород. Можно было использовать его как трамплин. А дальше... на что ни дерзнёшь в мечтах, нужно только быть смелее, наглее и решительнее.

Вокруг Ярослава объединилась семья, за Мстислава встали сами новгородцы, посчитавшие себя обиженными молодым князем, а к ним примкнули Псков и Смоленск. Конфликт разгорался и требовал вооружённого разрешения. Теперь, когда силы сторон определились, получалось, что на одной стороне были все силы Владимирского княжества, а на другой: Торопец, Новгород, Смоленск и Псков. На бумаге всё выглядело внушительно, а на деле, даже собрав все свои полки воедино, сторонники Мстислава не могли всерьёз помышлять о победе над владимирским князем и его братьями. Для такого дела надо было объединять и поднимать всю Южную Русь. Вот если стравить братьев между собою или перетянуть на свою сторону кого-нибудь из них, кто недоволен своим положением и у кого есть реальная сила. Тогда... Тогда есть реальные шансы на победу. Уверенности нет, а шансы появляются. Хорошие шансы. И такой человек у собравшейся коалиции на примете был. Константин с его ростовскими богатырями. Только сделать всё нужно было аккуратно. На обещания не скупиться. Слабостям, подыграть. Громких слов, таких как предательство, избежать, а в ответ на оправдания своих действий – потакать да поддакивать. Вот и выгорит дело. А слова, чтобы прикрыть всю неприглядность поступка, они всегда найдутся.

Например.

– Не хочу быть под младшим братом!

– Справедливо!

– Что до меня, то я помышляю лишь об одном – сберечь отцово и дедово.

– Так и мы на владимирские земли не претендуем. Нам бы только правду отстоять! Казалось бы, ростовский князь дрогнул, но оставался последний препон – совесть. Догадался об этом Мстислав, но, разрушая последние преграды, сказал: – Смотри дальше, Константин. Есть власть, есть всё! Братья поймут и простят!

Знал бы Константин о тайных замыслах торопецкого князя, никогда бы не купился на такую дешёвую незатейливую ложь. Но когда на одной чаше весов честь и семья, а на другой власть, выбор не всегда очевиден. Кто не хочет стать первым, править единовластно.

Константин поддался уговорам Мстислава Удатного. Тот был знатный искуситель. Он много обещал. Заманивал. Нашептывал. Наседал на Константина, чтобы тот доказал на деле искренность своих намерений. Это укрепляло Константина в сознании правоты собственных действий и их правомерности. Мучительные сомнения были позади.

Долго боялся задуманного ростовский князь и каждый раз откладывал момент перехода на сторону противника, а решившись, пошел по выбранному пути, не отступая, до конца. Можно это было расценить как предательство (каковым оно и являлось на самом деле), а можно как борьбу за власть.

Юрию снова надобно было доказывать, что он, сын и наследник отцовской воли, не отступит от отцовских замыслов.

9 апреля 1216 года Мстиславова рать прибыла на «Городище на реке Сарре у Св. Марине», где присоединился к коалиции со своими полками князь Константин Ростовский и целовал на том крест. Так открылась измена. Константин открыто перешёл на другую сторону и тут же, ослабляя братьев и укрепляя собственную мощь, призвал себе на помощь и белозерскую рать.

Чья теперь возьмет, кто сядет на владимирский стол?

Войска встретились на Липице 21 апреля. Владимирцы в тактической борьбе сориентировались быстрее и, пока войска коалиции выбирали место для драки, заняли Авдову гору, высоту, что доминировала над окружающей местностью. Теперь войскам коалиции приходилось принимать бой в невыгодных для себя условиях. Чтобы атаковать противника, им пришлось бы бежать в гору. Других вариантов не имелось. Первыми владимирцы начинать явно не собирались, они просто пришли отстаивать своё. К тому же начини полки коалиции отступать, как Юрий, заметив это, легко ударит в спину. А если при таком раскладе и Константин проявит малодушие и отвлёрнется от союзников, так просто беда! Одним единственным манёвром Юрий с братьями зажали коалицию так, что не вывернешься. Атака оставалась единственным выходом. Был ещё один вариант – заключить мир, но в таком случае условия его диктовал бы владимирский князь, а от его предложений ничего хорошего ни Мстиславу, ни тем более Константину ждать не приходилось. Мстислав с братом Владимиром и примкнувшим к ним Константином совещались.

Чтобы обозначить хоть какую-то активность, послали добровольцев из дружин биться с суздальцами в долине между горами.

Для вождей удобно, пока богатыри ратной силой меряются, они спокойно думу думают и планы планируют, не отвлекаясь на разные там мелочи.

День выдался ветреный, промозглый и очень холодный. Главным его украшением стали поединки богатырей. Сходились они врукопашную, полагаясь на одного только Бога. Для них было самое раздолье, их поединкам и буря не помеха. Никто с боков не напирал, со спины не ударит, противник один и прямо по курсу. А твоя задача не ударить в грязь лицом.

Из таких вот поединков и возникают легенды.

Богатыри ждали вызова, чтобы проявить свою силу и умение, народ ждал зрелища. Когда лицом к лицу сходятся сильнейшие бойцы, остальная жизнь останавливается и замирает. Все следят за своими поединщиками: переживают, радуются, болеют. Подбадривают криком. Кто-то просто стоит, раскрыв рот, глядя на удалого воина с обожанием и восторгом. На всех лицах одно выражение – любопытство и страх.

Запоминают все, даже самые мелкие подробности, чтобы потом было о чем рассказать долгими зимними вечерами дома, семье и соседям.

Серьёзных бойцов в этот раз было предостаточно. Среди прочих летописи выделяют известных ростовских богатырей, таких как Александр Попович, Тимоня Резанич, прозываемый Золотой Пояс, Нефедий Дикун, а со стороны владимирцев – Юрята и Ратибор. Тут что ни имя – то песня. Это были матёрые, не раз и не два изведавшие огонь битв воины. Эти сами ищут кровавой сечи.

Но в этот день даже поединки богатырей были больше бескровны и спортивны.

Серая пелена. Солнце в это утро решило совсем не выходить. Воздух был свежий, сырой и промозглый. Серое, цвета раскисшей земли под ногами и такое же тягучее небо низко нависло над головами поединщиков. Ветер дул крепко, нёся с собой влажный холод. Мелкий надрывной дождь, утомительно моросая, налетал на бойцов внезапными порывами, забрасывая мелкими брызгами холодных неприятных капель, от которых негде было укрыться. Всё это было досадно, но не могло помешать людям, ищущим доблести и славы.

Огромный воин, плечистый, рослый, на таком же тяжёлом, как он сам, коне неспешно и аккуратно спустился к ручью в овраг со стороны владимирского войска. Грудь его была так широка, что кольчуга из толстых булатных колец плотно облегла налитое силой тело. Поверх кольчуги, для пущей надёжности, были густо наклёпаны булатные пластины. Широкий пояс богатыря был усыпан россыпью железных блях. Воин был в заострённом конической формы шлеме, слева висел огромный миндалевидный щит, напоминавший большую продолговатую каплю, сужающуюся книзу, и закрывавший почти всё его тело, справа угрожающе торчал громадный меч. Лицо воина было грозно, иссечено многочисленными шрамами и влажно от дождевых брызг. Конь под ним ступал тяжело и неспешно, на копытах нависло по пуду грязи.

Это был один из суздальских воевод, ищущий себе ратной славы.

Подъехав на нужное расстояние, он нарочито громко и сердито прокричал ратным голосом:

– Червлен щит, еду сим, – вызывая на поединок ростовского витязя.

Заслышав вызов, Попович послал к суздальцу своего оруженосца Торопа уточнить, с ним ли именно хочет померяться силой данный богатырь.

Тороп показал суздальцу червленый щит, на котором был написан герб его хозяина, красочно изображающий лютого змея с огромной огнедышащей пастью, и спросил:

– Что хочешь от щита этого?

– Я хочу того, кто за ним едет, – преувеличенно свирепо рыкнул поединщик.

– Гляди, не помять бы тебе тута портов! – Глаза Торопа умно и весело сверкнули.

Тороп сам искусный боец, не робкого десятка, он не раз и не два бывал с Александром в жестоких сечах, и ни один меч за всё время не оцарапал его, ни одна стрела не зацепила кольчуги. Будто заговорен был. Вернувшись к Александру, Тороп коротко доложил:

– С тобой поединка ищет. Зверь!

Вызов был принят с радостью.

– Один на один потягаться можно, – благодушно усмехнулся богатырь.

Попович также неспешно и с достоинством выехал навстречу.

Поединок обещал быть напряженным, и число зрителей увеличилось как минимум вдвое.

Суровые, огромные, как башни, закованные в булат, они молча возвышались на своих исполинских конях, хмуро посматривая друг на друга. Оценивая.

Попович вытряхнул дождь из бороды и медленно опустил ладонь на рукоять меча. Выглядел он тем, кем и был создан – богатырём, боевой самостоятельной единицей. Сила и мощь, слитые воедино и помноженные на опыт и умение. Во всём его облике угроза и стремительность. Взгляды скрестились. Суздалец, привычно пробежав кончиками пальцев по рукояти, тоже положил свою здоровенную ладонь на меч, длинный и широкий.

– Ты готов к поединку? – спросил Александр.

– Всегда! – Ответ радовал лаконизмом.

Александр, перебравшись через ручей, сказал ему:

– Отъедь.

Сказано это было ледяным голосом, с пониманием того, что подействует. Он стоял перед суздальцем уверенный и насмешливый, хотя синие глаза Александра смотрели холодно и предостерегающе. Было презябко. Для разминки Попович свёл лопатки под доспехом, поёжился от сырости, затем распрямился, выпятив грудь, готовый встретить ею врага и выполнить свой долг. Он чувствовал, как в его тело постепенно вливается страшная мощь. Поёрзал в седле, проверяя крепость ремней подпруг. Теперь он был готов. Подумав немного, Попович правой рукой достал булаву, левой же достал из-за спины щит и укрыл им левую сторону груди. Наклонившись, что-то шепнул коню в самое ухо, тот тряхнул головой, как будто понял всадника.

Суетливость не пристала настоящим мастерам. Противник без особой торопливости вытащил меч и укрылся щитом без единого лишнего движения.

Однако сам бой был слишком коротким. Витязи разом пустили коней навстречу друг другу. Жеребцы скакали тяжёлым галопом, копыта выбивали из земли комья грязи, которые взлетали выше головы.

Они сшиблись со звоном и грохотом. Суздалец ударил первым. Попович успел закрыться и ловко принял удар меча серединой щита, тем местом, где блестела широкая бляха. В ответ он коротко взмахнул рукой, и противник не успел опомниться, как на его голову обрушился тяжёлый удар булавы. Шмяк! Попович знал свою мощь, шарахнул от души. Будь на суздальском богатыре восточный шлем, быть бы ему с разбитой головой, но узкий конический шлем сбросил скользкий удар. Да ещё помог его смягчить меховой подшлёмник. Однако и этого было достаточно. Сбитый с головы воина шлем свалился в грязь, а сам он, не выдержав удара, вылетел из седла и покатился, звякая кольчугой, следом за ним. Конь, оставшийся без всадника, дико заржал и отпрянул, болтая поводьями.

Александр, сошедши с коня, подошёл к поверженному противнику и, наступив без всякой нежности ему на горло ногой, спросил:

– Чего хочешь?

И услышал в ответ:

– Хочу живота.

Не торопясь, убрал ногу и с деланным безразличием пожал плечами. Он вновь победил, доказал, что сильнее всех, иного ему было и не нужно.

Теперь он мог продемонстрировать своё благородство, великодушие и даже чувство юмора. Поэтому Александр молвил:

– Иди, трижды погрузися в реку да буди у мене.

Выполнив этот неприятный водный моцион, суздалец вернулся к победителю мокрый и продрогший. Вся голова его была забинтована так, что виден был только один глаз, скорбно взиравший на мир.

В этот раз Александр сказал уже серьёзнее:

– Едь к своему князю и скажи ему: «Александр Попович велит тебе уступить вотчину великого князя, или же мы ее сами у тебя возьмем». Да привези мне ответ, а то я тебя и среди полков найду!

Поверженный богатырь с трудом влез на коня, неверные пальцы не сразу поймали узду. Выглядел он уже не так уверенно. Суздалец понуро потащился к своим рядам. Как человек слова он съездил на вершину Авдовой горы, на которой расположились полки Юрия, и вновь вернулся к Александру с ожидаемым отказом. Иного и не ждали, но свой вызов всему суздальскому войску ростовец бросил.

Больше в этот день с Поповичем никто не посмел, да и не захотел спорить.

Пока богатыри шеголяли удалью молодецкой, в княжьем шатре шло совещание. Сражение решено было дать завтра, и теперь обсуждалась диспозиция.

Пока князья мыслили стратегически, весёлый, неунывающий Тороп сидел в окружении гридней и рассказывал им одну из своих бесконечных историй, а все слушали его и покатывались от хохота, – народ всегда с охотой слушает вралей и балагуров. Невысокого роста, подбористый и вихрастый молодец, он чем-то выделялся из всех сгрудившихся вокруг него – здоровенных, рослых, плечистых, выше его на голову.

– Вот как это было. Вышли мы как-то на половцев. Едем. Попович решил остаться внизу, а я решил подняться на холм. Оттуда видать лучше. Выезжаю и тут же натываюсь на степняков. Их там человек сто, ну никак не меньше, а я на этом холме торчу один, как прыщ на лбу. Смотрю, и они меня увидели. Ладони к глазам прикладывают, щурятся, а старшой их саблей в меня тычет, направление своим показывая. Отделилось человек тридцать от их отряда, прищипорили коней, и за мной, точнее, меня окружать, живым брать. Летят прямо на холм, только пятками коней по бокам лупцуют.

Ну, я, значит, демонстративно достаю меч из ножен и неторопливо пускаю коня в обратную сторону, с холма, значит. Половцы радуются, как дети, что-то орут вдогонку.

Проходит немного времени, я снова выезжаю на холм. Один. Меч у меня весь в крови по самый крыж, и ни одного половца больше назад не вернулось.

Ну, их командир прямо озверел. Слюной брызжет и саблей издаля вновь в меня тычет, но уже злобно так, агрессивно. Отделяется от их отряда уже человек сорок, коней пятками лупят, саблями машут, и на меня. Я опять неторопливо коня разворачиваю и снова спускаюсь с холма.

Гридни затаили дыхание.

– Проходит ещё немного времени, я опять въезжаю на холм, кровь с меча так и капает, а из половцев никого, у их начальника глаза аж из орбит лезут. Чую, его сейчас удар хватит. Но он собрался, подтянулся и только было решил сам оставшихся поганых на меня вести... Как вдруг выползает на вершину холма какой-то недобиток и из последних сил дурным голосом орёт своим: «Спасайтесь, там засада! ИХ ДВОЕ!!!»

– И что дальше?

– И спаслись, – с улыбкой ответил Тороп. – Развернули коней и удрали.

Тут гридни, сидевшие вокруг Торопа, заржали в голос:

– Двое, засада! Ха-ха-ха!

– На Поповича нарваться – это действительно ЗАСАДА!!!!

Тороп – находчивый рассказчик и выдумщик.

– Или вот ещё история. Едем мы с Поповичем лесом. А дурная слава, скажу я вам, ходила о тех лесах. О местах этих в Ростове рассказывали небылицы. Говаривали, будто облюбовала их нечистая сила, будто под каждым пнем в этих лесах – по лешему, а под каждой кочкой – по кикиморе понапряталось. Разными слухами полнилась округа.

А под это дело много развелось лихих людей в округе. Купцов, что поодиночке едут, грабят. Те напуганы – только гуртом да с охраной пробиваются.

– Трудно стало вести торг, – жаловались купцы, – по всем дорогам грабеж, в любой момент могут раздеть. Раньше ростовский князь высылал дружину для охраны. Теперь ему не до нас. Скоро совсем не станет честному народу житья. И куда только глядит боярский совет вместе с князем?

Ну, вызвал князь Константин к себе Поповича, так, мол, и так, надо решать проблему, а то вообще без торговли останемся.

Сказано – сделано. Выехали. Леса по краям дороги черной стеной встали. Месяц двурогий и тот из-за туч с опаской выглядывает. Да ещё филин ухает в непроглядном боре. За высокими соснами сизый полумрак, а что там, лешак или другая какая нечисть, не разглядишь. Долго ли натянуть тетиву и выпустить на волю стрелу с каленым наконечником?.. Самое место

для татей. Выползут на дорогу с кольем да шелепугами – на помощь зови, не зови, все одно никто не отзовется: объедут опасное место за две версты стороной...

Был Александр без кольчуги, шлема, щита и плаща, поэтому мало кто мог его признать. Сапоги на нём обуты сафьянные, кафтан бархатный с золотыми узорами. Залюбуешься!

– Ты, Тороп, держи ухо остро, – говорит мне Александр. – Разные люди встречаются на дороге. Есть разбойные, а есть и такие, что хуже всякого татя. Мало ли.

Только сказал и будто сглазил. Вдруг выбегают на дорогу какие-то плохо вооружённые мужики и окружают нас. Только свист вокруг нас стоит могучий...

И было их дюжины две, может, три, я точно не пересчитывал, не до того было.

Один мужичок, видимо самый отважный или нахальный, а может, просто лишку хвативший, цап коня Поповича за узду и, оскалив крепкие зубы, сказал:

– Тпру-уу! Слезай, боярин. Кажись, прибыли...

А сам смотрит на меня, как Баба-Яга на Терёшечку.

Тут и пошёл промеж нас диалог.

– Да вы шутите, мужики? – говорю. – Остыньте.

А он мне в ответ:

– Русский, он ни с мечом, ни с калачом не шутит. – И с ухмылкой так продолжает: – Слазьте с коней, одёжу и оружие кладите на землю, а деньги, что есть в кошельках, отдавайте атаману, тогда сможете уехать живыми.

Я им говорю:

– Да вы что, мужики, а мы-то как же?

А они весело так мне и отвечают:

– А вы посошок в руки, да и по милостыньку...

Юмористы.

Огляделись мы, со всех сторон скалятся на нас злобные хари. А сами придвигаются поближе, и ладони их заскорузлые, будто сами к ножам тянутся. Неприятно.

За всё это время Попович и слова не сказал, а только смотрел по сторонам и всё больше хмурился. Я думаю, выбирал, кому первому врезать.

Атаман, лихой мужик со шрамом во все лицо, был явно навеселе. Ощукая за своей спиной силу, он вышел вперёд. Хмельные глаза его были злы. От таких глаз держись подальше и пощады от них не жди, хоть всё отдай, до нитки... На три версты несёт от него могильным холодом.

– Аль не слышали моего приказы? – будто бы удивляясь, говорит он. – А ну, слазь живо с коня!

Оно и понятно, он на этой дороге царь и бог. Сам себе князь. А кто не подчиняется, чик ножиком по горлу, и все дела, и другим наука. Обнаглел в корень. Привык уже жуть наводить. Лихоимец.

– Глухой ты, что ли? – посмотрев на Поповича, с раздражением спросил он.

– Отчего же глухой? – говорит ему Александр.

– Тогда почто не отвечаешь? Вот стянем за ноги с лошади!..

Тут Александр уже не сдержался и говорит, обращаясь к атаману:

– Ты чего, чахотка? Очи-то на место посади. Знаешь, кто я? Я Александр Попович!

Атаман побледнел лицом и отвечает:

– Смелый ты, однако, мужик. – И, повернувшись к мужикам: – Чего, испугались? – усмехнулся, глядя на свою ватагу. – Ну и что, что Попович. Их вон двое, а нас сколько?

Тут Попович уже совсем в раж вошёл. Тронул коня за повод, и тот двинулся вперед грудью, да так, что чуть переднего разбойника не уронил.

– Слышь, ты. Меня тревожить не надо. А растревожишь – я ведь все могу. И не надейся, что я добрый, я – злой богатырь... Ты, атаман, лучше не стой нам поперек пути, – говорит он сквозь зубы, густо багровея.

– Поостерегись, атаман... – крикнул кто-то из ватаги.

Но поздно, разговор окончился, и Попович двинулся на атамана, того, кто был рядом, ударил ногой в грудь. Тот зарычал больным волком и осел на землю. Я не успел меч вытащить, как Попович оказался рядом с атаманом, крепко сгреб его за шиворот и, приподняв над собой, бросил оземь. Шмяк! Вскрикнул, упав, атаман и тут же затих. Будто уснул.

– Ну а дальше-то что? – не выдерживает один из гридней, что помоложе.

– А дальше... Перекрестился Попович, сплюнул, не стал даже глядеть: жив еще или кончился атаман, а обернулся к остальным: «Ну, кто ещё хочет богатырского гостинцу?» А рожа у него, прости меня Господи, в тот момент зверская, не таких, как эти, напугает.

Испугались разбойнички, рассыпались кто куда, побросав своё вооружение: кто-то побежал в ночь, кто-то остался, нерешительно переминались на месте.

– Извини ты нас сирых, не узнали. Все мы люди. Ошиблись маленько.

– Что будем делать с татями? – спрашиваю я Александра. – Здесь кончим али в Ростов повезем, к князю на суд?

– И что? – вновь спрашивает неужённый гридень. – Порешили?

– Нет, не порешили. Рука у богатыря хоть и тверда, а справедлива. Отпустил их Александр, но отпустил с одним условием, чтобы больше на дорогах не шалили. Ещё раз встретит, разбираться не будет, голову отвернёт сразу.

– Оно можно, – закивали мужики, обрадовавшись неожиданно для них найденному решению.

– Человека загубить – дело нехитрое, – пробасил сидевший неподалёку и чистивший свой огромный меч Попович. – Нам с тобою разреши токо, вмиг кого ухлопаем, сами не заметим!..

– Ну, а как повыбили мы из лесов всех шишей да татей, разбой утихли, так что и клетей не запирают нынче! А вот атамана повезли в Ростов. Показали боярам да купцам диковину, показали, от кого на дорогах русскому человеку житья не стало.

– А что с атаманом-то стало?

– Так повесили его, при всём честном народе. Сколь верёвочке ни виться, а конец один. Чего с ним цацкаться. А нас с Александром князь Константин тогда щедро вознаградил, не поспешил!

Шутки шутками, но и бесконечные истории Торопа кончились, наступила ночь. Утром стало понятно, что томительно долгое ожидание окончено. Подошла решительная минута.

Минута битвы.

Полководцы выстраивали полки перед сражением. Теперь на передний план выходила тактика, то есть расстановка войск. От того, кто кого переиграет, перехитрит в расстановке сил, чаще всего и зависел исход всего боя.

Казалось, вновь владимирцы тактически переиграли войска коалиции. Расстановка перед сражением вышла такая. Ярослав с переяславской дружиной, прикрыв левый фланг, встал против Смоленска, сам Юрий с владимирцами в центре против Мстислава Удатного с новгородцами, а на правом краю должны были сойтись ростовцы Константина, усиленные дружиной Владимира Псковского, с полками двух младших братьев, Святослава и Ивана. А сойдутся они или нет, никто в точности определить не мог. Юрий с Ярославом схитрили и самые слабые свои полки поставили против предавшего их брата. Они знали нерешительность Константина и надеялись, что он всё же не станет открыто выступать в сражении против семьи, а если и осмелится, то бой будет идти вяло. А уж они на своих участках сумеют дать отпор. И всё случилось так, как они задумывали, вот только с братом они просчитались. Пока Юрий надеялся на психологию, Мстислав Удатный-Торопецкий проявил подход государственный, то есть такой, где

нет места личному. Именно на тот фланг, с которого юные Всеволодовичи ожидали послабления, он поставил свои ударные силы. Элиту. А именно: дружину своего брата Владимира Псковского и дружину Александра Поповича. Теперь от желания Константина уже ничего не зависело.

Бой начался, как и предполагалось. Полки Владимира Смоленского, Мстислава Удатного и новгородцы ринулись в атаку и, как говорит летопись: напали жестоко. Но полки молодых Всеволодовичей – Юрия и Ярослава – не дрогнули. Дружина сошлась с дружиной. Не побежали пешцы, выставили впереди себя острые копья, ощерились сотнями хищных жал.

Битва шла яростная, ни одна из сторон не получала перевеса, и неведомо было, кто победит. Чем жарче разгорался бой, тем ожесточенней он становился. Гудело поле от бранных криков, скрежетало железо о железо, с сухим треском расползались щиты.

А в это время на фланге, где Константин стоял против меньших братьев, ещё ничего толком и не начиналось. Как и рассчитывал Юрий. Но его расчет оказался верен не до конца.

Попович и так уже слишком долго терпел, ожидая знака от псковского князя, но вот пришёл и его черёд.

Стоя под стягом и сняв шлем, Попович перекрестился. Большой, тяжелый, он прошёл вдоль строя, шурясь и придирчиво оглядывая бедовые рожи кметей.

– Здорово, други! Сомнем! Продавим их всею силою. С Богом!

Молодцы глядели орлами. Кормленные, тренированные, пышущие здоровьем, такие, что избу свернут плечом... Кони под ними возбужденно вздрагивали и фыркали. На лицах единообразное выражение, которое может означать лишь одно – хана вам всем, всем, кто встанет на нашем пути. Гвозди бы делать из этих людей. Трудно даже себе представить, что могут надевать семьдесят бугаёв, каждый из которых, ежели считать с конём, весит в половину танка.

А рядом с ними плечом к плечу стоял Владимир Псковский со своей прославленной в боях дружиной, а за ними белозёрские полки и пешая ростовская рать.

Рожки проиграли выступление.

Взгромоздясь на коня, Попович надвинул по локоть жесткую перчатую рукавицу.

Он обернулся на скаку:

– За мной!

Через несколько мгновений костромские ратники увидели, как из серого дождевого облака прямо перед ними вырвалась фигура на огромном жеребце, исполненная боевого пыла. Всадник пёр по кратчайшей.

– Режь!!!! – зверским голосом ревел он.

Следом за ним из водной пелены возникали другие, они были страшны, и в глазах их была сама смерть. Те, на кого они летели, цепенели. Из-за спины разъярённого Поповича возник Тороп. Их кони неслись бок о бок. Ветер свистел в ушах.

– Эге-ей! – зашелся криком Тороп, размахивая мечом. Его жеребец начал обходить жеребца Поповича.

Справа и слева грохотали копыта таких же могучих скакунов. За всадниками взлетали чёрные комья земли.

Врезавшись на полном скаку в строй костромских пешцев, Попович стал рубить направо и налево, и ликующая сила прилиwała к плечам. Меч пел победную песню славы. Он был как хищный волк в стаде беспомощных овец. Только стон стоял вокруг... да кровь текла ручьём. Он рубанул и еще, и еще... Нечленораздельные крики мужиков летели, казалось, мимо его ушей, не задевая воеводу. Тут главное решительность и беспощадное подавление сопротивления.

Небольшая конная дружина меньших Всеволодовичей попыталась встать на пути ростовцев.

Тороп ворвался напрямик в неё, распахивая противников и сбрасывая их с коней. Щит его прогнулся под принятыми на него ударами и пошёл трещинами. Рот был ощерен в злом оскале. Тут подоспели и остальные ростовские витязи, копьями прокладывая кровавый путь. Враги падали под копыта их коней.

Ошеломительно быстрый прорыв менял всю картину боя.

На правом фланге владимирского войска вот-вот могла случиться катастрофа, тогда всему конец. Владимирский князь видел это, и он сделал то единственное, что мог сейчас предпринять.

Не один Ростов был славен богатырями. Были храбрецы и в стольном Владимире. Юрята и Ратибор не пустые имена. Их слава уступала лишь славе Поповича. Ратибор человек буйного нрава и тяжелой руки. Он был красив как чёрт, любил выпить и в деле этом был зело крепок, и ещё любил он побахвалиться. Но когда доходило до схватки, мало кто так мог управляться с мечом. Единственное, что ему мешало, так это его нерассудливая ярость в бою. Юрята был яростен и мощен, но прямолинеен, что в бою, что на пиру. Он напоминал разъярённого носорога. Именно им Юрий приказал пресечь отступление и остановить ростовскую дружину.

Юрята, не раздумывая ни секунды, кинулся в гущу сечи, грозным зыком останавливая бегущих. Бывалые ратники скоро приходили в себя, ровняли строй. Вновь началась рубка. Прямо перед лицом Поповича сверкнули чужие неприязненные глаза, мелькнуло оружие. Чьё-то копьё скользнуло по крупу его скакуна, к счастью, не причинив серьёзного увечья, и конь, судорожно скакнув, чуть не выбросил всадника из седла и вынес ростовца прямо на Ратибора. Тот, чёрной молнии подобный, теснил трёх ростовских гридней разом. Попович встретил спокойно его взгляд, а меч встретил меч, рассыпая искры. Ратибор кинулся в атаку. Он наносил удары азартно, будто кузнец колотил по наковальне, стараясь её расколоть на части. И каждый его удар наносился в полную силу. Безумная ярость владела владимирским богатырём. Попович лишь успевал обороняться, ни его сила, ни доблесть не могли устоять перед таким напором. Но такие схватки не длятся долго. Потерявшего равновесие от удара, пришедшегося в пустоту, Ратибора качнуло вперёд, и не успел он восстановить равновесие, как меч Поповича, воспользовавшись удобным моментом, глубоко вонзился ему в неприкрытый щитом бок, разрывая вдрызг стальные кольца кольчуги. Ратибор покачнулся в седле и со сдавленным хрипом упал на влажную землю.

Пока Попович выяснял отношения с Ратибором, Тороп увидел недалеко от себя ликующее лицо Юрята, прокладывающего себе кровавый путь к победе, и направил своего скакуна прямо на него. Разогнав коня, Тороп размахнулся мечом от плеча. Юрята даже не уклонился от удара. Он выставил вперёд себя щит, и, как только оружие коснулось его поверхности, Юрята, страшно взревев, обрушил на противника секиру. Двинул так, что Тороп хоть и остался сидеть в седле, но лёг на гриву коня. Правая рука, выронившая клинок, повисла плетью. Меч выпал из его руки на землю. Секира глубоко разрубила плечо. Ему ничем нельзя было помочь. Суздалец радостно потрясал окровавленным топором.

Жизнь вытекала из Торопа с горячим потоком крови. Юрята снова взревел и крикнул боевой клич и вновь занёс над своей головой топор. Кровь стекала с него тяжёлыми каплями.

– Кто ещё хочет попробовать! – орал он, жилы на шее вздулись. Топор блистал грозно.

Но не успел он даже закончить, как на него налетел разъярённый Попович.

Меч быстро и смертельно точно ударил в грудь Юрята. Когда суздалец медленно валился с коня на сырую землю, он был уже мёртв.

Победа была стремительной. Смерть владимирских богатырей пагубным образом действовала на настрой войска. Всё смешалось, правое крыло, центр. Уже было не разобрать. Наспех собранные мужики из рати Святослава с дикими воплями разбегались.

– Пушай князя друг у друга кишки выпускают!

Сражение перешло в стадию избиения. Теперь конные отряды по два-три молодца гоняли группы суетливо сопротивляющихся мужиков. Расположение духа у них было близким к героическому. Дрыгнув лаптями, очередной раскroенный мужик валился на траву, шлепаясь на брюхо, чтобы больше уже никогда не подняться.

Владимирская рать, получившая удар в незащищённый фланг, быстро смешалась и, не выдерживая нападения с двух сторон, вынуждена была в беспорядке отступить. Последними покидали поле боя переяславцы Ярослава.

Константин должен был радоваться. Успех был полным. Весь разгромленный стан достался в добычу победителю. Его братья, по словам хрониста, *«бежали с поля боя, без оглядки загоняя коней и теряя в панике элементы одежды»*.

Много славных бойцов полегло в этот день с обеих сторон. Правда, летописец, немного подумав, одним росчерком пера свёл все потери победителей к минимуму, всего к шести, пять человек со стороны новгородцев, да один из стана смолян. Вот и всё. Если бы не его более ответственные собратья по перу, то эту информацию, дошедшую до нас в косматых, обветшалых от времени фолиантах, сочли бы за истину.

С победой возвращался домой князь, князь-спаситель, князь-возродитель величавых надежд. Радостно и тяжело бил красным праздничным звоном большой ростовский колокол, и толпы горожан, холопов, монахов и мирян высыпали на дорогу, по которой ехал в город князь Константин. Ростовцы с радостью поздравляли друг друга, целовались, народ аж под копыта лез, крича:

– Ур-ра!

Ремесленники бросали работу и выходили из мастерских полюбоваться дружиной. В этот день, и князь, и богатырь убедились, что нет ничего лучше любви народа. Ничто так не греет душу, как заслуженное по праву уважение окружающих.

В честь своих героев Константин дал пир! Да такой, что дым столбом.

Только радовались зря. Не так много времени прошло с того момента, как обласканный Мстиславом Удатным, наделенный богатыми подарками, возвратился Попович в Ростов, как смыл кровь с доспехов, а во Владимирской Руси вновь произошли изменения. Князь Константин умер, передав верховное правление, а с ним и заботу о своих детях брату Юрию, которого так жестоко на Липице разбил, но не вычеркнул из своего сердца. Всё стало так, как и было раньше, только вот погибших было уже не воротить.

Тут пришёл черёд призадуматься Поповичу. С Юрием отношения у него сложились не гладкие. Много он его людей погубил, в том числе любимцев его извёл. И пусть говорят, что Юрий Всеволодович человек отходчивый, и правитель справедливый, но как сложиться на деле, одному Господу известно. В таких делах лучше головой попусту не рисковать. Так решил богатырь. А решив, оставил он навсегда Ростов. И чтобы не мозолить Юрию глаза, отправился со своими побратимами на службу князю Киевскому в далекий и богатый, полный былой славы Золотой Руси город!

В тот самый Киев, где поблескивают золотыми шлемами соборы – Святой Софии, Михайловский Златоверхий да громада Десятинной церкви. В тот самый Киев, что был матерью городов русских, хоть и растерявший за последнее время свой былой блеск. Бесконечные перевороты, в которых князья, выгрызая власть, вырывали золотой трон друг из-под друга, заметно подкосили его. Расчет богатыря оказался верен (он хоть и был богатырь, ничего не делал без расчёта), Мстиславу Старому, что обосновался на златом троне, нужна была любая поддержка, и уж тем более такая авторитетная, и он был к Поповичу безмерно щедр и радушен.

Шли годы, рубцевались раны, забывалось старое, и жизнь текла своею чередой, а только похвастаться было нечем. Это был род почётной ссылки, в которую, правда, он сам себя отправил. Тупик карьеры. Мстислава Старого, князя Киевского военные подвиги, как и воинская слава, не прельщали, он преспокойно мог обходиться и без них. И вот когда богатырь уже

думал, что совсем закиснет, его жизненный путь вновь пересёкся с затейливым жизненным путём Мстислава Удатного, и случилось новое дело, которое вновь свело старых знакомых и вернуло Поповича на воинский путь. Подобно многим пакостям, дело это пришло со стороны степей.

За прошедшие годы богатырь отяжелел, шире раздались его квадратные плечи. Он был в расцвете мужской силы. Александр нравился Мстиславу Киевскому своей простотой, строгостью и даже массивностью. Разговаривать с богатырём всегда было легко, он был прям, бесхитростен и честен. В одной шитой рубахе, лишенный всяких иных украшений, взошел Александр в палаты тяжелою поступью, распрямился, покрестился на икону. Князь, подпершись рукой, сидел в позе задумчивости.

– Слышал, болееешь, князь?

– Да, у нас одни неприятности, – вздохнул Мстислав Старый с улыбкой.

Он жаловался на плохой сон и мигрень. Вспомнил заодно и о том, как много боролся и страдал, вот теперь и последствия. Голос киевского князя был ровен и тих, как полёт ночного бомбардировщика.

– Тебе ли жаловаться, князь, – вздохнул богатырь.

– А ты сам-то как? – спросил, проявляя вежливость, Мстислав Киевский нараспев.

– А не жалуюсь, благодаря Богу! Силы есть! Самочувствие хорошее и аппетит не хуже, – сохраняя осанку, спокойно отвечал Попович.

– С чем пожаловал?

Видно было, что пришёл он не просто так. Попович не стал по мелочи морочить князю голову, а вывалил всё разом.

– Есть, батюшка князь Мстислав Романович, серьёзный разговор... спросать хочу, – произнес он. – Донесли мне верные люди, что Мстислав Галицкий собирает поход против поганых.

Лицо князя собралось в тонкие морщинки, став внимательным и умным. Вся его поза выражала вопросительность.

Для многих галицкий князь Мстислав Удатный уже много лет был занозой в заднице, правда, временами для некоторых она становилась колом, что делало выправку строже, но удобств не добавляло. Тем, кому он особо досадил, хотелось как минимум выбить ему глаз или переломать рёбра. Мстислав Старый мечтал просто свернуть ему шею.

– Замечательно, – вполне равнодушно отреагировал киевский князь. У него хватало ума не лезть ни в какие конфликты, особенно чужие. Может быть, поэтому он единственный, кому удалось задержаться в Киеве надолго. Также не вызывало сомнений, что Поповичу – натуре по природе активной и деятельной – не терпелось вновь сесть в боевое седло и пуститься в завоевательные походы, а Мстислав Старый любых явных рисков пытался избежать, он никогда не был героем. – Давно пора их проучить, – продолжил он всё тем же самым тоном, давая понять, что тема эта ему вовсе не интересна.

– Одному тут не справиться. Тут всей силой надо, сообща. Как встарь! – Попович стоял перед князем прямой, строгий, словно ошестинившись. – Помощь – это святое! – Было ощущение, что сейчас он рванёт рубаху на груди в качестве последнего аргумента. Грохнуть кулаком по столу в знак своей правоты исключалось.

– Это риск! – Слова Поповича привели Мстислава в состояние мрачной задумчивости. – На тихого бог нанесет, а прыткий сам набегит...

Никакого другого более достойного аргумента в голову Александра не пришло, а потому он просто спросил:

– Что же ответить галицкому князю?

– Шли отказ, – сказал Мстислав и со сдержанной церемонностью выпроводил богатыря вон.

Так и ушел Попович ни с чем из княжеского терема.

Только Мстислав – старый волк. Его одним отказом не возьмёшь. Тем более не в этот раз, когда он затеял дело масштабное, можно сказать, великое. Жаль только, что руководила им не столько тревога о судьбе земли Русской, сколько своя корысть. Всё на свете – товар! С тех самых пор, как финикийцы изобрели деньги, всё остальное имеет свой финансовый эквивалент, патриотизм Мстислава Удатного не был исключением из общих правил. Скорее наоборот, он имел точную финансовую стоимость. Однако думающие, что от обилия даров меняются судьбы истории, ошибаются жестоко.

Вкратце история возникновения идеи выглядела так. Тесть Мстислава Удатного, половецкий хан Котян был изгнан из родных степей монголами. Новый, ещё неведомый русским князьям противник безжалостно преследовал половецкие орды, надеясь вырезать их до основания. Борьбу за степь половцы проиграли. Теперь нужно было бороться за то, чтобы народ выжил. Хитрый Котян быстро сообразил, где ему найти достойного союзника и сколько за этот намечающийся союз нужно заплатить. И хан раскошелился щедро. На жизни не экономят.

Получив дары, Мстислав не смог устоять, как на то и рассчитывал его половецкий тесть, и решил, как это говорят, вписаться за родственника. Беда была в том, что в одиночку Мстиславу эту миссию не потянуть. А расставаться с дарами, как и с головой, в случае неудачи совершенно не хотелось. С какого бока подойти к решению проблемы, Удатный ещё не знал, но после мучительных поисков и сомнений выход был найден. Идея пришла в его голову как озарение, а следом созрел и план, в котором нашлось место для всего: для славы и почестей, для объединения всех русских князей в единую силу и поднятия до небес своего авторитета, ну и в случае удачи, а то, что так и должно случиться, никто не сомневался, для того чтобы остаться в памяти народной на века. Он должен был встать в один ряд с двумя великими Владимиром Красно Солнышко и Мономахом. Одним словом, Мстислав Удатный впал в пучину грёз. Оставалось правильно всё организовать. А организатор он был что надо.

Любая трата времени являлась расточительством, и бык был тут же взят за рога и копыта. Первым делом стало необходимо объединить русских князей перед новой страшной угрозой. Для этой цели галицкий князь предложил устроить в Киеве съезд, на который должны были съехаться все князья Южной Руси. И тут уж даже Мстислав Киевский не мог отказать. Мстислав Удатный рассчитывал, что великие задачи объединят князей, к его пользе. Ни каких моральных препятствий для удовлетворения своих меркантильных интересов он не видел, а потому начал действовать интенсивно. Его призыв достиг самых дальних уголков Руси. День и ночь съезжались к Мстиславу Удатному гонцы и, бросая отрокам взмысленных коней, взбегали на крыльцо, чтобы сообщить, что те, к кому они посланы, обязательно будут на съезде. А пока князья съезжались в мать городов русских, самым авторитетным и нужным из них готовились дары. Удатный был большой специалист, как в идеологии, так и в психологии. Атмосферу он создать умел. Ему свойственно было играть не того, кем он был на самом деле, а того, кто был сейчас нужен. Как хамелеон, он быстро привыкал к новой маске, и так же быстро сбрасывал её при необходимости. Теперь весь его ум и вся предприимчивость были направлены на то, чтобы найти союзников.

Главной сложностью было то, что Руси ещё никто не угрожал!!! И выступить всей силой русские должны были на защиту своих давних врагов половцев! Вот от этого общее внимание нужно было отвлечь и привлечь к тому, что всех должно было пронять, то есть к защите Русской земли от посягательств извне.

Без церкви такого дела никак не решишь! А посему Мстислав Удатный, прибыв в Киев, первым делом посетил епископа, принял из рук его благословение и долго советовался, как быть.

Дальше в ход шли обещания. Это был чистой воды популизм. Всем обещалось то, что они хотят услышать. Мстислав играл на гордости и достоинстве, на алчности и корысти, так, как иные мастера смычка играют на скрипке.

На съезде князей Мстислав Удатный, как и положено организатору мероприятия, выступал первым. Резкие морщины, густая проседь в бороде. В его начинающей грузнеть фигуре ощущался запас силы. Он ошарашил слушателей таким шквалом патриотизма, обрушил на них такой поток патетики, что устоять перед ним было практически невозможно.

– Неладно мы живём на Руси, – говорил Мстислав. – Всё время во вражде да в ссоре, всё глядим, где какой кусок пожирнее. Сами промеж себя никак не сговоримся! Мало ли проливаем мы крови в междоусобице? А того и не ведаем, что глядят на нас из-за границ рати несметные, и только ждут они своего часа... Боюсь, так пойдет далее – они съедят нас и не поперхнутся, и не одни, дак другие! – Он сделал паузу и, подняв кверху указательный палец, привлекая внимание, держал его так, будто истолковал собранию невероятную мудрость.

– Не соберёмся, князья, все воедино – потопчут супостаты поганые нашу землю, пожгут пажити, вырубят леса, вычерпают реки... Надругаются над женами! По ветру пустят хозяйство! Оставят без крова! Вот чего боюсь и от чего содрогаюсь в ужасе! – Слова, сказанные галицким князем, волновали, разили в самое сердце собравшихся. Он провоцировал и поддразнивал. Слушатели находились в лёгком трансе под напором речи этого человека.

– Мы должны принять вызов противника и разгромить его там, в поле, на его территории. Коли все княжества станут вместе – какая сломит их нечисть? Нужно показать врагу, что не перевелись на земле Русской богатыри, что не забросили они от греха подальше свои мечи и не ушли с бабами сажать огурцы да полоть грядки.

Как призывный набат прозвучали его слова:

– Если мы, братья, не поможем половцам, то они предадутся татарам, и тогда у них будет ещё больше силы. Тут политически нужно мыслить, а не стратегически! – Он сделал паузу, покашляв в кулак. – А что касается половцев, то я так скажу, знакомый чёрт всегда лучше незнакомого, – закончил он свою яркую речь грубоватой шуткой.

Психология толпы универсальна, и Мстислав знал её больные точки.

Слушатели повскакивали с мест, поднялся невообразимый шум. Осознавая под давлением слов Мстислава свою ущербность по отношению к Родине, все хотели приобщиться к будущей славе, пусть даже малой лептой, и тем самым загладить свою вину перед ней. В разгорячённых мозгах уже не оставалось иных мыслей, кроме той, что призывала к оружию. Как говорится: за Веру и Отечество!!!

Нельзя не отметить, что всё сказанное Мстиславом Удатным с высокой трибуны вполне могло бы быть правдой. Приди та же самая идея в голову кому-то другому.

И не пошла ли бы тогда иначе вся история Руси Великой?

После такого яркого выступления Поповичу ещё больше захотелось идти в степь. А кому не хочется совершить подвиг во славу Родины, подвиг, память о котором останется в веках. Пока не состарился, может быть, это его последний шанс. Он не стражник какой зачуханный, а не единожды прославленный богатырь, заслуженный.

Богатырь твёрдо ведал одно: ворога надо бить, а за веру православную стоять нерушимо.

Теперь его заботила лишь одна идея: Русь... обчая беда... отвести... И его кровь, ежели потребуется, и его скромный подвиг пусть пойдут во благо Русской земли!

Он всегда был полон жажды деятельности и искал все новых и новых дел.

Почти любая дорога в ад вымощена благими намерениями, эта была не исключением.

За всеобщим шевелением и бодростью неясный смысл конечной цели утерялся в мишуре поверхностной значимости. Хоть бы кто задумался, зачем мы вообще туда идём? Возбуждённые сверх всякой меры людские толпы валили в церковь, исходящую колокольным звоном и одобряемые священниками, выкатывались обратно на улицы, страсти кипели. Все горожане до единого готовы были выступить в поход, у всех просто чесались руки добаться до супостатов, дезертирства не наблюдалось, даже инвалиды, что сами могли передвигаться, рвались в строй! Никто не хотел прослыть идиотом и упустить свой шанс собрать и добычу и славу единовре-

менно без огромного риска. Началось всеобщее массовое помешательство. Потушить такой энтузиазм было никому не под силу!

И снова обратился богатырь к князю:

– Не сердчай, князь, позволь еще одно слово молвить. Служил я тебе без упрека верой и правдой, и за хлеб-соль твой земно кланяюсь ныне, но моя удача – на острие меча! Моё место в ратном поле. Да и тебе, если сказать по чести, должно быть с нами, с народом, – сказал Попович.

Как тут киевскому князю устоять, когда вокруг такая ажитация. Рать собиралась неисчислимая!.. Не выступишь ты, всё одно походу быть, только без тебя. А это большой урон авторитету, да и в стороне от всеобщего дела оставаться никак нельзя. Всё же Киев всему голова!

В этот раз Мстислав Старый дал своё согласие, и пришла пора собирать киевские полки, да нет, не полки – армию. Его вклад в общее дело должен быть ощутим. Он не собирался выдвигаться в степь с горсткой храбрецов, у киевского князя во всём должен был быть размах. Мстислав Старый тут же забыл, что организатором всего мероприятия является не он, а его галицкий собрат. Он твёрдо знал лишь то, что он является старшим князем на всей Руси, и подчиняться какому-то галицкому выскочке не собирался. У него своих бойцов больше двадцати тысяч, мало того, он наивно предполагал, что, организовав всё, Мстислав Удатный добровольно уступит первенство в походе своему киевскому соратнику, хотя бы номинально. Мечты, что все будут спаяны всеобщим великим замыслом, быстро развеялись в дым. Созидательная сила, изменив вектор приложения, в один момент превратилась в разрушительную.

Как только великие силы были собраны в одну упряжку, так тут же и началась борьба за управление ею.

А войска собралось действительно без счёта. Один только *«Князь великий (Киевский) исчислил все войска, которые с ним были: киевских, переяславских, городенских, черных клобуков и поросян 42 500»*. Такая цифирь была внесена в летописи.

Галицкий и черниговский Мстиславы привели в половину меньше людей. Остальные князья привели свои личные дружины, но и их в совокупности собралось немало. Перечень всех князей, вышедших в поход, мог занять отдельную страницу. А если добавить к ним половецкую орду, то превосходство над монголами было почти десятикратным. С такой армией, что удалось собрать трём русским князьям, можно было смело идти и покорять Европу.

«Величие трагическим событиям истории придают размеры сил, вовлеченных в круговорот борьбы». Так написано в одной толстой исторической книге.

Так три Мстислава (киевский, галицкий и черниговский) вышли в поход. Вообще-то их, Мстиславов, было четыре, но тот четвёртый ни своего голоса, ни веса не имел, а вот прозвище имел как раз подходящее. Звали его Мстислав Немой из Луцка.

Когда такое большое войско выдвигается в путь, противнику сложно долго оставаться в неведении. Тем более противнику, у которого отлично поставлена разведка. Так что Субудай быстро обо всём узнал. А узнав, очень удивился. Во-первых, он не собирался воевать сейчас с русскими князьями, а во-вторых, тому, что русские князья выступили в защиту своих древних и кровных врагов. Надеясь решить создавшуюся проблему бескровно, он отправил в русский стан послов.

Случилось так, что татарские послы пришли к Мстиславу Удатному. Пожаловавшее лицо возникло в сопровождении небольшой свиты. Оно принесло с собой предложение о мире и дружбе, для достижения которого не хватало мелочи, – голов половецких ханов, собранных в холщовый мешок.

Татары, как их называл галицкий князь, пытались втолковать ему, что с ними лучше не связываться. Пытались вразумить или образумить.

– Крови хочешь, князь? Дунет Субудай-богадур в одну ноздрю, и ничего от вас не останется!

– Подумай. Нас орда, – говорили они ему.

– А нас рать! – ответил Мстислав, махнул рукой, и послов тут же увели. В качестве презента он отдал послов своему тестю половецкому хану Котяну, у которого разговор был с ними коротким. Голова с плеч.

Когда Мстислав Старый узнал об этом, то был неприятно удивлён и выразил в довольно резкой форме своё непонимание по поводу того, что галицкий князь позволяет себе за его спиной, а также посоветовал впредь считаться с его мнением.

– Что это значит? – аж поперхнувшись, спросил Мстислав Старый. – Ты их казнил? А кто дал тебе право решать за всех? Почему не посоветовался?

– Твоя совесть чиста, а ответственность на мне, – изображая полнейшее спокойствие, отвечивал галицкий собрат по оружию.

– Как это произошло? Кто это сделал?

– Зачем тебе подробности?

– У меня волосы встают на голове дыбом от твоей деятельности! Не каты мы. Негоже нам с безоружными воевать. Пуцай идут в свою степь да скажут, чтоб к нам ни ногой...

– Дело уже сделано, – закончил разговор Мстислав Удатный. – Чего тут ещё обсуждать.

После случившегося инцидента киевский князь мстительно ожидал той минуты, когда он сможет проучить не в меру зарвавшегося нахала. Но забегая вперёд, скажу, этот час так и не настал.

На самом деле у Удатного Мстислава не было выхода. С самого начала похода, с того самого момента, как начали делить между собой власть и меряться значимостью и заслугами, галицкий князь увидел, что его киевский тёзка готов при первом же удобном случае повернуть назад. Он только ищет для этого хороший надёжный повод, а монгольские послы могли прельстить его своими обещаниями. Такого допустить было нельзя. Ему пока ещё до зарезу нужны были полки Мстислава Старого. Что оставалось делать? Пришлось прибегнуть к крайним мерам, которые отрезали все пути назад. Да, это было бесчестно. Да, не по-рыцарски. Но с сажей играть и рук не замарать? И главное, он подогревал себя мыслью, что всё это делается в интересах родной земли!

От монгольских полководцев прибыло ещё одно посольство. Текст послания, переданного в руки князей, неизвестен, но в изложении русского летописца он выглядит так: *«Если вы послушались половец, послов наших перебили и идёте против нас, то идите. А мы вас не трогаем, и пусть рассудит нас Бог»*. Теперь только битва рассудит, кто был прав!

Подчиняясь воле трёх полководцев, русское войско устремилось на юг. Когда подошли к Днепру, увидели первые конные разъезды неприятеля, что говорило о том, что и главные его силы находятся где-то невядалеке. Тут же, на левом берегу Днепра, произошло и первое столкновение, в результате которого пришла первая победа. Отборный отряд Мстислава Удатного с приданными ему для усиления половцами ночью, под покровом темноты переправился через реку и атаковал монгольский авангард под предводительством тысячника Гемябека, который, получив тяжёлую рану, попал в плен и по уже сложившейся традиции был отдан галицким князем половцам, а те после короткого допроса расправились с пленным.

Начало было удачным. Единственным тёмным пятном на светлом фоне предприятия было то, что галицкий князь всё меньше считался с мнением своих соратников и всё больше перетягивал на свою сторону молодых горячих мелкопоместных князей. Скорее всего, и сам Попович был бы среди них, если бы его не останавливал долг перед своим князем.

Полки Мстислава Удатного, что переправился первым, не стали ждать остальное войско, а отважно двинулись вперёд. С этого самого момента ни Мстислав Черниговский, ни Киевский не могли повлиять на ситуацию, лишь играли со своим тёзкой в догонялки и никак не могли догнать. Проглотив обиду, они упрямо двигались вперёд.

Вначале дела шли хорошо, да что там хорошо, просто отлично. Противник, избегая решаящей схватки, откатывался всё дальше, а вслед за ним, растекаясь ручейками, в налитую солнцем даль степных дорог уходила русская рать. Слышно было только, как хлопают сотни обутой в лапти ног, как всхрапывают кони да позвякивает снаряжение. И лица у всех были радостные, будто никто всерьёз и думать не хотел о войне, что ждала их впереди! Божий мир был по-прежнему чуден! И беды не близились никакой! Похмелье на этом пиру случилось быстро.

Шли вперёд войска, топали ратники, скакали верховые, шли день и ночь, не останавливаясь, наверстывая упущенное. Скрипели колеса телег. Пыль клубилась над дорогой. Повисев в воздухе, опадала на зелень степи. Усталые кони шли нехотя. Кмети вяло жевали хлеб. Волы тоскливо ревели. Мужики кашляли, отплевываясь, вытирали ладонями вспотевшие лица, размазывали по щекам липкую грязь. Тяжелые кольчуги давно были стянуты с распаренных тел и брошены на телеги, копья, щиты и топоры натрудили плечи. Солнце, выкатываясь на самую макушку неба, каждый день потрескивало там, как большая куча зажженного хвороста. Облака весёлыми барашками катились мимо него, не загораживая яростного света, идущего от солнца.

Восемь долгих дней шли полки, изнывая от жары и жажды. Попович с высоты своего исполинского белого коня угрюмо разглядывал растянувшуюся по степи на вёрсты колонну.

– Отдохнуть бы, – слышались голоса, – водицы испить...

Попович делал вид, будто не слышит недовольных речей. Сам он весь пропах на степных ветрах запахами коня и полыни, лицо загорело дочерна под палящим солнцем.

Пока там впереди гридни Мстислава Удатного совершали подвиги, добывали славу и добычу, он со своими побратимами тащился чуть ли не в конце колонны, где на него могли напасть только цикады, и то только в том случае, если совсем одуреют от жары. Не выдержав всей этой дорожной тяготы, Попович с немногочисленной дружиной ускочил вперёд.

Впереди была Калка – так называли эту небольшую реку, где они догнали-таки полки Мстислава Удатного, расположившегося на отдых. Наконец бесконечная дорога закончилась. Нелепо растянутые полки один за другим подходили к воде. По всему чувствовалось, что наступала решительная минута в этом затянувшемся противостоянии.

Удивительно выглядел со стороны русский лагерь. Каждый из больших князей разбил свой стан вдали от других. Галицкие, волынские, луцкие и курские полки расположили свои шатры около брода через Калку, рядом с ними встала станом и половецкая орда. Киевский князь, так тот вообще решил поставить свои полки на высокой каменистой возвышенности и приказал окружить его телегами да возами, будто готовился от кого-то обороняться. Попович был несказанно удивлён поведением князя, но обсуждать действия князей не принято, нужно только исполнять. И расторопные отроки разбили шатер на холме, там, где Мстислав Старый и повелел. Уставшее войско разбрелось по округе. Черпали шлемами и ладонями воду из реки, будто напивались впрок на несколько дней. А когда стемнело, весь берег усыпали красные огни походных костров.

Казалось бы, настала идиллия. Русское войско в сборе, все дразги главных князей остались позади, и теперь неприятелю несдобровать.

Но то ли Мстислава бес попутал? То ли накликал старый волхв на него гордыню? Но только самые мрачные предвидения неожиданно сбылись. Внутренний, вечно беспокойный голос подстрекал Удатного на очередную глупость. Так собака тянет на поводке своего беспечного хозяина. А он-то думал, что это рука провидения подталкивает его. Бороться со своими желаниями Мстислав не любил и не умел, он уже давно очистился от всяческих сомнений в своей правоте и выбросил их наружу за ненадобностью. Весь его путь на Калку, все его победы по дороге, всё это говорило о том, что теперь он может справиться со всем сам. Молодёжь, которая была с ним, как и его друзья-половцы, были достаточной поддержкой. Два других Мстислава теперь ему только мешали, да и нужны они были ему сейчас больше для апломба.

Считая, что враг его попросту боится, он решил действовать в одиночку. Ему даже в голову не могло прийти, что его просто дурят, заманивают, отделяют от основного войска. Что Субудай просто играет с ним в поддавки. Что все эти победы были из разряда тех, за которыми наступает гибель.

Но, видно, правду говорят, что когда Бог хочет наказать, он лишает разума. Мстислав Удатный уже давно решил не ждать отставших от него со своими полками тёзок, а отважно выйти в поле и до их прихода обратить в бегство монгольскую орду и потому с безоглядной поспешностью бросился вперёд, напрямки в расставленные на него сети.

– Смелый найдет там, где робкий потеряет, – так рассуждал галицкий князь. Риск придаёт остроты.

Всё случилось как он и хотел, да только повернулось против него. Все его проделки вернулись ему бумерангом, и то, что он сеял – взошло, созрело и дало свои плоды, только момент был для этого совсем не подходящий. Видимо, Бог, который действительно отзывчив на горячие просьбы, часто насмешлив.

Утром следующего дня всё и началось. Солнце ещё ничего не успело окрасить своим нежным светом, как галицкие полки и полки его союзников задвигались, негромко лязгало оружие, и на переправе возникла небольшая возня. А через час на том берегу реки, где стояло русское войско, уже никого из тех, что располагался рядом с Мстиславом Удатным, не было, отряды скрылись из поля зрения, продолжая свой путь в степь, а воды Калки старательно смыли все следы.

Перейдя речку и вновь как следует утвердившись в седле, Мстислав усмехнулся и, вздернув плечо, гордо оглядывал своё войско. Было чем гордиться. Дружинники, бородатые загорелые дядьки в добротных кольчугах и шлемах, с мечами, сулицами и луками, для которых вся жизнь – борьба, проезжали перед его очами. Следом позванивали уздечками, резвя своих коней, двигались половцы. И замыкали всё это великолепие пешие колонны, уверенные в себе настолько, что только сумасшедший мог встать у них на пути. Впереди их должна была ждать только победа... Но из летописей мы уже знаем, что это было не так.

Чтобы оценить талант того или иного полководца, не нужно много критериев. И уж если ты не можешь по-человечески выстроить операцию, тем более такую простую, то ты кто угодно, только не командир и уж тем более не полководец. Как говорят французы: характер – это судьба. Мстислав всегда полагался на удачу, а не на умение и расчет, он был в первую очередь политик, воин лишь по необходимости. Его стихия как полководца была когда лоб в лоб, не уклоняясь, а дальше – у кого сил больше. Планирование боя никогда не было его сильной стороной.

Что произошло на Калке? Что привело к разгрому? В первую очередь полная неуправляемость войсками в бою. Каждый воевал по собственному усмотрению, как хотел, как умел, как мог. Какой тут общий план, какие установки, какое взаимодействие войск в бою? Полный раздрыг и анархия.

В истории можно найти немало упущенных побед, но таких, за которые до слёз обидно даже сейчас, спустя столько веков, можно посчитать на пальцах одной руки.

Ошибки, допущенные галицким князем, слишком ясно видятся нам теперь, и допущены они именно Мстиславом. В этот раз переложить свою вину на чьи-то плечи не вышло даже у такого говоруна, как он. Единственное, что сделал галицкий князь, это дал противнику бездарно перебить тысячи доверившихся ему людей. Да, большинство из них избрали военное ремесло, и им положено помирать в бою по должности, такая профессия, но смерть смерти рознь.

Катастрофа, случившаяся с войсками Мстислава Удатного и его союзниками-половцами, осталась скрытой от глаз как Поповича, так и обоих Мстиславов: Черниговского и Киевского. Им не удалось увидеть, как половцы, сорвавшись по своей инициативе всей конницей с места,

атаковали монголов, как войска вводились в начавшуюся битву по частям и разрозненно, как отвага и доблесть русских воинов не могли одолеть железную дисциплину монгольских туменов, как Мстислав Удатный, торжествуя победу, под чёрным, вышитым золотом знаменем лично повёл в атаку свою дружину, надеясь этим ударом сломить хребет врагу и снискать лавры победителя, и как изменилось его лицо, когда в оголённые фланги ударила свежая вражеская кавалерия. Им было не дано видеть, как их недавние союзники-половцы, ещё совсем недавно такие грозные, хищные, безжалостные и отважные, улепётывали со всех ног с поля боя, спасая свои жизни и круша и сметая на своём пути всё, включая русскую пехоту.

Пока одни русские гибли в степи, другие ещё только продирали глаза.

Когда утром обнаружилось отсутствие Мстислава Галицкого, его друзей и половцев, киевский и черниговский князья повели себя совершенно по-разному. Черниговский Мстислав, боясь, что все трофеи соберут и поделят без него, дал приказ срочно собирать лагерь и готовиться к выступлению. В отличие от суеты в лагере черниговском воинский лагерь киевского князя никакой спешки не проявлял, скорее проявлял полное безразличие к происходящему. Мстиславу Старому надоело гоняться по степи за монголами, за половцами, за Мстиславом Удатным, притом цели можно было переставлять в любой последовательности. Он не мальчик. Своим утренним манёвром галицкий князь нарушил последние рамки приличия. Поэтому киевский князь выступать в поход не собирался, чем несказанно огорчал Поповича. По этой самой причине богатырь был не в духе с самого утра, и это было не от нехорошего предчувствия или озарения, а по причине сугубо личной. Он остался куковать в лагере, когда все уже перешли речку. Испытывая потребность борьбы, богатырь нервничал и раздражался, сейчас он был похож на льва в клетке, которому забыли дать мяса.

В этот самый момент будто специально для того, чтобы его ещё больше разозлить, черниговские полки стали переходить Калку в брод. Тут и полоснула богатыря мысль, несерьёзная в силу своей маловероятности, но крайне неприятная в принципе. Что налети сейчас на черниговцев степная конница, они окажутся в крайне опасной ситуации, проще говоря, беспомощны, как младенцы. Даже охранные отряды вперёд не выслали и не выставили, как торопились. Что за горе-вояки!

Исчерпав запас занятий, он вперился взглядом в степь, всматриваясь в даль, будто чуял – вот-вот должно ему что-то открыться. И точно. В поле его зрения появились слаборазличимые за дальностью фигурки. Они быстро увеличивались в размерах. Что-то в их движениях было не так, что-то смущало и беспокоило. Когда они немного приблизились, то стало ясно, что они бегут, и это были не татары, а половцы. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что произошла катастрофа, что каждый спасается, как может. Кроме того, раз столько народу бежит, значит, так и надо, значит, это правильно... Неужели разбиты?! Да быть того не может!!!

Половецкая конница стремглав летела к переправе чёрной тучей, сзади, отставая всего на чуть-чуть, с горловым залиvistым кличем летели вскачь монгольские нукеры. Всей кучей они влетели в черниговцев, которые не успели даже построиться в боевой порядок, как были опрокинуты в реку.

Теперь Поповичу нужно было срочно готовить оборону собственного лагеря.

– Худо, ой худо! Доигрались! Оно видно: счастье наше собаки съели... Мать твою!

Он стоял на холме и, глядя на этот позорный разгром, морщился, кусая от бессилия губы, и слезы текли по его щекам. Он пытался не слышать хриплого карканья Мстислава Черниговского и его воевод, все еще стоявших лицом к врагу... Кругом бежали. Бежали позорно, роняя оружие; падая на колена и прикрывая руками головы, ждали ударов татарских сабель. Позор!

Да разве уйдешь на безлесье от сытых коней?!

Но не один Попович от этого зрелища ошарашился. Мстислав Старый, так тот вообще чуть не умер от инфаркта. Сначала тоже глазам своим не поверил. Разве могут монголы гнать русских, а не наоборот? Такое только в кошмаре может привидеться!

– Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй! – только и повторял киевский князь, забыв все другие слова.

Что произошло, где была допущена роковая ошибка и в чем?

Однако в этой сложной обстановке киевский князь в истерику не впал и головы не потерял. Видя со своего холма всё происходящее, Мстислав Старый держался одной рукой за сердце, а другой, сжатой в кулак, грозил непонятно кому, то ли Мстиславу Удатному, то ли монголам.

Попович буквально подлетел, а не подбежал к Мстиславу.

– Рубят нас по одному поганые. И ты не пойдёшь их выручать?!

– Кого?! – удивился Мстислав. – Ты что, сам не видишь, что их уже не спасти!

– Самому спастись, когда брат твой гибнет, тоже грех, и грех непростимый!

– Ты же сам всё видишь, сокол. Как только мы спустимся, нас просто сметут. И их не спасём, и сами попусту головы сложим.

– Эх! – прочертил в воздухе черту кулаком Попович.

Над Мстиславом Старым можно было потешаться сколько угодно, но трусом он не был, а был он в этой степи единственным, кто дал врагу настоящий отпор. Он оказался умнее их всех, глупых храбрецов, напрасно сгинувших в этом роковом споре!

Надо сказать, что зло думал киевский князь не только о врагах, но и о Мстиславе Удатном. Во многом виноват был галицкий князь. Если бы он не спешил, если бы дождался двух своих братьев, шедших за ним по пятам от самого Киева, если бы они объединились, то сейчас не они, а монголы бежали бы с поля брани. Сгубило всех Мстиславова честолубие. А ведь все могло бы быть совсем иначе.

Скоро всё внизу было кончено.

Монгольский полководец шагом ехал на своём маленьком мохнатом коне по полю битвы, озирая горы трупов. Сколько тут их? Сотни? Быть может, даже тысячи?

А навстречу ему гнали нестройную толпу обезоруженных, израненных пленных. В ожидании приказа остановились.

То, что сказал монгол, с возвышенности было не слышно, да и непонятно, но суть приказа, судя по дальнейшим действиям охраны, была такова:

– Приказываю перебить всех оставшихся пленных!

Тотчас толпу пленных окружили конные и начали рубить безоружных, точно мечущееся, загнанное зверье. Через несколько минут всё было кончено. Только вороны с утробным карканьем припадали к телам на своём вороньем черном пиру, а когда приближались люди, лениво перелетали на новое место.

Казалось бы, бой окончен, и победившие татары, как их называл Мстислав Удатный, подобно всем степнякам соберут свои кровавые трофеи и уйдут восвояси. Но монголы отличались от всех степняков, с которыми имели дело на Руси раньше. Они должны были уничтожить противника целиком. Всех до единого!

Поэтому вскоре, оставив у подножия возвышенности своих скакунов, монголы полезли на штурм киевского лагеря, который, по их мнению, должен был быть деморализован увиденным.

Отсюда, с холма хорошо были видны все приготовления монголов. Даже не глядя вниз, а по сосредоточенным лицам воевод было ясно, что сейчас пойдут на приступ.

И действительно, фигурки внизу пришли в движение и стали приближаться. Стрелы густо падали на разделявшие бойцов преграды. Уже слышался звон мечей и копий. Дело дошло до рукопашной.

Нападающих сразу же постигла неудача.

Другие плюнули бы на все и ушли, но татары ещё несколько раз пытались взять штурмом киевский лагерь, и каждый раз их ожидала неудача. Под опытным руководством бывалых вое-

вод лагерь удалось отстоять. Монгольские военачальники: Черкан и Тешкан, оба в расцвете сил, оба – кровь с молоком, лично водили своих людей в атаку. Но и это не помогло.

Вслед отступающим монголам с холма нёсся оглушительный гогот:

– А побили мы их, чертей!

Накопившееся нервное напряжение нашло выход. Оказалось, что этих страшных кривоногих бесов, растоптавших лучшие русские полки, можно бить. И бить крепко.

Сбивчивы и противоречивы были мысли Мстислава Старого в эту минуту. Он озирает с высоты холма поле победной для него схватки, но даже сейчас его не оставляло чувство надвигающейся катастрофы. Точнее сказать, оно захватывало его. Сейчас им удалось удержаться и скинуть врага, а что будет дальше?

На холме лежали трупы врагов, а в степи у его подножия горели костры, их было очень много, так много, что горизонт светился, будто только что зашло солнце. В пламени костров сушились маленькие темные фигурки, слышались чужие гортанные крики...

Уходить обратно в степи монголы явно не собирались. Они были настойчивы и упрямы.

Началась осада. Как назло, в эту пору стояла жара. Солнце плавилось, истекало жаром почти над самой головой. И не было от него укрытия. Только текли, истончаясь, высокие призрачные облака, да коршуны, недвижно распластав крылья, парили в вышине.

Дело принимало дурной оборот. Перспективы радости не представляли. Пробыться без боя монголы не давали, а потому выход из лагеря даже всем войском грозил большими неприятностями. На что способен враг, в русском стане уже хорошо себе представляли. Но оставаться долго на вершине этого холма тоже не представлялось возможным. Жару ещё можно было перетерпеть, а вот отсутствие воды – нет. Даже когда ставили лагерь, никому не могло прийти в голову, что они окажутся в длительной осаде и без всякой возможности добраться до реки, которая протекала поблизости. А сейчас близок локоток, да не укусишь!

Палит. Губы запеклись. Едкий пот заливал глаза, щекотно тёк по спине. «Водицы бы испить. Студёной, – подумал Попович, отирая тыльной стороной ладони горячий пот с лица. – Полжизни отдал бы за глоток грозовой воды».

Заняться было нечем, и все, за исключением часовых, точили оружие и чинили доспехи, готовясь к новой встрече с врагом. Только мокрые физиономии блестели на солнце.

Войско впало в уныние и начало терять надежду: вылазки ни к чему не приводили, а еда становилась все хуже и хуже. Но самое главное, кончалась вода. Надежда только на то, что монголам надоест эта бесконечная и бестолковая осада раньше.

И вот, когда стало уже совсем невмоготу, на склоне холма появился всего один человек, он неторопливо поднимался в гору, активно размахивая белой тряпкой, которую держал высоко над головой. Парламентёр. Дождались. Раз враг идёт на переговоры, значит, есть шанс договориться. С этого все всегда и начинается! С примирения.

Однако жизнь устроена так, что к каждой ложке мёда неизменно добавляется бочка дёгтя, даже если в ней совсем не нуждаются.

Парламентёр был выбран Субудаем из славян, это был вождь бродников, что воевали на монгольской стороне, и звали его Плоския.

Встав перед киевским князем, как лист перед травой, он откашлялся, напуская на себя важность. Плоския принадлежал к числу тех людей, которые производят впечатление абсолютной лживости ещё до того, как они откроют свой рот. Договариваться с ним о чём-то имело смысл только в случае крайней необходимости. Такие продадут за полцены, и сделают это весьма охотно.

– Уж прости ты, не гневайся, князь, что пришёл незваным. Принёс я тебе предложение от великого полководца Субудая о мирном соглашении.

– Кто будешь-то? Как звать-то тебя? – спросил Мстислав Старый, снимая с пальца золотой княжеский перстень и с любопытством поглядывая на запыленное дорожное платье пришельца. Кожаный пояс с чеканными узорами из серебра красиво стягивал его стан.

– Да ты не из простых, видно? Боярин, чай? – продолжил допрос князь, хотя больше всего в этот момент ему хотелось стащить с себя горячие сапоги, переменить сорочку.

– Я предводитель бродников, зовут меня Плоскиней. От кого я пришёл, я уже сказал. Предлагает вам хан беспрепятственный проход в родной Киев при одном лишь условии. А условие это таково: должны вы спуститься с этого холма, оставив там всё оружие и, само собой разумеется, весь обоз.

По идее, ответ киевского князя должен был быть лишь один: «Как смеешь ты своим нечистым рылом...» и далее импровизация по тексту, но подстраиваясь под ситуацию, Мстислав Старый решил себя перебороть и выслушать, что ещё скажет бродник.

Плоскиня же смолк, ожидая ответа, которого не последовало. Тогда бродник продолжил говорить, выкладывая разом все:

– Предупредить тебя хочу, князь, вовремя не согласитесь, будет только хуже. Гнев лютый у него на вас был, да отошёл, уважает Субудай храбрость, много вы его батыров уложили, а пойдёте на мир, он ко всем будет милостив. Он не аспид какой, а настоящий воин. Он клянётся, что не прольёт, в случае согласия, конечно, ни единой капли вашей крови!

Сказал все и теперь почуял, что от этих нескольких фраз взмок, словно от долгой, хитро построенной речи. Вынул полотняный плат, отер лицо и стиснул плат в кулаке.

– Ты сдурел, сложить оружие? Они убивали всех подряд! На этих условиях мы не можем принять предложение, – сказал как отрезал Мстислав.

– Это ваше окончательное решение? – переспросил Плоскиня, будто не понял мысль князя.

В случае невыполнения задания или его провала Плоскиня становился крайним, его головой пожертвуют в первую очередь и без всякой жалости. Или кожу сдерут с живого, или колодкой уморят, или по-иному как ни то... На это ордынцы мастера! Субудай не жалуется неудачников. И потому он пустил в ход хитрые посылы, увертки и подходы, чтобы любыми судьбами заставить их, уговорить, умолить согласиться.

– Они уже покорили полмира. В мужестве им не откажешь. Ничего им не объяснишь, ничем не вразумишь! К тому же их вера требует крови врагов! Они даже спят при оружии, а живут только войной да охотой, и нет для них ничего более. Норов у них пёстрый. И не так уж они жестоки в бою. В бою – кто не жесток! И ещё. Учти, князь, одно, главное, Субудай два раза предлагать не приучен, – сказал Плоскиня, пытаясь втолковать князю, что даже в этих печальных обстоятельствах есть повод для оптимизма и ещё существуют возможности, при которых они и монголы могут с приятностью разойтись. Все окончится счастливо, очень счастливо для обеих договаривающихся сторон! Всем ещё может быть хорошо!

Попович всё это время находился неотлучно при князе. С первой минуты беседы ему хотелось взять посланца за грудки и, приподняв его над землёй, потрясти хорошенько, а затем сбросить прямо с этого каменистого холма головой вниз. Он всё больше хмурил брови, слушая речь бродника, и даже знаками пытался показать князю, что пора прекращать беседу, но под конец не выдержал и, нарушая все приличия и этикет, гаркнул:

– Врёшь, перемётная сума! Чёрт говорит устами твоими!

Плоскиня готов был уже обидеться, но понял, что не по рангу.

– Чёрта тебе вспоминать с руки, но нынче только Бог тебе поможет, – повернувшись лицом к богатырю, хрипло прокаркал он пересохшими от зноя губами. Пот градинами сбегал по его челу. В круто сведенных скулах даже сейчас проглядывался зажатый до часу бешеный норов.

– То, что они нарушают слово, злонамеренная клевета! Вот тебе святой истинный крест!

Плоския быстро утомился ролью дипломата.

– Соглашайся, князь. Всё одно окажетесь в его власти. – В глазах Плоскини в этот миг можно было прочесть понимание и сочувствие.

На этом князь поднялся, разговор оборвался. Да и так уже было сказано всё, что нужно.

– Завтра я вернусь за вашим ответом, – только и сказал бродник на прощанье.

Это были обычные слова, неписанные установления, соблюдаемые при приеме послов. Настоящего разговора еще не состоялось.

Уяснив себе бесполезность дальнейшей стойкости, киевский князь созвал военный совет. На долгие размышления времени не было, приходилось принимать решение.

– Худо дело, бояре, – сказал он им. – Все вы знаете наше положение. Крах великого дела уже свершился. Замыслы разрушены. Что случилось там, у Мстислава, мы можем только гадать. Ясно одно. Мы проиграли. И нет этому оправдания. Но теперь мы начинаем винить в этом друг друга. Вновь. И вновь каждый за себя и каждый сам по себе. Надо уступить. По крайней мере сейчас.

Однако как только князь кончил, Александр сделал самое покорное и незлобивое лицо, которое он всегда делал, когда был в корне не согласен с кем-либо и не собирался ни в чем ему уступать.

– Битва не проиграна, пока враг не одержал победу. Разве степняки никогда не бегали от нас, даже если их было намного больше? Выдюжим, не впервой!! – осклабясь, ответил Попович, думая, что отвечает за всех.

Мстислав поморщился, голос был хриплый.

– Что мы решаем здесь? О чем спорим? Даже если мы и сумеем оборониться, что само по себе нелегко, то не сегодня завтра останемся без еды и воды. Одна надежда на Бога. Помощи ждать неоткуда. Надо соглашаться на их условия, пока они нас уважают, а может, даже и боятся. Я думаю, мы примем это предложение. – И все присутствующие готовно закивали головами в ответ на его слова. Попович в очередной раз остался в гордом одиночестве. Так судьбоносное решение было принято.

Чему поверил киевский князь? Это была не просто трусость, боязнь страшного врага, а нечто иное. Понимал ли он сам, на что пошел?

Просто ситуация казалась для него настолько безвыходной, что он всем сердцем и душой хотел верить в искренность клятв главаря бродников. Отбрасывая всякую логику, он доверил свою судьбу в руки человека, о чести, совести и достоинстве которого не имел ни малейшего представления, забывая при этом, что излишнее доверие часто открывает дорогу самым низменным инстинктам.

Но ведомо ли кому, на какой тонкой нити порой висит его судьба?

Пришедший на следующий день за ответом Плоския не удивился бы, последуй отказ, но киевский князь ответил согласием. Теперь бродник чувствовал приятную раскованность, что и для него всё обошлось, раз переговоры прошли успешно.

– Я рад принятому тобой решению. Мы же не какие-нибудь татары, и вера у нас, князь, с тобой одна – христианская.

– Ну, смотри, чтобы всё по уговору было.

Гордые достижением договорённости и тем, что им удалось уцелеть, избежать худшего, князья расслабились. Выход из лагеря назначен был на утро следующего дня.

Коротка летняя ночь. Только искры костров, кружась и затухая, летели ввысь золотой метелью и исчезали во тьме, да стража переговаривалась негромко, будто бы боялась, что её могут подслушать.

Что думалось Поповичу в тот самый момент? О том, что скоро гусяры-песенники доставят свои гусли и понесут по всей Руси худую славу о неудачном походе. Не ту, о которой он так долго мечтал.

– Вот и опозорились мы на весь крещёный мир. – Он пригладил густые волосы, воткнув в них, будто вилы в копну, растопыренные пальцы. Не спалось. Без всякой на то надобности пошел проверил часового. Снова лёг. Прикрыл глаза и представил себе завтрашнее позорище, когда придётся бросить свою гордость вместе с оружием под ноги хану, а над ним от горизонта до горизонта чернело усыпанное звездами небо. Подложив руки под голову, он уснул наконец, не успевши домыслить иного. Чем-чем, а бессонницей он не страдал никогда.

– Ты им доверяешь? – спросил утром друга Тимоня. – Эти удавят и не вздохнут.

– Тогда бесчестье упадёт на их головы.

– Да... но если им всё равно? – глухо пробасил побратим. – Нет ли тут какой ловушки, Лександра?

– Божьей воли не переможешь, Бог не выдаст, зверь не съест.

Но тревога запала в сердце.

– Все ли исполнил по уговору? – спросил Александр князя, не видя бродника. – Уж не хитрит ли Субудай? Не зло ли замыслил?

Завтракали без аппетита, после чего стали строиться в выжидании. Неясность будущих перспектив нарушала душевное равновесие. Телеги раздвинули.

Оруженосец стоял перед Мстиславом, благоговейно держа перед князем на вытянутых руках меч.

– Нет, друг мой, ныне мне меч без надобности. – И, углядев за плечом полную готовности рожу стремянного, приказал: – Коня!

Ему подвели оседланного вороного. Скорбная усмешка тронула его губы. Даже конь будто бы был в трауре.

Красивые кони в дорогой изузоренной сбруе съезжали с горы, мимо сваленных здесь же мечей и копий, за ними следом гуськом шли пешие. На лице князя застыла маска горького и неуверенного достоинства. Он ехал шагом, опустив поводья.

Выражение злобы и безнадёжности на лицах русских воинов, нестройной цепью покидавших своё прибежище безоружными, лучше всего отвечало текущему моменту. Нехорошее предчувствие вновь зашевелилось у Поповича, когда он увидел всадников в полном вооружении по обе стороны от прохода, а глядя на их лица, оно только укрепилось. Он напряжённо следил за их действиями.

Недвижимые телохранители, исполинского роста, с бычьими шеями, в сверкающих на солнце шишаках, прикрыв грудь круглыми щитами, держали копья остриями вверх. В прищуренных глазах угроза. На своих конях они высились по обе стороны прохода. Их рожи выражали самоуверенность и решимость людей, не раз и не два ломавших волю противника, или жертвы.

– Что-то их тут много?! – с сомнением сказал Тимоня Александру.

Показался и сам монгольский полководец. На голове Субудая отороченная пушистым мехом глубокая мягкая шапка. Раскосые глаза дрогнули от удовлетворения. Сказывали люди, что лют Субудай, что нравом он хищный зверь, хуже зверя, что тяжела его рука и не знает он жалости к побеждённым, да только кто те сказки в русском стане слышал. И правда, душа у Субудая суше сухого дерева. Для него всегда было большим соблазном убить невооружённого или разоружённого человека, не желающего сломиться морально, в то время как сам он вооружён до зубов, и он не устоял.

Сейчас ему не так важна была сама победа, как победный шум вокруг нее.

– Убейте их! – неприятным тенором прокричал Субудай.

И началось. Безоружные ратники пятились. Копья кололи со всех сторон. Везде был крик страха и боли, отчаянные стоны умирающих, фонтанами брызгала кровь. Монголы хохотали. Резали мечами. Секунды растянулись и сделались длинными и ёмкими.

Тимоня Резун коротко ткнул ближайшего монгола в зубы, и пока у того было темно в глазах, отобрал саблю и теперь крушил ею направо и налево. Он дрался как обезумевший. Рассек мечом какого-то неосторожного сотника, взмахнул еще раз – и двух воев как не бывало. Вокруг него было около полудюжины врагов, но нападать самому на него никто не спешил. Один из всадников, пользуясь тем, что его не замечают, заехал сзади и рубанул наотмашь, правая рука богатыря, в которой была сабля, упала на землю, срубленная начисто по самый локоть. Тимоня зашатался, монгол оскалил зубы.

Тимоня опустился на колено, грудь вздымалась тяжело, кость торчала из раны красным концом наружу. Он уже знал, что сейчас умрёт. Он закусил губу и потянулся левой рукой к сабле, валявшейся совсем рядом. Пальцы успели стиснуть рукоять, скользкую от крови. В этот момент ему на шею обрушился удар меча.

Попович ничем не хотел уступить своему побратиму, тем более в последние минуты жизни, к тому же отчаяние и стыд удесятерили силы, которых и без того было некуда девать. Он ринулся на врага. Его пудовые кулаки сами по себе были серьёзным оружием. Со стороны это выглядело так, как будто чемпион мира по боксу в тяжёлом весе ворвался в группу необученных новобранцев. Он слышал только хряск костей и вопли ужаса вокруг себя. Он сам бросался на татар, повергая на землю. Он хохотал дико и радостно, как безумный, чувствуя, что хотя бы умрёт с честью. Монголы трусливо пятились! Но за всем не уследишь, два копья ударили своими острыми жалами в спину. Он всё ещё стоял мощно и красиво, потом качнулся вперёд и упал, не подгибая коленей. Земля вздрогнула.

– Зазря, – только и успел произнести он, и душа его покинула тело.

Участь киевского князя была не менее печальной. Он был взят в плен, и его привели к Субудая как есть, в разорванной и запятнанной кровью рубахе. Монгольский полководец сдержал данное Мстиславу слово, он решил удавить его, не пролив при этом крови князя. Киевского властителя и его приближённых бросили на землю, а сверху положили на них настил из досок, на котором Субудай со своими воинами уселся пировать. Этим кровавым пиром завершилось первое противостояние Руси и монголов, тогда ещё никто не мог бы предположить, что растянется оно на века.

Битва на Калке навечно осталась в памяти народа, а вот имя славного богатыря, растратившего в ней свою жизнь, постепенно выпало из неё и навечно перекочевало в сказки, где и осталось до сих пор.

Некоторые выдержки об Александре Поповиче из летописей и трудов известных историков

«В лѣто 725 бысть бои князю Юрю Всеволодичю со княземъ Коньстянтиномъ Ростовским на рѣцѣ на Гдѣ, и поможе Богъ князю Коньстянтину Всеволодичю, брату старѣйшему, и правда его же пришла. А было со княземъ Коньстянтиномъ два храбра: Добрыня Златой Поясъ, да Александръ Поповичъ со своимъ слугою с Торопомъ» (*Русский хронограф, ПСРЛ, т. XXII*).

«...И бысть имъ бой за Юриевымъ на рѣцѣ Гзѣ, и тамо побѣди Костантинь, молитвами Пречистыя, своею правдою и тѣми же храбрыми Александромъ со слугою Торопомъ; ту же бѣ и Тимоня Золотой поясъ» (*Летописный сборник, именуемый Тверской летописью, ПСРЛ, т. XV*).

«...Князь Коньстянтинъ Всеволодичъ Ростовскій ста не рѣцѣ на Липицѣ со всею силою; сънимъ же бѣ и два храбра, Добрыня златый поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ, славныа богатыри <...> боарин Андрѣй Станиславичъ <...> отвѣща, глаголя: <...> есть у него мужи храбри зѣло и велици богатыри, яко лвы и яко медвѣди, не слышат бо на себѣ ранъ <...> еще же и храбрыхъ нынѣ не вѣси у него Александра Поповича и слугу его Тортопа, и Добрыню Рязанича златаго пояса, и Нефедья Дикуна <...> убиша же на томъ бою: и Александра Поповича, и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича Златаго пояса, и семдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей...» (*Никоновская летопись, ПСРЛ, т. X*).

Князь великий Юрий стоаше подъ Ростовомъ, въ Пужбалѣ, а войско стояше за двѣ версты отъ Ростова, по рѣцѣ Ишнѣ, биахуть бо ся вмѣсто острога обѣ рѣку Ишню. Александръ же выходя многы люди великого князя Юриа избиваше. Их же костей накладены могыли великы и донынѣ на рѣцѣ Ишнѣ, а инии по ону страну рѣки Усии: много бо людей бяше съ великимъ княземъ Юриемъ. А инии побиени отъ Александра же подъ Угодичами, на Узѣ, тѣ бо храбрии выскочивше на кою либо страну обороняху градъ Ростовъ молитвами пречистыя. Многожды бо князь великий Юрий на братне достоание приходяше, но съ срамомъ възвращашеся (*Лаврентьевская летопись*).

Единою выйде на него изъ Ростова Костантинь, и бысть имъ бой за Юриевымъ на рѣцѣ Гзѣ, и тамо побѣди Костантинь, молитвами пречистыя, своею правдою и тѣми же храбрыми Александромъ съ слугою Торопомъ; ту же бѣ и Тимоня Золотой поясъ. И ту убиша у великого князя храбраго Юряту, о семъ велми опечалися князь великий Юрий; побѣжденъ же смирился съ братомъ (*Лаврентьевская летопись*).

«Александръ же, выходя, многы люди великого князя Юриа избиваше, ихже костей накладены могыли великы и доныне на рѣце Ишне, а инии по ону страну реки Усни. много Со людей бяше с великимъ княземъ Юриемъ; а инии побиени отъ Александра же подъ Угодичами, на Узе, те бо храбрии выскочивше на кою либо страну обороняху градъ Ростовъ молитвами пречистыя» (*Лаврентьевская летопись*).

«И прииде на него Александръ Поповичъ, имѣя мечъ нагъ, хотя разсѣщи его; бѣ бо силенъ и славенъ богатырь. Онъ же возопи глаголя: азъ есмь Князь Мстиславъ!... И рече ему Поповичъ: то ты не дерзай, но стой и смотри. Егда убо ты глава убиенъ будеши, камо (другимъ) дѣти?»
(Никоновская летопись).

«В лѣто 725 (1217). Бысть бои князю Юрю Всеволодичю съ княземъ Костянтиномъ с Ростовским на рѣце на Где, и поможе богъ князю Костянтиноу Всеволодичю, брату старѣишюму, и правда его же пришла. А были с ним два храбра: Добрыня Золотый Поясъ, да Александро Поповичъ съ своимъ слугою с Торопомъ»
(Сокращенный летописный свод 1493, ПСРЛ, т. XXVII).

«...Князь Коньстянтинъ Всеволодичъ Ростовскій ста не рѣцѣ на Липицѣ со всею силою; сънимъ же бѣ и два храбра, Добрыня златый поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ, славныа богатыри <...> боарин Андрѣй Станиславичъ <...> отвѣща, глаголя: <...> есть у него мужи храбри зѣло и велици богатыри, яко лвы и яко медвѣди, не слышат бо на себѣ ранъ <...> еще же и храбрыхъ нынѣ не вѣси у него Александра Поповича и слугу его Тортопа, и Добрыню Рязанича златаго пояса, и Нефедья Дикуна <...> убиша же на томъ бою: и Александра Поповича, и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича Златаго пояса, и семдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей...»
(Никоновская летопись, ПСРЛ, т. X).

«Храбрые» били челом киевскому князю. Поступившими к нему на службу русскими «храбрами» Мстислав Романович «велми гордяшеся и хваляшеся».

И вегда бысть брань князю Костянтину Всеволодовичю ростовскому с меншим братом своим Юрьем Всеволодовичем владимерском о княжении и мнози бои быша меж ими, той же Александр храбрѣствуя выезжая из Ростова князь юрьевых вой побиваше, их же побитых от него около Ростова на реце Ишне и под Угодичами на лугу многи ямы костей наложены. С ним же храбрѣствуя и Тиманя Златый Пояс. На иных же боех той же Александр с теми храбрыми и Юряту храброго уби и Ратибора храброго, иже хотяше седлы войско Костянтиново (войско) наметати хваляся, уби. Князю Юрю ж Владимирскому о брате и о рати зело печально бысть сердце храбрости их ради. Вскоре же князя Костянтина ростовского бог отдели века сего, отиде к богу, и ростовское княжение достася князю Юрю ко граду Владимиру. Той же Александр совет сотвори с прежреченными своими храбрыми, бояся служити князю Юрю – аще мщение сотворит, еже на боех ему сопротивни быша; аще разъедемся по разным княжениям, то сами меж себя побиемся и неволею, понеже меж князей несогласие. И тако здумавше, отъехаша служити в Киев. Лутче, рече, есть нам вместе служити матери градовом в Киеве великому князю Мстиславу Романовичи) Храброму. Той же великий князь Мстислав Романович о всех храбрых хваляшеся в гордости своей: ужь слух дохождаше русским князем, яко безбожнии татарове многи страны поплениша: ясы, обези, касоги и безбожных половец множество избиша, и проидоша землю их, избивающе их гневом Божиим, зане милостивый бог мстя им кров христианскую, хотя их окаянных половцев погубити. И прогониша тии татаровя половцев до реки Днепра. Князь же Мстислав рече гордяся надеяся на своих храбрых, их же преж рекохом. «Донележе, – рече, – аз семь на Киеве, то по реку Яик и по море Понтийское и по реку Дунай не махивати сабли». Сего ради и с храбрыми своими купно погибе, хотя помогати

половцам от татар и своя вся и сам с ними погибе, яко же писано есть в Калкском побоище»
(*Хронограф*, л. 337 об. – 338 об.).

«1224 г. Татары гнали Россіянъ, убивъ ихъ множество, и въ томъ числѣ шесть Князей: Святослава Яновскаго, Изяслава Ингваровича, Святослава Шумскаго, Мстислава Черниговскаго съ сыномъ, Юрія Нѣсвижскаго; также отличнаго Витязя, именемъ Александра Поповича, и еще 70 славныхъ богатырей»
(*Н.М. Карамзин*).

«Убиша Александра Поповича и слугу его Торопа и Добрыню Рязанича, Златаго пояса»
(*Никоновская летопись*).

Глава 2

Вячко из Кукейноса

Люди умирают, но память о них остаётся.

Кукейнос – маленькое русское княжество со смешным названием, которое отыщется не на всякой карте, входило в сферу подчинения княжества Полоцкого. Королевство было крошечное, по меркам Руси, и ничем не примечательное. Спряталось оно в таком медвежьем углу, в такой дыре, на рогах у такого чёрта, что, если бы не эта история, о нём бы совершенно позабыли. Мне самому пришлось потрудиться, чтобы отыскать его – со всех современных карт его давно стерли. Столицей княжества был город-крепость с таким же, как и у самого княжества, названием – Кукейнос, что расположился на правом берегу Западной Двины, там, где в неё впадает речка Кокна. Город был тоже маленьким и, как часто бывает в провинции, захолустным. Таким он был изначально, от своего сотворения, и никаких перспектив для изменения в лучшую сторону не предвиделось. Одним словом, глухомань. Несмотря на это, для спокойной и размеренной жизни Кукейнос не очень подходил. В первую очередь Кукейнос был поселением воинским. В замке, а какая столица княжества, даже самого мелкого, могла обойтись без замка, базировалась княжеская дружина. Это отнюдь не случайно. Соседи, окружавшие в те поры русские земли, были весьма воинственными и только ждали случая, чтобы напасть и напакостить, а потому война на границах этого маленького королевства не утихала почти никогда. То литва, то земгалы, то эсты, а то вновь литва пробовали на прочность его границы. Мало кому из живших в те поры на границе жизнь казалась мёдом. Правда, места тут красивые: леса стоят незнаемые, тропы в них лежат нехоженые, реки текут светлые, ивы ветви свои, словно волосы, в ручьях полощут, маки, с алыми, как кровь, маковками над зелёной травой-муравой на просторе лугов торчат, да и рыбалка знатная. Окуни с руку, и лещи размером с телят. В этой изобильной зверьём земле охота ничем не уступала рыбалке. Тут и бобр, и лиса, и куница, и выдра, а повезёт, так косуля или кабан. Что же касается глухарей и тетеревов, то их и вовсе без счёта.

А правил Кукейносом, как и подобает, князь. Имя его было Вячеслав Борисович, или, как его обычно называли, Вячко. Под этим именем он и вошёл в летописи. Происходил он из полоцкой ветви Рюриковичей, и при случае с гордостью мог щегольнуть – Рюриковичи мы. Пожалуй, это и было то единственное, чем князь мог где-то щегольнуть. Больше гордиться ему было нечем.

Был он сыном полоцкого князя Бориса Давыдовича от первого брака, но получить власть в Полоцке ему не светило. Полоцкий князь Борис Давыдович женился вторым браком на померанской княжне Святохне, плененный её «лепотой», и любил её «совершенно», то есть до последней потери разума. У красавицы родился сын Владимир. И кому, по мнению матери, должен был достаться Полоцк, не вызывало сомнений. Хитростью и коварством, помноженным на упорство, Святохне удалось избавиться от княжича, которого отец отправил из Полоцка в дальние волости.

Может, и хорошо. Больших амбиций Вячко не имел, то, что всё теперь за него решали большие князья, его вполне устраивало, для него же оставалась лишь служба да мелкие радости.

Ел он в меру, спал нормально. И понятно, чем меньше ответственности, тем лучше аппетит и крепче сон. Кукейнос был для него лучшим местом на свете. Вячко был молод, красив, высок. Ни силой, ни статью не обижен. Добродушное лицо, нос картошкой, веснушки рассыпью, широкая белозубая улыбка во все крупные, как у боевого коня, 32 зуба. Местные девки

млели при одном взгляде на разудалого витязя. Перечень достоинств князя этим не заканчивался. Главное, что Вячко располагал к себе людей с первого взгляда. У него было большое горячее и чистое сердце, правда, несколько наивное и доверчивое.

Работу свою князь выполнял исправно и обстоятельно. Дани и оброки собирал с подвластных земель в срок. Суд и расправу над подданными, несмотря на возраст, творил справедливо. Будучи от природы неприхотлив, с удовольствием ел масло и сыр, что у селян ежедневен на столе, вкушал хлеб и квас в дымных крестьянских избах, а то и ночевал, если доводилось, в стогу сена. Никогда не чванился и нос от простого люду не воротил. Как и всякий православный христианин, ходил по праздникам и воскресеньям в церковь, где творил молитвы и замаливал грехи, если таковые с ним случались. Когда нападала литва, ставил сапог в стремя и мчался со своей верной дружиной туда, где в нём была необходимость. А князь молодой, даже не женатый ещё, мечтал о спокойствии для своей волости. А с мечтой жить завсегда веселее и засыпать слаще. Всегда что-то в голове интересное представляется, когда в постель ложишься. Положишь кулак под подушку, покрутишься немного, поворочаешься, устроишься поудобнее и засыпаешь довольный.

Одним словом, ничем из массы таких же мелких князей, как и он сам, Вячко не выделялся и даже думать не думал, что его имя войдет в историю.

Годы шли своим чередом, неторопливо переходя в вечность. Зиму сменяло лето. Весна и осень приходили в свой срок. Всё было привычно и обычно. Ничего нового, те же враги, те же друзья. Но с 1201 года жизнь на границе изменилась. Именно в этот год в устье Западной Двины высадились крестоносцы во главе с епископом Альбертом Буксгевденом и основали город Ригу. Официальным названием ордена меченосцев было – Братья Христова воинства. Или на немецкий манер: *Schwertbruderorden*. Что означало – «Орден братьев меча». Изображение на белых плащах красного креста с расширяющимися концами, под которым вертикально располагался такого же цвета меч, дало нарицательное название всему братству – орден меченосцев. Меченосцы были единственным монашеским орденом в истории, кто подчинялся не папе римскому, а служил создателю организации – непосредственно епископу Альберту.

Перспектива виделась епископу весьма радужной. Он давно мечтал о том дне, когда идеальные, по его мнению, служители и монахи, исполненные христианских добродетелей, под руководством не ведающих страха братьев-рыцарей, которые счастливы уже одним тем, что исполняют его приказы, понесут свет истинной веры по всей Прибалтике! И всё это во славу Христа!

Нет, епископ Альберт не был простым фантазёром, у него была светлая голова, и он умел просчитывать свои действия на несколько ходов вперёд, но вот помечтать... помечтать о сияющем будущем каждому приятно. Тем более последнее время дела у него складывались как нельзя лучше. Благодаря упорному труду и созданию «своего собственного ордена» рижский епископ Альберт Буксгевден, а совсем ещё недавно каноник города Бремена, теперь очень и очень важная фигура. В его руках сосредоточена вся светская и духовная власть в этой забытой богом земле. Круче него здесь только звёзды.

Ни Вячко, ни более опытные и важные князья на факт высадки крестоносцев внимание тогда не обратили. Своих дел много. Времена были суровые, литва заедала. Если так пойдет дальше, то недалек тот день, когда Кукейнос со всех сторон будет окружен врагами и без могущественного союзника будет просто раздавлен, несмотря на всю решимость князя и мужество его небольшой дружины. Полоцкий князь Владимир проявлял удивительную пассивность, считая, что всё само рассосётся, и никакой активности не предпринимал, охраняя всё больше свои рубежи. словно не чуя ни литовской грозы, ни латинского натиска на Русь! К этому моменту он наводил больше страху на своих приближенных, чем на врагов. А ведь именно от таких князей, как Владимир Полоцкий, зависели не только честь и слава, но и грядущая судьба Великой Руси!

Крестоносцы действовали иначе, они сделали свою столицу Ригу плацдармом для завоевания всей Прибалтики. Немцы, а именно они в первую очередь составляли ядро организации, активно развивали своё наступление, занимая и подчиняя себе всё новые и новые территории. И вот всего лишь четыре года спустя границы владения ордена братьев меча уже вплотную соприкасались с границами русского княжества Кукейнос. Пойдут они дальше или нет, вопрос спорный. Ответа на него никто дать не может. А противостоять такой организованной силе и планомерному напору Вячко в одиночку не мог, не те у него были возможности, ему с литвой бы справиться. Начальство из Полоцка по-прежнему отмалчивалось, не давая никаких указаний, как вести себя молодому князю в такой обстановке. Словно не видя угрозы, наползающей на Русь. Одной из причин этой вялости, возможно, было и то, что мать полоцкого князя, прекрасная Святохна исповедовала «веру папешскую». То есть латинскую. Хотя перед свадьбой она наружно отреклась от нее (а куда ей было деваться, если хотелось идти во власть) и *«приняла веру греческого изповедания, но тайно твердо оную содержала и между дворян ея держала попа латинского»*. Так написали о ней монахи-чернецы, а они за делами веры следили ох как пристально.

Тянуть до бесконечности было нельзя, нужно было что-то предпринимать, и Вячко принял решение самостоятельно. То есть единолично. Он уже давно следил за действиями крестоносцев, и надо сказать, молодой князь запал на орден.

– Католики, православные, невелика разница, и те и другие христиане. В одного бога веруем, – думалось ему. Поэтому он не видел в крестоносцах врага, наоборот, разногласия различных концессий его мало волновали, он смотрел глубже. В своих мечтах он представлял, как в союзе с «рыцарями Христа» он навсегда отучит дикие соседние племена язычников покушаться на его границы. Воины с красными крестами на девственно белых плащах, несущие свет истинной веры язычникам, стали его кумирами.

Ордена по религиозной принадлежности на Руси не создавались никогда, не было в том необходимости, но свод рыцарских правил, уже давно гуляя по Руси, пустил свои корни в княжеской среде довольно глубоко. Каждый уважающий себя князь считал себя рыцарем и действовал сообразно этим представлениям. Вячко был не исключением из общего правила. К тому же, напомню, он был молод и любопытен, а наивность и романтизм у молодых людей сочетаются почти всегда. И уж если сочетаются, то переплетаются довольно крепко. И держатся они до того момента, пока их разом из головы не выбьют, вот только тогда наступает отрезвление, правда, для некоторых оно приходит излишне поздно.

Вот среди «рыцарей Христа» таких идеалистов уже давно не было. Там попадались всё больше люди опытные, им палец в рот не клади, откусят, не поперхнутся, это лишь на первый взгляд кажется, что они идейные и безобидные. Такими их рисовал лишь официальный хронист ордена братьев меча Генрих Латвийский, всю свою жизнь положивший на то, чтобы не только обессмертить деяния ордена, но создать вокруг меченосцев ореол некоей романтики. Трудился он неустанно. Писал и о том, *«что жизнь братьев-рыцарей полна трудностей и приключений, что на каждом шагу их подстерегает смертельная опасность»*. И о том, что братья-рыцари к встрече с этой опасностью всегда готовы, с момента принесения ими клятвы о вступлении в братство и до своего последнего вздоха. Подчёркивая со всем своим воодушевлением, что как бы трудно ни приходилось, ничто не могло сбить их с ранее выбранного пути.

А вот его земляк, идеолог социализма и автор масштабного труда под названием «Капитал», Карл Маркс придерживался иного мнения и со всей революционной прямоотой называл меченосцев не иначе как прохвостами и крестоносной сволочью. И был он намного ближе к истине.

Под белыми плащами служителей культа таились настоящие хищники. Безжалостные. А многие даже безыдейные, для которых вера служила лишь необходимым прикрытием к достижению достатка. Их под эти самые плащи загнала жизнь.

Но все мысли князя Кукейноса лежали сейчас в иной плоскости. Приняв для себя решение, он тут же приступил к его исполнению, так как был он человек деятельный, и уж если что решил, то непременно делал.

Советоваться в этом щепетильном деле было не с кем. Полоцк всё так же молчал, как воды в рот набрал, видимо предпочитая не вмешиваться. Соратники больше владели мечом, топором, булавой, в крайнем случае кистенём, но способностей к политике и анализу не имели вовсе. Их дело было лететь за своим князем в атаку на лихом коне или прикрыть его своей грудью или своим щитом, в случае, если такая необходимость возникнет. А стратегия, и прочие тактические ухищрения – с кем дружить, кого бить, это дело князя, он для этого над ними и поставлен. Может, даже и посомневались где над затеей княжьей и поговорили между собой, посудачили, а как без этого? Но отговаривать и совать свой нос в дело не стали. Суровые ветераны, отмеченные в пограничных стычках десятками шрамов, днями и ночами не покидавшие седла, хорошо разбирались лишь в тонкостях войны, а не жизни. Если и выйдет из поездки толк, так всем хорошо будет. И нечего лезть с ненужными советами, блистая напоказ умом перед князем. А опасности никакой они для своего князя в этом деле не усматривали.

Несмотря на свой молодой возраст, Вячко поступил очень дальновидно. Сам, без отцова подсказа, без совета бояр понял, что надо.

Добыв через гонца пропуск у епископа, он отправился к нему на корабле. Плыть было недалеко, не больше трёх миль вниз по реке. Сойдя на берег, князь тут же отправился к епископу Альберту, где был прекрасно встречен. У епископа Альберта были далекоидущие планы на каждого русского князя, что готов был сотрудничать с орденом. Епископ Буксгевден не покладая рук трудился над приобретением друзей в этом непростом регионе, а тут молодой русский князь пожаловал с визитом и предложением дружбы сам. Ещё более актуально это выглядело в свете того, что теперь границы земель ордена напрямую соприкасались с землями королевства Кукейноса, то есть они были соседями. А когда соседи друг за друга горой, это очень большое удобство. Говорить о соседях, как вы понимаете, можно бесконечно, а главное, объяснять никому ничего не нужно, для многих это и сейчас большая тема.

Епископ казался на первый взгляд человеком хорошим, в общении простым, добрым и покладистым, во всяком случае, лицо у него было располагающее к доверию и общению. Он был человек умный и умел вызывать на откровенность собеседника. Когда он слушал, то всегда улыбался, время от времени кивая головой в знак согласия и поддержки. Но всё это было лишь ловушкой. Теплота в его взгляде могла в одно мгновение испариться и смениться холодным металлическим блеском. Менялся и его тон. Он становился резким и не терпящим возражений. Обескураженные столь разительной переменой собеседники часто терялись, понимая, что спорить с епископом или уговаривать его бесполезно. А сейчас епископ Альберт источал только теплоту и любезность.

Немецкий хронист Генрих Латвийский отметил: *«Проведя в самой дружественной обстановке в доме епископа много дней, он (князь Вячко) наконец попросил епископа помочь ему против нападений литовцев»* – и в ответ на эту просьбу *«епископ почтил короля многими дарами, обещал ему помощь людьми и оружием»*. Но от одних обещаний богатым никто и никогда не бывает. Правда, молодой король Кукейноса эту мудрость пока ещё не постиг.

Заклучив с «Братями Христова воинства» мир и не задерживаясь долее необходимого, Вячко с радостью вернулся к себе. Дело выглядело удачным.

А что для князя важно? Важно решить вопрос! Договориться о политическом союзе! И всё! Будем жить отлично! Мир! Дружба! Баня! Настроение у русского князя было радужное, всё настраивало на позитивный лад. Вячко был человеком открытым и бесхитростным и от других ждал того же.

– Ай да я! – хвалил себя князь и безмерно гордился своей ловкостью. – Всем вокруг носы утёр.

Одной стрелой умудрился ловкий русский князь укокошить двух зайцев. Получив заверения дружбы от самого епископа Буксгевдена, он не только отвёл угрозу со стороны крестоносцев от своих земель, но и нашёл союзника от уже до смерти осточертевшей ему литвы. Один вид людей с красным крестом на плаще отрезвит и самых диких язычников. А недостаточно будет, зажмём с двух сторон. У нас тоже мечи острые!

Пройдёт совсем немного времени, и Вячко будет проклинать свою доверчивость, которая навсегда изменила его жизнь. Впереди его ждало страшное разочарование, но заглядывать наперёд мало, не всем дано. Оказалось, что только на первый неискушённый взгляд «братья Христа» вменяемы и покладисты.

Год прожили в мире, а дальше обстановка начала накаляться. Видимо, крестоносцам стало скучно, и на границах начались тёрки.

Соседом Вячко был донельзя самонадеянный рыцарь Даниил.

Даниил из Леневардена был младшим сыном одного из знатных немецких родов, и поэтому дома ему ничего не светило. Западное земельное право ввело понятие майората, что означало – родовое поместье и замок получал в наследство лишь старший сын. Младшие должны были устраивать свою судьбу сами. Значит, Даниил мог рассчитывать только на свой собственный меч, силу и удачу. Мечом он владел хорошо, сил было в преизбытке, нужна была только удача. И удача улыбнулась ему. В это самое время епископ Альберт в поиске пилигримов лично обходил в Тевтонии (так называли немецкие хронисты Германию) каждый квартал, улицу и церковь, уговаривая кандидатов вступить в его орден. Молодого рыцаря долго уговаривать не пришлось. В нем самом было столько жадности к жизни и сил, что сначала в его голове совсем не укладывалось, как это можно так вот взять и уйти от всех привычных для него мирских радостей? Но, пораскинув немного мозгами, Даниил решил рискнуть и примкнуть к воинам-монахам ордена меченосцев. Орден был такой же молодой, как и сам рыцарь, нуждался в знатных и храбрых людях, а значит, перспективы на продвижение были радужными. С приёмом сложностей не возникло, в орден, как вы поняли, брали всех, было бы желание. Тем более что дома его всё одно ничего не держало. Он дал обет безусловного послушания орденскому начальству, обет бедности и обет посвящения всей своей жизни «борьбе с неверными и язычниками», после чего его торжественно приняли в братство, возложив на него девственно белый плащ и перепоясав рыцарским мечом.

Так благородный Даниил стал одним из первых приобретений епископа Альберта и оказался в Прибалтике. В первый же год службы он получил в свой бенефиций замок Леневарде (Lenevarde). Бенефиций от латинского слова *beneficium* – что в переводе значило благодеяние. В Средние века так называли пожалование в виде земельного участка за выполнение военной или административной службы. Этим замком епископ Альберт пожаловал от щедрот своих молодого «брата-рыцаря», надевшего на себя белый плащ Христова воинства.

Совсем ещё недавно этот замок принадлежал язычникам ливам. Однако под давлением крестоносцев они были вынуждены покинуть и свои деревни, и замок и уйти в лесные трущобы, туда, где до них не дотянутся ни меч, ни крест. Так Даниил обзавёлся хозяйством, а в силу того что рыцарям быстро присваивали имена их владений, он стал гордо именоваться Даниилом фон Леневарденом.

Надо отметить, что от самого своего основания орден Братства воинства Христова имел репутацию недисциплинированного. Неповиновение и своеволие слишком часто встречались в среде крестоносцев. Возможно, потому, что лучшие из лучших записывались в более престижный Тевтонский орден. Меченосцы выбирали из того, что осталось, поэтому не привередничали, и первыми, кто записался в орден братьев меча, были рыцари, подобные Даниилу. Напялить белый плащ с красным крестом было делом нехитрым, соблюдать данные при вступлении обеты куда сложнее. Неслучайно первый магистр ордена Вино фон Рорбах пал не от

руки язычника в борьбе за веру, а лишился головы в прямом смысле слова от рук собственного собрата. Но история убийства Рорбаха нас не касается, поэтому обойдём её стороной.

Вернёмся к Даниилу. Активный и хваткий, характер он имел вздорный и грубый. К тому же умом не блистал. Лицом же он смахивал больше на барсука. Глаза у него были маленькие, недружелюбные и смотрели всегда исподлобья. С ним старались не связываться. Как и все рыцари ордена, Даниил был до чужого добра большой охотник. Среди братьев ордена вообще собралось немало авантюристов и охотников за наживой. Неслучайно боевым кличем рыцарей-монахов было: бери, грабь, бей! Это рыцарю подходило. Для его ушей не было слаще звука, чем звон пятаков. Он был голодным, как волк, и ему осточертело смотреть, как другие живут хорошо, когда он по целым дням не слезает с седла, когда возвращается выжатый как лимон. А где награда за риск? Рыцарь искал выгоды личной. Деньги. Или власть. Или имущество, что в сущности одно и то же. Обет бедности, что он когда-то давал, вступая в братство, был уже давно забыт. Не смотреть на чужое добро и даже не сметь думать о нём – это же несказанная мука! А здесь, на краю мира, без этого тягот довольно. Зачем же увеличивать свои мученья, которых и так пруд пруди? За любой труд положена награда, а за подвиг воздаяние, будь ты хоть монах, хоть рыцарь-монах. Это по справедливости. Это по-нашему, по-христиански. А идея, она хороша, когда нет ничего другого в перспективе. Идей не наешься. Про стыд и совесть Даниил позабыл, рано поняв, что с ними счастья не найдёшь и шубы из морали не скроишь.

Такие вот «проповедники» и стали распространять имя Христа среди язычников. Каждый из них про себя, втайне, думал, что рыцари – это венец природы, и когда Бог захотел создать настоящего мужчину, которому позволено будет владеть этим несовершенным миром, он создал рыцаря.

В «Рифмованных хрониках», призванных увековечить деяния ордена меченосцев, появляется следующая запись: *«Господь с каждым днём всё увеличивал дружину братьев рыцарства, и стали они думать, что, сообразно росту их числа и трудов, должны возрасти имущество и владения их»*. Что должен был возразить на эти непомерно разрастающиеся требования воинов-монахов, давших обет бедности, епископ? Ответ можно найти во всё той же хронике. *«Отчески заботясь о людях, которые днём и ночью стеной стояли за дом божий, и стремясь увеличить их число, епископ решил вознаградить их за труды и расходы»*. Дальнейшие действия борцов за веру не вызывают удивления.

Раздор между королём Кукенойса и рыцарем Даниилом из Леневардена, по словам Генриха Латвийского, возник быстро. Как умелый хронист он уместил все свои выводы в одну строку. *«Этот король причинял много неприятностей людям Даниила и, несмотря на неоднократные увещевания, не переставал их беспокоить»*. Но беспокойство беспокойству рознь. Если и была такая причина и Генрих о ней знал, то умолчал, покрывая соотечественника. Вячко был человек слова и не стал бы нарушать за здорово живёшь мирный договор, а вот братья-рыцари были проказники и провокаторы известные. Но люди почему-то охотно верят плохому, даже без всяких доказательств.

Пограничные дразги были для Вячко привычными буднями. Рыбу ловили не там, охотились не на месте, ягоды залезли собирать на чужую территорию, коровы границу перешли у реки. Так ведь за всем не уследишь. Вся эта история не стоила выеденного яйца. Чего тут было нагнетать и из чего раздувать пожар вражды, непонятно? Подобные конфликты гасятся в секунду. А Даниил вдруг завёлся, как человек, которому наступили на больную мозоль.

Причина у рыцаря была одна. Прибалтика маленькая, земли на всех не хватает, вот и решил Даниил устроить свои дела за счёт соседа, у которого хозяйство было уже отлажено. А потому высасывал из пальца обиды.

Второй раз плыть в Ригу, чтобы пожаловаться на своевольного соседа, Вячко не стал. Такой подход был ему чужд. Рыцарь Даниил из Леневардена действовал как раз наоборот. Он готовил почву заранее и жалобы слал в резиденцию епископа непрерывно. Эти листы должны

были послужить ему неким оправданием в будущем, когда откроется то, что сиятельный рыцарь задумал. А задумал он такую пакость, которую про себя именовал не иначе как героизмом, такое безрассудство, на какое ему разрешение никто не даст. Поэтому благородный фон Леневарден решил действовать втихомолку. То есть не спросясь. Как всегда, в запланированном им «подвиге» главным стало скрыть его до времени от начальства. Если победит, причину для столь откровенной провокации всегда можно найти. А не повезёт, зная Вячко, журить будет некого.

Немцы, они что тогда в 1200-м, что в 1941-м, действовали стандартно, как под копирку. Напали внезапно, без предупреждения, на рассвете, когда утренний сон сладок и никто не ждёт. Такое вот получилось 22 июня 41-го года в разрезе минимализма.

Для нападения меченосцы выбрали один из самых светлых христианских праздников, той самой религии, которую они и несли в языческие народы. Видимо, брат-рыцарь решил действовать под единственным знакомым ему по Святому Писанию девизом: превращу праздники ваши в плач и песни ваши в рыдания.

Пасха, весна, настроение что надо. Народ гуляет и радуется. Наконец можно вдохнуть полной грудью и расслабиться. Сердце поёт. Как комментирует Генрих Латвийский – в Кукейносе начались попойки. Пушай злословит. Каждый празднует как умеет, а русские славны не одними попойками, ну да что с немца возьмёшь. А что касается выпить, так это никому не запрещается, разве что в меру, для поднятия настроения.

Сказать, что Вячко был счастлив, значит не сказать ничего. Сверкающая свежесть мая успокоила его легким весенним духом, и оттого все вокруг виделось ему легко, ясно и радостно.

Он сидел за столом, с удовольствием уминая за обе щёки праздничный пасхальный кулич и даже не подозревая, какие грозные тучи уже сгущаются над его бесшабашной головой. Но даже если бы и подозревал, то ни в коем случае не утратил бы аппетит – настолько он был в себе уверен. Возможно, только бы самонадеянно усмехнулся про себя. Молодой князь считал, что общий христианский праздник и слово, данное ему епископом Альбертом, уберегут его от беды. Но как сказал большой поэт – надежды юношей питают.

Пока в Кукейносе, как и на сердце князя было легко и весело, в мрачном замке Леневарден совершенно непразднично. Хозяин замка, оттого что заняться было нечем, а время скоротать было просто необходимо, походил немного по залу, а затем сел к столу и, подпёрев голову рукой, задумался о своих планах. Перспективы выходили неясные. Но обратной дороги уже не было. И пока русский князь готовился отойти ко сну, его ближайший сосед и «союзник» Даниил фон Леневарден думал с мстительной радостью о том, что до момента удовлетворения своей мести ждать осталось совсем не так много.

Как гласит пословица английская – счастье гарпунёра в том, что левиафан в нужный момент спит. А Даниил собирался загарпунить этой ночью довольно крупную рыбу.

«Спи, Вячко, спокойно спи. Вполне возможно, что сегодня ночью ты заснешь навеки». От этой мысли у рыцаря сладко ныло под ложечкой, он был уверен, что всё пройдёт как надо.

Дождавшись глубокой ночи, Даниил поднял своих слуг и вместе с ними выдвинулся к замку русского короля, как его называет всё тот же Генрих. Будить слуг не пришлось, они уже во всеоружии ждали сигнала своего господина, чтобы начать действовать. А слуги у брата-рыцаря не разжиревшие от спокойной жизни швейцары и дворники, с привычными больше к хозяйским делам лакеями да конюхами. Это не садовники с гувернёрами, которые не знают, с какой стороны взять меч. Это братья-служители, такие же отпетые авантюристы и головорезы, как и сам рыцарь, только не знатные. Большей частью это воины, прошедшие огонь и воду и прекрасно умеющие управляться с оружием. Это стрелки и меченосцы, в смысле люди, прекрасно управляющиеся с мечом. Сколько они на своём веку крови пролили, сколько сирот пустили по белу свету, никому про то знать неведомо. Они пришли в Прибалтику за тем, чтобы спасти свою бессмертную душу от геенны огненной, которая ждала их за все совершённые

проступки, а заодно и поправить за счёт язычников, или кого они считали таковыми, свои финансовые дела.

Придя к замку на рассвете, они нашли стражу беспечно спящей. Такой поворот многократно облегчает поставленную задачу.

Сон на посту дело до чрезвычайности опасное. Если часового застанут за этим делом, то лучшим из последствий, на которое он может рассчитывать, будет мордобой. Неслучайно в «Уставе гарнизонной и караульной службы», книге, в прямом смысле написанной кровью, в параграфе номер 189, говорящем о том, что запрещается часовому, первым в череде из 14 пунктов стоит – спать. И только уже потом: сидеть, есть, разговаривать. Часовой, не выполняющий этих требований, есть прямая угроза для безопасности гарнизона.

Если бы князь застал своих постовых спящими, он бы их убил, но это сделали без него.

Пока Вячко мирно сопит под одеялом, немцы деловито занимают город. Они действуют без малейшего промедления.

Неожиданно взойдя на крепостной вал, меченосцы без труда захватили главное городское укрепление. Три десятка человек в длинных белых плащах, на которые были нашиты красные кресты и мечи, призывая на помощь Деву Марию, рассыпались по ночному городу, подминая его под себя. Убивать всех подряд, не разбирая, как это бывало с язычниками, они не решились. Поэтому, глуша оплеухами и пинками, разогнали высыпавших на шум и не проснувшихся толком ратников по углам, обращая в бегство. Тех, кто ещё пытался сопротивляться, брали в плен и вязали, как вяжут кули с мукой. В числе захваченных и связанных оказывается и сам король.

Вячко проснулся под утро, вдруг, словно ударили, и несколько мгновений не мог понять: что не так и в чем дело? Когда протёр глаза, было уже поздно.

Несколько хмурых, одинаково жутковатых с виду, давно небритых мужчин, прямо с утра стоящих у твоей постели с оружием наготове и немигающим взглядом глядящие на тебя в упор, могут испортить настроение кому угодно. И оттого что они вооружены, а на их плащах нарисован красный крест, спокойствия не прибывает. Скорее наоборот. Это способно повергнуть в панику любого. Сейчас Вячко сам был, наподобие своего замка, гостеприимно распахнутым перед неприятелем ворота. То есть: слаб, незащищен и уязвим. Тут ему жутко захотелось заснуть обратно, чтобы стоящий перед глазами кошмар исчез, рассыпался, растворился как дым. Но как ни тёр князь руками глаза, неприятное видение не исчезало.

Думать о каком-либо серьёзном сопротивлении даже не приходилось. С голой пяткой лезть на остро отточенные клинки несподручно. Хорошо, если можно откупиться тем, что лежит в твоём кошельке. Но от тех, чью грудь украшает латинский крест, такой мелочью не откупишься.

Чтобы русский князь понял всю серьёзность своего положения, они отвесили природному Рюриковичу несколько крепких зуботычин. Разумей. Шутки шутить никто не собирается. Затем позвали господина своего Даниила, бывшего поблизости, уточнить у него, что делать им с русским королём. Прямо здесь задушить подушкой, сунуть под рёбра остро наточенный кинжал или взять с собой в качестве военного трофея?

Пока благородный фон Леневарден думал, свободные от охраны пленённого хозяина дома крестоносцы начали переворачивать сверху донизу княжеские хоромы, собирая в одну кучу: серебряные блюда, чаши, цепи и пояса с камнями и яхонтами, вынося из комнат мягкую рухлядь, выискивая кожаные мешки, набитые новгородской гривной, тащили амфоры с заморским вином, из княжеских погребов выносили вязанки сушеной рыбы, грибов – одним словом, брали что под руку попадётся... Люди, принявшие при вступлении в орден обет бедности и давшие клятву не нарушать его, увлечённо и самозабвенно грабили! Сейчас они больше напоминали не слугителей религиозного братства, а разбойников с большой дороги. Они увле-

чѣнно ругались между собой из-за княжеского добра, и каждый хотел что-то присвоить себе втихомолку.

Рыцарь Даниил горел желанием прикончить русского князя прямо на месте, но он просто не знал, как посмотрит на такое самоуправство епископ. Брат-рыцарь, не привыкший к таким сложным умственным задачам, страшно мучился, прежде чем принять решение. Тем более что дело было уже сделано. Теперь осталось предугадать последствия.

«Грохнуть его! Мёртвые не создают проблем!» – бухнуло в голове. И это было бы логично. Оскорблённое самолюбие может возжелать мести. Тогда жди беды. А так нет человека – нет проблемы. Гуманизм в таких вопросах только мешает! Если не таким кардинальным образом, то как в таком случае прикажете решать неразрешимые вопросы?

Гуманизм не одержал верх, но победила осторожность. Буксгевден – это не пустой звук. И если с ним вынужден считаться сам магистр ордена, то Даниилу это положено изначально. Он уже и так наворотил дел, за которые всё одно придётся оправдываться. А это тяжело, особенно тогда, когда тебе не верят. А раз так, значит, нужно всё подать в лучшем свете. Может, тогда и обойдётся. Брат Бертольд Венденский и не такие дела проворачивает, и всё ему с рук сходит. Но Бертольд, в отличие от Даниила, это уже величина, авторитет, его имя легенда при жизни как в самом ордене, так и по всей Прибалтике.

– Король Кукейноса, я, рыцарь Даниил из Леневардена, объявляю тебя своим пленником, – громким надменным голосом произнёс он, демонстрируя своё превосходство.

Задобрить же вышестоящее начальство Даниил решил просто. Поделиться добычей.

Всё имущество, добытое в замке, братья-служители снесли в одно место и тщательно охраняли. Потом сложили на телеги, привязали к задку пару коров и несколько овец и только затем бросили сверху на одну из них связанного по рукам и ногам короля Кукейноса, с чем и отправились восвояси. Одним словом, пришли и забрали...

Дружина пребывала в хмурой задумчивости. Против лома нет приёма. Оказавшиеся в кольце копий и обнаженных мечей ратники лишь ворчали, словно побитые собаки, глухим ропотом выражая возмущение, но не смели ринуться на помощь плененному князю. Отчего обливались жарким стыдом и чувствовали себя погано. И даже когда крестоносцы покинули Кукейнос, кмети ещё долго смотрели пустым взглядом вслед укатившей с их князем телеге.

Так закончилась эта операция.

Что мы в итоге имеем? А имеем мы открытое оскорбление чести и достоинства главы соседнего государства. Это был прямой повод к войне с Полоцким княжеством.

В данный момент орден меченосцев ещё не был к ней готов!

Оказавшись в тевтонской темнице, Вячко затосковал. Постель в темнице жёсткая, неудобная, совсем не княжеская. Ни перины, ни подушки нет. Воздух несвежий, затхлый. Мыши бегают. Тут соображение проясняется вмиг. Отличить незабудку от дерьма – никаких проблем. Не он первый, не он последний оказывается в тюрьме в тот самый момент, когда все его грандиозные планы должны были вот-вот осуществиться.

Именно в тюрьме Вячко оценил все прелести как свободы, так и независимости. Такой вот парадокс. И это чёткое, выкристаллизированное соображение подсказало ему, что княжество своё он, кажется, профукал. Именно сейчас в этом затхлом тёмном подвале, с цепями на руках он осознал, как глупо и несообразно он пытался решить возникшие вопросы. Зачем-то попёрся в Ригу. Пытаясь лично решить проблему. Возомнил себя наравне с большими князьями. Не по Сеньке шапка. Рюрикович! И чего добился? Вот и сиди теперь за решёткой в темнице сырой. Впору было удавиться от стыда и горя. И винить некого, сам, один во всём виноват. Не нужно быть таким лопухом.

От расстройства Вячко даже голову руками обхватил. Цепи печально загремели в такт движению.

Пока Вячко изнывал от тоски и ел себя поедом в темнице, события продолжали развиваться своим чередом. Вести на границе расходятся быстро. Шила в мешке не утаишь, как и князя в темнице. Сгноить дальнего потомка Рюрика в подземелье самостоятельно он не решился. И пришло время Даниилу из Леневардена предстать перед епископом Буксгевденом и объяснить свои действия.

Епископ Альберт никогда не был идеалистом, смотрящим на мир сквозь розовые очки. Пообщавшись накоротке с рыцарем Даниилом на предмет случившегося, епископ быстро убедился в том, что тот врёт как сивый мерин. Собственную версию Даниил изложил настолько сбивчиво и путано, что епископ при всём своём желании во всём разобраться так ничего из неё и не понял. Следующая попытка вникнуть в суть тоже не дала результата. Стоило копнуть чуть глубже, начать задавать наводящие вопросы, вникать в детали, как Даниил тут же начинал путаться в показаниях и сбиваться, наводя тень на плетень. Это уже переходило все границы допустимого.

– Рыцарь Даниил, ты хуже язычника, – сказал епископ. – Ты нарушил клятву, данную на святом кресте. Я отберу твой лен, который вручил тебе от лица рижской церкви.

Альберт выходил из себя крайне редко, потому как характер имел от рождения спокойный, почти нордический, как и подобает высокому церковному сану. Сейчас был один из таких редких случаев, когда сдержаться он уже не мог. Он был по-настоящему зол. У него под носом происходит «происшествие», а он ни сном ни духом. Брови епископа всё больше хмурились, что не предвещало ничего хорошего собеседнику.

Амбиции рыцаря были совершенно неуместны. Этакой вот дуболом отколет номер, а ему разгребать последствия. Самолюбивый наглец. Болван. Идиот. Кретин – подвёл он жирную черту под своими размышлениями.

– Эта затея тебе дорого обойдётся! Очень дорого! – продолжая, пригрозил Буксгевден Даниилу, демонстрируя начальственный гнев и уже не сдерживая себя. – Есть у тебя гордость за орден, которому ты служишь?

Как вообще тебе в голову пришла такая мысль? – Епископ даже всплеснул для наглядности руками. – Ведь не мальчишка уже! Пора, пора быть примером в братстве. Блюсти чистоту и честь ордена, в который вступил ты по доброй воле...

Очисти свой ум от лукавства! Кто давал клятву жить в строгих понятиях, в законе Христовом, не красоваться в роскоши?! – продолжил греметь епископ на зарвавшегося рыцаря, застывшего перед ним истуканом.

Только в умной и искренней молитве очистишь ты скверны души своей! – напирал священник.

Стыдно должно быть тебе?! – переводя дыхание после активной проповеди, устроенной сбившемуся с дороги грешнику, спросил вдруг епископ Альберт, сам сознавая всю неуместность первых же пришедших ему на ум трафаретных слов.

Под сверлящим его взглядом епископа огромный рыцарь съёжился и будто бы уменьшился в половину.

– Стыдно, – ответил фон Леневарден, потупя свой взор.

Не выдержав давления, оказанного на него пастырем божьим, Даниил «раскололся».

– Всё произошло совершенно случайно, – начал глухо бубнить рыцарь.

Он рассказал всю правду, своей откровенностью явно собираясь заслужить прощение.

– Это была полнейшая глупость! Безрассудство! Нечистый в бок толкнул!!! Простите меня великодушно, ваше святейшество! Я признаю свою вину и обязуюсь не поступать так впредь! – клялся меченосец. – Умоляю меня простить!

В споре между вышестоящим и нижестоящим итог почти всегда ясен заранее. Убедить начальство в его неправоте удаётся крайне редко, да и то не каждому. Поэтому лучше помолчать. Хотя бы за умного сойдёшь. А ещё лучше – раскаться! Это всегда оправдывало себя.

Жизнь научила уже молодого рыцаря тому, что скорейший путь к достижению цели – это поддакивание начальству, хошь оно военное, хошь религиозное.

То, что раскаяние фон Леневардена было неискренним, Альберт видел. Грешил тот от души, а каяться в грехах своих не умел. Фальшивил. Сразу было видно, что нет в нём христианского смирения, а есть лишь гордыня непомерная, от таких людей одни проблемы. К сожалению, в ордене, созданном им, таких ухарей было большинство. Одержимый гордыней, он не заслуживает ни понимания, ни прощения.

Насладившись унижением рыцаря, епископ сменил свой гнев на милость.

Даниил же был доволен, что епископ перестал метать громы и молнии и просто высказывает недовольство. Епископ строг, но ему и по должности положено быть строгим. Когда первый приступ начальственного гнева прошёл, рыцарь понял, что в этот раз пронесло. Даже когда он получил приказ вернуть свободу русскому князю и привезти его лично в Ригу, к епископу Альберту, Даниил лишь расплылся в улыбке, в которой, как считал Даниил, была выражена вся его преданность и искренняя надежда, что столь нелепый инцидент остался в прошлом. На самом же деле Даниил уже давно возненавидел Вячко, создавшего ему столько проблем, и всей душой жаждал мести. «Попадётся он мне ещё раз в руки, я лично его загрызу, замучаю, замордую», – ярился рыцарь, но про себя. Вслух же он разумно этого не произнёс, а сказал совершенно иное.

– Дать этому проходимцу возможность благополучно вернуться назад – это настоящий христианский поступок. Я просто восхищаюсь вашей добротой, ваше святейшество! – выпалил он.

Но епископ уже думал совершенно о другом, жестом отпуская рыцаря восвояси. Из сложившейся ситуации необходимо было извлечь выгоду для ордена. Однако фраза рыцаря коснулась его уха, оставив там свой след. Какая уж тут доброта, подумал епископ, когда благодаря действиям этого болвана мы приберём к своим рукам хороший кусок Русской земли. Выпускать из своих рук жирного гуся совсем не хотелось, тем более после того, как всё уже случилось. Зачем расставаться с тем, что само приплыло тебе в руки так удачно. Как говорится, что имеем, тому и радуемся.

Унылая внешность Альберта удивительно сочеталась с неиссякаемым оптимизмом.

Дальше всё пошло так, как распорядился епископ Альберт. Недавние тюремщики, сняв с князя оковы, принесли ему свои самые искренние извинения, объясняя, что, мол, погорячились, долго жали руку в знак раскаяния и преданно смотрели в глаза. Только материальный убыток не возместили. Уж не обессудь. После чего отправили на аудиенцию к епископу в Ригу.

В наивности своей Вячко полагал, что теперь недоразумение исчерпано. Но не тут-то было.

В Риге короля Кукейноса встречают епископ Альберт и магистр ордена меченосцев Вольквин и объясняют ему, что теперь князь и его город явно нуждаются в дополнительной защите, и они ему её предоставят, как когда-то их князь и просил.

Людьми и оружием поможем – кратко выразил свою мысль магистр, который вообще любил изъясняться кратко и только по существу. И моральный ущерб компенсируем... частично, – добавил епископ. Как говорится, чем богаты.

И чтобы князь благополучно добрался до дому, они дают ему охрану из немцев, людей деятельных – рыцарей и балистариёв, а также каменщиков, чтобы укрепить замок и защищать его от литовцев. Все их расходы и нужды епископ предусмотрел заранее. В этот почётный эскорт были отобраны лучшие! Мало того, меченосцы взяли с собой даже сами баллисты, видимо необходимые для того, чтобы к королю Кукейноса на дальность полёта стрелы не смог приблизиться ни один враг. Таким образом, Вячко был предусмотрительно избавлен от любых нападений, даже от своих людей. Немцы словно приклеились к нему.

Что будет дальше, князь мог только гадать, но гадание не княжеское дело. Приедем домой, разберемся что к чему. А пока нечего дёргаться. Так думал князь, возвращаясь из плена на родину.

Епископ, довольный тем, как он всё уладил, засобиравшись в Тевтонию для набора следующей партии пилигримов, и только сильный ветер не давал им отплыть. Альберт клял этот ветер на чём свет стоит за вынужденную задержку, не подозревая, что таким образом природа вмешалась и спасла его детище от гибели. Неисповедимы пути Господни.

Вячко же возвратился домой. По словам Генриха Латвийского, *«весёлый по внешности, но с коварным замыслом в душе»*. С коварными замыслами, о которых сообщает немецкий хронист, всё было совсем просто. За время вынужденного своего пребывания в землях ордена Вячко вконец освободился от розовых очков, осознал, что княжество он проегорил, но ещё не потерял надежду его вернуть. Если это не удастся, то пусть будет хотя бы месть. Христианские князья так запросто католикам не сдаются, нужно только ещё немного потерпеть.

Теперь жизнь князя шла как под дамкловым мечом. Только жизнь такую мало кто долго может выдержать. К тому же грызла обида. И грызла нестерпимо. Вячко быстро дошёл до такого состояния, которое можно было назвать взрывоопасным. Достаточно было одной искры, чтобы полыхнуло, и эта искра не заставила себя ждать.

Прибыв на место, крестоносцы сразу взялись за дело. А народ попался всё больше работающий. За работу взялись дружно. Немцы со свойственной им педантичностью и деловитостью курочили камень и восстанавливали замковые укрепления так, как будто они уже были их собственные. Ощущение власти над окружающим миром придавало им собственной значимости. Они обосновались как хозяева, и по подходу было видно, что делают это всё крыжаки исключительно для себя. Кстати, видимо, чтобы не подвергать жизнь короля Кукейноса ни малейшему риску, его людям оружие носить запретили. Сами же служители Девы Марии всегда и везде ходят с оружием. Даже пьют и работают и то с мечами на поясе. Таким образом, во всём Кукейносе вооружёнными были только немцы, что выглядело довольно странно.

При таком раскладе недолго оставаться русскому князю хозяином в своём доме. Как только работы будут закончены, а епископ Альберт вернётся с новыми добровольцами, выгонят его из родного замка прочь. Времени на принятие решения у князя Кукейноса было намного больше, чем на его исполнение. Но для того чтобы построить свои мысли по порядку и рассчитать план дальнейших действий, его много и не требовалось. Тут уж, как говорится, или грудь в крестах, или голова в кустах. Другой бы сидел и не дёргался, а Вячко проявил отменную предприимчивость. Посидеть в карцере, видимо, иногда бывает полезно. Мозги быстро встают на место, если, конечно, есть куда вставать. А Вячко был романтик, а отнюдь не идиот, и мозги имел пусть не гениальные, но весьма неплохие. Особенно в том, что касалось воинского искусства. И вот молодой боец берёт инициативу в свои руки и, улучив момент, когда крестоносцы успокоились, перестали ждать подвоха, наносит показательный нокаутирующий удар. Люди его уже давно наготове и только ждут знака своего повелителя, чтобы разом расчитаться за все нанесённые ему обиды.

«Утро вечера мудренее», гласит русская пословица. Вот утром и посетила Вячко мысль, как всё исправить.

Вячко дождался удобного времени, когда почти все меченосцы отправились на работу: они добывали камень во рву для постройки и укрепления замка. В этот день было очень жарко. А значит, появилась надежда, что немцы могут раздеться и быть без кольчуг и мечей. Это был верный шанс добыть оружие и застать врага врасплох. Как говорится, два в одном.

Князь рассчитал всё верно.

Мечи и кольчуги были свалены на самом краю рва, как и остальное вооружение. Тевтоны вели себя по привычке беспечно, считая, что им ничто не угрожает. И ошиблись.

Настала минута истины. Но лишь одна сторона была готова к ней.

– Никого не выпускайте из этой ямы! Рубите всех подряд! Никого не жалейте! Они нас не пожалеют! – наставлял своих людей князь, прежде чем совершить нападение. Но учёного учить только портить. Его люди и сами жаждали реванша. Слишком свежа ещё была рана, нанесённая им крыжаками.

Дружинники появились неожиданно. По кратчайшему пути устремились они к немцам, подхватив по дороге так неосторожно оставленные без присмотра мечи, и их же оружием всех их и перебили.

Дальше было проще. Беспечные и плохо вооружённые меченосцы, не успевшие облачиться в доспехи, не могли оказать достойного сопротивления закалённым в пограничных стычках людям князя. Гридни Кукейноса видели белые испуганные лица врагов. Но ни мольбы о пощаде, ни страх в глазах не могли остановить их. Мечи добросовестно выполнили свою работу, не считаясь с жизнями бывших хозяев. Они давно желали хотя бы глотка крови. Трупы убитых немцев пустили по течению реки, чтобы они своим ходом добирались до Риги, откуда и пришли.

Когда город был освобождён, пальцы правой руки князя непроизвольно сложились в кукиш – вот им! Пусть выкусят!

Вырваться живыми из лап разъярённого русского князя удалось всего лишь троим. Они, не останавливаясь, бежали до самой Риги, чтобы рассказать, что случилось с их экспедицией.

Решив один вопрос, Вячко возжелал решить и другой. Раз уж так пошло, надо использовать момент на всю катушку. Он был очень воинственно настроен и хотел с помощью своего «сюзерена» распотрошить крестовое гнездо. Тут же в Полоцк полетел гонец, призывающий местного князя выйти в поход на Ригу, которая осталась без защиты, поскольку одни пилигримы уже отплыли домой, а другие еще не прибыли и там нет ни епископа, ни войск. Об этом Вячко раздобыл информацию, будучи в плену. Он призывал родственника не бояться врага, мотивируя его тем, что в Риге народу осталось мало, причём лучшие им уже убиты.

Полоцкий князь Владимир давно ждал подходящего момента, уговаривать его было не нужно. Когда-то он и сам мечтал замахнуться на большее, но жизнь его быстро обломала.

В этот раз, как мы помним, роковую роль сыграла случайность. Сильные ветры задержали отплытие Альберта, и он узнал о случившейся катастрофе раньше, чем сменилась погода.

– Измена! Вероломство! Предательство! – с такими воплями появились перед епископом те, кто избежал смерти в Кукейносе. В этот момент Альберт сразу понял, что зря пенял на ветер и ещё что понять господний промысел, даже ему, особе приближённой, не всегда дано сразу.

Он тут же отложил поездку и, нимало не мешкая, собрал под свою руку значительные силы крестоносцев, ибо знал, с кем ему предстоит иметь дело, и выступил в поход мстить.

Как только епископ собрал всех пилигримов, то сразу же обратился к ним с речью. Со слезами на глазах он поведал им об уроне, понесённом церковью, и призвал их мужественно стать на её защиту, снова приняв на себя крест. Уговаривая их, он подтвердил полное отпущение грехов, обещая за большие труды их вечную жизнь. Торговля вечной жизнью принесла свои плоды. Рига в те дни напоминала растревоженный улей. Все рыцари и их отряды, рассеянные по Ливонии, спешно возвращались в Ригу. Большинство пилигримов, не успевших отплыть в Германию, сразу откликнулись на призыв епископа. А это ни много ни мало, а 300 бойцов. К тому же для такого похода епископ набрав наёмников. Уже на марше к этой великолепной армии присоединились отряды ливов со своими старейшинами. Только тогда епископ Альберт счел, что сил будет вполне достаточно, чтобы проучить всего лишь одного русского князя Вячко, и выступил в поход.

Узнав об этом, полоцкий князь распустил полки по домам, предоставив Вячко самому выпутываться из создавшейся ситуации. Владимир Полоцкий был крайне нерешителен в этих вопросах, поэтому вскоре и проиграл спор за Прибалтику.

Вячко не мог не знать, что так и случится. Поэтому и рассчитывал на отъезд епископа и жёсткий превентивный удар. Не сложилось. Трезво оценив свои силы, Вячко ушёл. Но отдавать свой город, свою крепость врагу он не собирался. Да, сегодня он проиграл! Но борьба на этом ещё не закончена. Он верил, что приведёт Господь вновь перевесть силы с этой немецкой братией, и тогда уже победа непременно останется за ним. Негромким, но твёрдым голосом он приказал своим гридням сжечь Кукейнос. На душе было погано и тягостно от такого распоряжения, но иного выхода не оставалось.

– Жениться хотел! Семью завести! (Почему-то пришло ему на ум.) А теперь... Ни кола ни двора... Изгой... – бурчал он тихо себе под нос, чтобы никто не услышал. Пойти ему теперь было совершенно некуда, и он впервые за всю свою недолгую жизнь ощутил пустоту исчезнувшего дома... Впору было тихо завывать с тоски, как зверю лесному, зарыдать в отчаянии, закрыв руками лицо, но Вячко только зло сплюнул, словно кулачный боец после неудачной драки, показывая победоносно ухмыляющемуся врагу, что это ещё не конец, и, гордо выпрямившись, неотрывно глядел в разгорающийся огонь, пожиравший его дом. Князь, тем более русский князь, не должен распускать нюни.

Пламя, которое взвилось над городом, быстро поглотило его без остатка. На пепелище по приказанию рижского епископа был выстроен замок Кокенгузен.

Таким образом, ненависть Вячко обрела конкретный и обоснованный характер.

Свою отважную дружину, растворяясь в тёмных лесных тущобах, Вячко увёл с собой на Русь. В своё королевство он больше так никогда уже не вернулся. Найти, догнать его, поймать и отомстить меченосцам так и не удалось. Рыцари устроили настоящую облаву, не зная устали, скакали они по полям и лесам, обдираясь в зарослях и по стремена увязая в болоте, сбились с ног, искавши вблизи и вдали, но все их попытки наказать бывшего короля Кукейноса оказались тщетными.

На целых 15 лет Вячко исчезает со страниц как русских летописей, так и европейских хроник.

В 1222 году началась новая война с орденом. Рига за это время окрепла. Пилигримы со всей Европы плыли и плыли в нее. За их спинами вся мощь Рима, а заодно и папа Иннокентий, князья, бюргеры, купцы... Всегда быстрые в пролитии крови, они шли на войну как на праздник, распевая святые псалмы, надев самую дорогую одежду.

Совсем распустились немцы в Прибалтике.

Князь Ярослав Всеволодович Новгородский, собрав войска, бесстрашно пошел в Ливонию на немцев. Города Тарту, он же Юрьев, и Отепя были захвачены русской армией и там были поставлены русские гарнизоны. Эсты в Тарту встречали Ярослава как освободителя, поднесли князю «большие дары» и передали ему в презент пленённых ими рыцарей и захваченное оружие.

Развивая свой успех, Ярослав с войском немедленно собрался выступить на Ригу. Над орденом меченосцев нависла смертельная угроза. Этот поход мог в корне изменить ситуацию в Прибалтике! Понимая всю серьёзность положения, магистру срочно нужно было придумать что-то такое, что могло отвести угрозу от его столицы. И он придумал.

Пока русские войска переводили дух, готовясь нанести свой следующий удар, пала небольшая крепость Вильянди, в которой стоял русский гарнизон. Меченосцы смогли овладеть ею только благодаря предательству местных жителей, после чего, как говорят дошедшие до нас летописные свитки, *«бесчеловечно умертвили бывших там новгородских воинов»*. Их повесили. Такая казнь считалась позорной для воина. Крестоносцы это прекрасно знали. Тем более что так они поступили только в отношении русских участников обороны. Казнили только их! Это была провокация, рассчитанная на вспыльчивый характер Ярослава Всеволодовича. И она удалась.

Новгородский князь был в гневе! Он клялся самым жестоким образом отомстить за такое злодейство. И в устах Ярослава Всеволодовича такие обещания никогда не звучали пустой угрозой. Тем, на кого выльется его ярость, можно было только посочувствовать.

Выбор дальнейших действий отпал сам собой. Найти и наказать! Новгородский князь повернул полки на север и прошёлся по землям предателей огнём и мечом. Рыцарей он там застать не успел. Сделав своё дело, они своевременно исчезли, не дожидаясь прихода мстителей. Так что вся злость русского войска пришлась на местных жителей, которые ничего от своего предательства не выиграли, попав из огня да в полымя.

Последним объектом агрессии стал оплот датчан Ревель, который Ярославу взять не посчастливилось. Правда, пока русские войска стояли под городом, их мобильные отряды совершали свои карающие рейды, по всей Эстонии собирая добычу и уничтожая не успевших укрыться крестоносцев. Тех, кого не убивали, захватывали в плен, а с пленными «братьями» русские дурно обращались.

Разорив страну, Ярослав, отягощённый большой добычей, в числе которой было *«множество золота, серебра и иных товаров»*, ушел в Новгород праздновать победу.

Казалось бы, к чему здесь описание похода и подвигов новгородского витязя? Как оно связано с нашим повествованием? А только связано оно с ним, с этим повествованием, напрямую! Успех этого похода исчисляется не только добытыми материальными ценностями. Покорённые Ярославом Всеволодовичем в Эстонии земли приобрели новый статус, они определялись в качестве отдельного держания удельному князю, становившемуся вассалом князя Новгородского. То есть непосредственно Ярослава. Юрьев, вырванный из рук врага, становился столицей вновь создаваемого княжества. А бывший князь Кукейноса Вячко, он же Вячеслав Борисович, официально был назначен верховным правителем Новгородских владений в Эстонии. Подати, собранные им, шли в личное распоряжение князя Ярослава. А князь Ярослав явно покровительствовал Вячко. К тому же бывший князь Кукейноса хорошо ориентировался в местной обстановке и ненавидел немцев. Личная дружина князя Вячко насчитывала около двухсот суровых мужчин, каждый из которых был отборным воином. Для выполнения поставленных задач её вполне хватало.

Пробил час, когда тренированный войной герой явился туда, где война шла бесконечно. Это был сюрприз. Крестоносцы про него уже и думать забыли. Врага опаснее немцам можно было не желать.

Здесь, практически в тылу врага, где не каждый сдюжит, Вячко обрёл не только дом, а ещё и возможность драться за право иметь свой дом на земле!

Он долго искал мести и теперь готов был приступить к её осуществлению.

Научиться мести невозможно, потому что объяснить это чувство нельзя. Оно или есть, или его нет, иного не дано. Но если оно поселяется в сердце, то заполняет его собой полностью, как любовь, вытесняя и выжигая всё без остатка, берёт его в плен. Целиком. И время над ним невластно. Чем дальше, тем глубже разъедала месть сердце князя, питаясь его обидой.

До этого русские в Прибалтике лишь отбивались, пытаясь сохранить контроль над территориями своего влияния, теперь они перешли в атаку. Князь, правивший в Юрьеве, смотрел на окружавший его мир, как и в молодости, оптимистично и победоносно. Характер у него был волевой, вот он и навязывал свою волю соседям. Обладая самым неприступным замком во всей Эстонии и оттуда совершая набеги на новых христианских соседей, он был немцам как кость в горле!

Получив назначение, Вячко сразу взялся за дело, проявляя при этом незаурядные способности. А дел было невпроворот. Только успевай да поворачивайся. И он успевал! Он опустошал все непокорённые ему волости, пытаясь всё дальше распространить свою власть и расширить границы своих владений. Здесь нужно было хорошо разбираться в обстановке и быстро соображать, чтобы принимать правильные решения. Он налаживал контакт с местным насе-

лением, освобождал территории от крестоносцев, укреплял город на случай осады. Он был отважен, предприимчив и к тому же везуч. Понятие «идти на уступки» ему было неведомо. Ничего невозможного для него не существовало. Вячко был и впрямь опасным человеком. У него везде были свои агенты, сообщавшие о передвижении немцев. Теперь Вячко создавал крестоносцам нешуточную конкуренцию в присоединении земель. Приняв вызов на территории противника, он и начал там его громить.

Эсты встречали Вячко, как храброго борца за их права. Слава, она, как и всякая дева, прилипчива, и уж если привяжется к кому, так быстро не отпустит. Крестоносцы быстро убедились в этом на собственном опыте. Разумеется, на горьком. Князь Вячко не привык сидеть без дела. Есть много способов играть на нервах врага. Главное же, это решительность и беспощадное подавление любого сопротивления. Поэтому его бойцы скачут по всей Прибалтике, сметая крестоносцев. Не дают им ни спать, ни пить.

«Брал он дань со всех окружающих стран, – уныло отмечает в своём свитке орденский хронист, – а на тех, которые не давали дани, насылал войско и опустошал, причиняя немцам всякое зло, какое только было в его власти».

Юрьев стал кошмарным сном любого меченосца. Церковь несла убытки. План по крещению язычников не выполнялся. Добыча поступала в казну всё реже, да и число пожертвований резко сократилось. Дело божьих дворян рушилось под неутомимыми усилиями одного деятельного русского князя. Он брал реванш за все свои прежние страдания, заставляя страдать обидчиков. Ох, и припомнились кошке мышкены слёзки.

Начал Вячко методично и крайне осмотрительно, избегая больших городов и крепостей, уходя от прямого столкновения с большими силами крестоносцев, тщательным образом выстраивая каждую свою операцию. Заранее прощупывал почву, местность, отрабатывал пути подхода и отхода. В своих мыслях и планах он шёл дальше тех и ориентировался быстрее тех, кто был вокруг него, и тех, кто обосновался здесь до него, считая себя хозяевами. Он появлялся со своими людьми там, где слабых не мог защитить ни договор, ни закон, ни меч, и наводил порядок и восстанавливал справедливость так, как он это видел сам. А местный народ, понимая, что если справедливость не может торжествовать вообще, то с большой признательностью встречал её любые частные проявления.

Истошным криком зашлись тут пилигримы. Ведь никогда раньше с ними такой беды не случалось. Совсем уж они ослабели, не зная, как спастись от этой напасти. За любое проявление беспечности он карает. За любую неосторожность часто приходится расплачиваться жизнью. Беспощадный профессионал-боец. Волкодав!

Стали меченосцы совещаться, что им теперь делать. Стали на князя всякие приманки да ловушки ставить, западни на него хитрые расставлять, чтобы обманом его извести, пробуют и так, и этак. А результата нет. Вячко всегда держал ушки на макушке и в капканы, расставленные на него, не попадался.

Страх поселился в сердцах крестоносцев. Порой пилигримы не решались выйти из своих укрытий, боясь засад, расставленных князем, в окружавших их города и замки лесах.

Как-то раз пилигримы из замка Икесколы вышли для сбора созревшего хлеба. Страхуясь от неприятных сюрпризов, они захватили оружие с собой. Выставили охрану. Жали, кто серпом, а кто и мечом, опасаясь нападения русских дружинников. И всё же семнадцать человек из них было перебито засевающими в лесу людьми юрьевского дьявола.

«На то и шука в море, чтобы карась не дремал», – гласит наша народная мудрость.

В другой раз все началось с похода довольно большого отряда крестоносцев на эстов. Поход был удачный. Меченосцы, разграбив всю окрестную область, собрав большую добычу, подожгли все окрестные селения – «осеки», как называют их сами эсты. Довольные результатом, они согнали в одно огромное стадо пленных и скот и двинулись с богатой добычей в столицу. Основную массу среди пленников составляли женщины, малые дети. Этот живой товар

защитники церкви вели в Ригу. Пленных там обычно продавали за хорошие деньги. Как говорится, «чем больше радость у христиан, тем сильнее печаль и смущение в массе язычников».

Эсты, сами не рискуя напасть на немцев и отбить несчастных, угоняемых в неволю, тут же отправили в русскую крепость гонцов с призывом о помощи, а заодно и маршрутом, по которому должен был двигаться отряд обидевших их меченосцев. Услыхав об этом, князь Вячко решил освободить пленных и выступил с дружиной вслед за врагами. Наведение справедливости начинается с любой малости.

Комтур Теодорих, что вёл отряд, приказал наконец устроить привал. Сделал он это не ради рыцарей, которые ехали на конях, а ради пленённых женщин с детьми, идущих пешком, некоторые из которых уже просто падали от нечеловеческой усталости. Если вам кажется, что комтур проявил к ним жалость, то не обманывайте себя, брат-рыцарь, служащий неустанно интересам Девы Марии, жалел не их, он жалел товар, которым они были, и деньги, которые он мог потерять.

Комтур Теодорих был одет в кольчугу с длинными рукавами и капюшоном, прикрывающим голову, которую венчал стальной шлем с отверстиями для глаз и с дырочками для дыхания, больше похожий на ведро, чем на головной убор. И вот это самое «ведро» комтур уже давно мечтал снять, только ждал подходящее для этого случая место и время.

Наконец попалось удобное место для лагеря. Небольшой лесок расходился широким зеленым лугом, через который протекал чистый звонкий ручей. Можно было и воды набрать, и заготовить дрова для костров.

В этот час самый час, когда меченосцы располагались на ночлег, моля Деву Марию о том, чтобы без приключений добраться до дому, в Юрьеве князь Вячко садился на своего боевого чёрного как смоль коня. Дело предстояло нелёгкое, и князь был облачён подобающим случаю образом. В левой руке он держал ярко-красный миндалевидный, со срезанным верхом щит, на котором был изображен святой Георгий. В правой руке сжимал копьё.

Вячко повел своих воев с большой осторожностью и аккуратностью. Шли они скоро, одними лишь им ведомыми тропами, что буквально продирались то сквозь еловую, то осиновую чащобу. Догнали быстро.

Ничего не подозревающий пилигрим сидел у затухающего под утро костра, как вдруг просвистела стрела и острым жалом впилась ему в грудь. Он закачался и упал лицом в траву.

– Засада! – успел крикнуть его напарник и схватился за меч, но достать его из ножен не успел. Вторая стрела вонзилась ему между лопаток.

Когда «Братья Христова воинства» увидели, что их настигли и атакуют, а главное кто, они в ужасе закричали, но деваться уже было некуда, и католики все вместе ринулись навстречу христианам, надеясь на своё численное превосходство. Но только вот ни криком, ни числом им было Вячко не напугать. В рукопашной схватке тренированные гридни Вячко спокойно взяли бы верх над любым, даже численно превосходящим противником.

Подняв княжеское знамя, гридни из Юрьева ударили по врагу, убивая с быстротой и жестокостью направо и налево. Вячко был, как всегда, впереди, на лихом коне, показывая своим воям пример. Первого меченосца он попросту снёс ударом копья, повалив его на землю вместе с лошадью. Рыцарь уже больше не поднялся, но и копьё не выдержало. Отбросив в сторону не нужные больше обломки и продолжая двигаться дальше, Вячко потянул из ножен меч. Он ловко уклонился от удара наскочившего на него с боку тевтона, чей меч глухо просвистел в трёх пальцах от головы, и ударил в ответ. Лезвие столкнулось с лезвием, искры посыпались дождем. «Вот те раз», – промелькнуло в голове. Однако второй удар не встретил сопротивления и рассёк зазевавшегося тевтону ключицу. «Вот тебе и два», – закончил свой счёт князь, видя, как немец валится кулём со своего коня.

– Хороший крыжак – мёртвый крыжак, – подвёл он окончательную черту, оглядывая, что происходит вокруг.

Меченосцы сражались недолго и в конце концов повернули тыл и оказались столь же быстры в бегстве, что и местные зайцы. Одни бежали в лес, другие понесли сломя голову по дороге, бросив пленников и забыв про добычу. Вячко со своими людьми преследовали их ещё долго и многих перебили, правда, не всех, нескольким счастливым удалось спастись бегством и по возвращении в Ригу сообщить, что произошло. Русские же воины, насытившись погоней, вернулись к месту боя и освободили от пут женщин и малых детей, вернув всем пленным свободу.

Сейчас можно было расслабиться. Вячко снял с головы шлем и бросил его на землю, встряхнул слипшимися волосами, затем сорвал пучок травы, тщательно вытер ею меч и одним движением загнал оружие в ножны. Смоляно-черный, как и положено коню дьявола, жеребец стоял рядом и сердито грыз удила, нервно перебирал ногами. Вячко погладил его, успокаивая, по длинной черной гриве.

– Будут знать псоголовые, как ходить за чужим медом, – смеясь, сказал князь.

Теперь можно и домой! С чувством выполненного долга!

И снова звенело стремя, скрипело седло, мягко билась о колено седельная сума, и ветер охлаждал былую рану. Герои возвращались домой. Под алыми плащами у воинов поблескивали кольчуги. На красных щитах, на железных нагрудниках, наручах, мечах и боевых секирах горело солнце.

Дерзость русского князя не знала пределов. Видимо, ощущение своей силы и безнаказанности в поступках за последние несколько месяцев раздвинуло для него границы нормы и реальности. Дошло до того, что Вячко оказался со своим отрядом под стенами самой Риги и захватил скот, пасущийся на городских пастбищах. Народу в тот момент в городе оказалось немного, и они страшились выйти из города, боясь нарваться на засаду, расставленную русским князем в окружавших город лесах. Однако человек пятьдесят достойных горожан, объединившись с рыцарями, ещё совсем недавно прибывшими нести свет веры и нетленный крест господний, а потому ещё не ведавшими страха, решили рискнуть и отбить скот. Они догнали уходящий отряд и напали на него с криком:

– С нами Бог и святая Дева Мария!

Завязалась схватка, в которой крестоносцам не удалось ни победить, ни вернуть скот домой. Униженные и израненные, недосчитавшись многих из тех, кто вышел из города, почти без сил, они вернулись в Ригу. Для Вячко и его людей всё оказалось ещё удачнее, чем было задумано. Теперь кроме скота к добыче добавились кони и оружие.

Oderint dum metuant. Пусть ненавидят, лишь бы боялись. Любимое изречение одиозного римского императора Калигулы тут бы пришлось весьма кстати.

Такое простить было нельзя, и крестоносцы попробовали сами напугать князя, перейдя в атаку довольно большими силами. Но и это не помогло.

Несколько раз крестоносцы осаждали Юрьев, но безуспешно.

Этот замок, который немцы на свой манер называли Дерпт, а русские звали – Юрьев, находился почти посередине между двух великих пресноводных озёр, Чудского и Выртсъярви, в том самом месте, где некогда было языческое городище эстов. Он живописно торчал над обрывистым склоном холма, упираясь своей вершиной прямо в небо. Весь каменный, замкнутый, потемневший от столетних дождей, холодный и вызывающий... Он был крепче всех, вместе взятых, замков Эстонии и прекрасно укреплен, чтобы пытаться взять его простым штурмом в лоб. Высокие стены выглядели весьма негостеприимно, но люди, которые там живут, были стократ негостеприимнее и опаснее.

– Грязная свинья! Проклятый язычник! Русский дьявол! Пёс приبلудный! – в припадке бешеной ярости ругали крестоносцы Вячеслава Борисовича. Они даже прозвали между собой Вячко бешеным королем, но это было пока единственное, на что они были способны. Братья-священники в едином порыве с братьями Христова воинства обещали обрушить на голову

русского князя такие кары, что даже не изобретённая ещё к этому времени гильотина была бы просто актом милосердия.

Одними ругательствами дело, конечно, не обходилось. Проклятие – оружие сильное, особенно когда к нему прибегают слуги церкви, но не всегда действенное. Поэтому тевтоны старались подстеречь его где-нибудь в укромном месте и даже несколько раз подсылали убийц. Но обошлось. Тогда за его голову была обещана хорошая награда. Но желающих получить её среди местных не нашлось. Мало того, вместо желаемого эффекта результат был достигнут крайне противоположный. Оценка его головы в денежном эквиваленте привела князя в бешенство, и он начал действовать с удвоенной энергией.

Быстро осознав, что даже награда не дала результат, крестоносцы в очередной раз задумались над тем, что предпринять дальше.

Дело шло к большой войне. И тут меченосцам вновь приходит на помощь случай.

В 1223 году князь Ярослав Всеволодович покидает Новгород, возвращаясь в Переяславль. Как новгородцы ни уговаривали его остаться, но Ярослав был непреклонен, и тому была причина.

Если кто не помнит, то 1223 год – это год траура. Год битвы на реке Калке. После полного разгрома русского войска монгольскими туменами и гибели множества князей на Руси начинается передел земель. Старшему брату Ярослава, владимирскому князю Юрию Всеволодовичу, нужен под рукой один из самых умелых ратоборцев, оставшихся в живых на Руси. Чтобы и своего не лишиться, и кое-что плохо лежащее под себя подтянуть. Он срочно призывает брата к себе.

Место Ярослава в Новгороде занял Михаил Черниговский. Он не любил войны. Михаил старался поддерживать плотные контакты с Западной Европой в отличие от прежнего князя, который чаще всего вступал с европейцами в конфликт. Он осознавал свою временность и старался сделать как можно более комфортным всё своё недолгое пребывание в Торговом городе. С того самого момента как в Новгороде сел Михаил Черниговский, Вячко остался с тевтонами один на один, без надежды на помощь и в явном численном меньшинстве. Теперь этот воин мог рассчитывать только на себя и своих людей. Новгородцы с Михаилом громко клялись помочь в любой беде, но верилось в это с трудом.

Тевтоны быстро оценили обстановку. Пока Ярослав присоединял новые области к княжеству Владимирскому, меченосцы усилили своё военное давление по всей Прибалтике. К 1224 году Юрьев оставался последним центром сопротивления крестоносцам между Чудским озером и морем.

На Пасху 1224 года крестоносцы осадили Юрьев, но после пяти дней боёв были вынуждены отойти. Первый блин вышел комом. Однако судьба Вячко была уже решена на самом высоком уровне. Его необходимо было уничтожить именно сейчас, пока ситуация не изменилась вновь и в Новгороде не вокняжился кто-то из клана владимирских князей. Тогда всё пропало, и битву за Прибалтику можно смело считать проигранной.

А лучшая защита – это нападение! Так было испокон веков.

Трудно описать подъём энтузиазма, с которым меченосцы встретили решение о новом походе на Юрьев, оставшийся без поддержки. Чтобы не обломаться в очередной раз, привлекли даже вооружившихся до зубов горожан и купцов. Великие задачи объединяют людей. Спаянные общим замыслом, они вышли на врага.

Хронист ордена братьев меча, конечно же, не мог остаться в стороне от общего дела. Поход на Юрьев породил в мозгах Генриха небывало большой урожай мыслей, будто свыше осенило, поэтому он немедленно уединился с заветными листами и стал строчить, да так быстро, что буквы буквально жались одна к другой, как будто им на листе было холодно или тесно. А мысли его были таковы.

«Каждый знает, где находится причина всех бед нашего многострадального ордена! Ненавидный притон, где собраны все злодеи, изменники и убийцы, все враги церкви ливонской, под начальством того князя, который исстари был корнем всех зол для Ливонии, должен был быть уничтожен в кратчайшие сроки. Трепещи, Вячко! Мы раздавим этот проклятый город, как куриное яйцо. Мы уничтожим князя и всех его людей до единого. Птицы болотные и гады ползучие совыют гнёзда в их черепах! Нас нельзя остановить! Идёт твоя смерть, Вячко!»

Одним словом, Карфаген должен быть разрушен!

В середине августа, а если быть точным, то 15 августа 1224 года, в день Успения Пресвятой Богородицы, когда травы уже постепенно превращались в сено, войско крестоносцев, усиленное большим количеством обращённых в христианство ливов и леттов, вновь вернулось в окрестности Юрьева. Вёл его герцог Альбрехт Саксонский, бывший тогда начальником пилигримов и немецких рыцарей.

Поле вокруг города покрылось множеством просторных шатров, запестрело флажками, забряцало оружием, ветер донёс до стен резкие звуки боевых труб, и началась осада замка. Вячко понимал, что, судя по настрою и количеству, так просто не уйдут.

В этот раз всё началось немного необычно. Никто не ринулся с перекошенным от ярости лицом и, грохоча железом, штурмовать стены.

Вместо этого буйства к воротам на белом коне аккуратно приблизился герольд-меченосец и, остановившись на таком расстоянии от крепостных стен, где, утомившись от своего полета, падает даже самая резвая стрела, протрубил в рог.

– Откройте ворота, впустите нас в город! – крикнул меченосец.

– Что надо вам, люди из Риги?! – прозвучало с надворотной башни в ответ.

– Мы хотим говорить! Пусть князь примет наших послов!

– Пусть приходят! Князь выслушает!

Поговорить – это ново! Впервые за долгое время ворота Юрьева добровольно открылись для немцев, позволяя им проникнуть в самое логово бешеного короля, пусть это были всего лишь переговоры.

Послы прибыли незамедлительно, словно только ждали сигнала. Строгие взгляды, уверенная твёрдая поступь. На лицах застыла печать собственной значимости. Напыщенность и самодовольство делегатов, выбранных для этой миссии, било через край. Гуси, одним словом, настоящие гуси, и белые плащи только добавляли сходства.

Даже недолгое общение с братьями-рыцарями позволяло понять, почему многочисленные племена, населяющие Прибалтику, мечтают лишь о том, чтобы перерезать им глотки.

Вячко давно удивляло: неужели они всерьёз думают, что такое чванство может внушить их собеседнику уважение или почтение?

«Ну, погодите, крестовые, дайте только момент, я из вас сейчас всю это спесь повыбью», – думал князь, ухмыляясь про себя. Вслух же спросил:

– С чем пожаловали?

Для начала крестоносцы со свойственной им прямоотой предложили русскому князю добровольно удалиться со своими приближёнными и дружиной обратно на Русь во избежание печальных для князя последствий.

Это был ультиматум, прикрытый для видимости и немного подслащённый, где что ни слово, то угроза. В ответ на такое смелое предложение последовал категоричный отказ, после чего огромное немецкое войско вплотную подступило к стенам Юрьева. Князь неизменно приводил немцев в бешенство своей тупой несговорчивостью. И ещё раздражало то, что он не боялся. Совсем.

К этому моменту Вячко всё ещё надеялся на помощь Новгорода, хотя и были у него сомнения по поводу Торгового города, но он упрямо старался загнать их в угол. Свои же. Не бросят.

С высокой стены князь смотрел на раскинувшийся вокруг городских стен лагерь немцев. Такого ему ещё видеть под стенами города не доводилось. На Вячко была надета новая кольчуга, сплетенная из толстых кованых колец, которую не под силу было пробить ни одной стреле. На голове сверкал высокий железный шлем с наносником. Кольчужная сетка-бармица защищала шею и плечи. Ноги были обуты в остроносые сапоги из твердой турьей кожи. Длинный прямой меч в инкрустированных желтым металлом ножнах, висевший на поясе у князя, довершал облик героя. Он ждал атаки.

Однако переночевали спокойно, а уж на рассвете зашумело. Запел, вскрикнул рог.

Дружинники изготовились к бою. Ждут, когда полезут. И видно со стен, что их до пса. А задача одна, и ясна она как божий день. Держаться и не пускать. Рассредоточились по стене. Достали луки. Нагрели смолу. Камни подобрали побольше да потяжелее. Их тут горы лежали вдоль заборов. Прикинули, где тут у них место главного удара. Выделили резерв. И дождались.

Под гремящий барабанный бой и нервный стон рожков тевтоны с расправленными, как на параде, и теперь струящимися по ветру знамёнами бодро пошли на приступ. То ли численностью хотели напугать, то ли нахрапом взять. Но с ходу не вышло. Терпения выждать у русских гридней хватило. Подпустили. Врезали. А каждый второй на стене снайпер. Он из лука белку в глаз бьет, чтобы шкуру не попортить. А немец не белка, он покрупнее любой белки будет, и шкуру его беречь не надо, всё одно не продашь. Стрелы полетели, словно стремительные злобные птицы, защищающие своё гнездо. Первые, самые азартные, самоуверенные и беспечные полегли, остальные, дорожа жизнью, попятились. На чём атака и прекратилась. Немцы берегли свою живую силу. А без жертв Юрьев им было не взять.

Первый бой был выигран. Вчистую.

– Вот врезали мы им! – гудели одобрительно ратники на стене.

– Пускай знают, как соваться!

Вторая попытка завершилась так же, как и первая, то есть ничего не дала.

Ситуация стала складываться патовая. То есть такая, когда одни не могут, а другим ничего не остаётся. Крестоносцы скрипели зубами в бессильной злобе, и этот злобный скрип был слышен даже на высоких стенах крепости.

Собрали совет из наиболее опытных и именитых. Придирчивая комиссия, всё внимательно осмотрев, новых слабых мест у Юрьева не обнаружила. Вряд ли в данном случае полученные знания можно было назвать силой. Поняв, что на стену с наскока не взойти, решили напугать защитников крепости оружием метательным. Пустили в ход собранные прямо под стенами катапульты. Осадных машин крестоносцы построили множество, трудились не покладая рук.

Пока тевтоны из своих катапульт постреливали, не причиняя при этом, однако, защитникам особого вреда, русские ночью, под покровом тьмы, отворили тесовые ворота и выпустили из города две группы ратников, которые все эти боевые машины сожгли. Включая бревенчатую осадную башню, выстроенную из огромных деревьев, которую меченосцы постепенно двигали к крепости.

Не из боязни, а для порядку. Вячко сразу дал понять крыжакам, что, даже, несмотря на то что их мало, за ним стоит сила, которая может наказать в любой момент. Только зазевайся.

– Пош-щупали! – радостно потирая руки, говорили между собою гридни Юрьева.

Тогда немцы сами попробовали напасть ночью, но снова вышла неудача. Попробовали даже вырыть подкоп, над которым день и ночь трудилась половина войска, одни копали, другие относили землю. Они рыли так активно, что любая землеройка позавидовала бы их упорству, но и этот титанический труд не дал ничего.

Нашла коса на камень. Теперь столкновения не утихали ни днем, ни ночью. Днём немцы забрасывали в город горшки с горящей смолой, а по ночам в ход шло психологическое давление – тевтоны били в литавры, играли на дудках и других музыкальных инструментах, поднимая

невозможный шум, ливы и лэтты кричали, ударяя мечами о щиты, не давали отдыхать Юрьевскому гарнизону, создавая ему невыносимые жизненные условия. В ответ русские играли на своих инструментах и кричали непотребства. Потянулись бесконечной чередой дни и ночи, когда ратникам удавалось вздремнуть лишь урывками и нельзя было даже снять доспехи... А больше немцам ничего не оставалось. Оставалось перестреливаться потихоньку, в надежде на счастливый случай или непредвиденные обстоятельства, что иногда одно и то же. Ничего другого ни одна из противоборствующих сторон не могла предложить.

Начало было нехорошее, и в головы пилигримов стали всё чаще приходиться мысли о том, как бы не закончилось ещё хуже.

Система дала сбой. Оказалось, что и один в поле воин, если он такой, как Вячко. Немцам было не понять причин его упрямства, только затылки скребли. И какой в этом героизме смысл? Выпускаем, так выходи, и жизнь и честь сохранишь... Если получится. Но упрямый русский стоял на своём, видимо всё ещё надеясь на помощь со стороны новгородцев.

Так прошло две недели. Результат по-прежнему был нулевым. Единственное, чего магистру удалось добиться, так это того, что осаждавшие утомились не меньше осаждённых. А подводя баланс, это сложно засчитать себе за плюс.

В лагере меченосцев зрели проблемы. Две недели ещё ладно, ещё куда ни шло. На многие крепости и поселения уходило столько времени, укладываясь в режим. Но больше. Горожане и купцы, уже забыв о том, что Вячко их наипервейший враг, мечтали отправиться домой. Дома копились дела, которые кроме них никто делать не будет, и убытки, в случае чего, никто не покроет. Тут уже своё, близкое к телу начинает вступать в противоречие с общественным, призывая искать изъязны в действиях руководства и неприкрыто роптать и сетовать. Ливы и лэтты тоже надеялись быстрее покинуть лагерь. Надо было собирать урожай, а большинство крепких и боеспособных мужчин долбило мечами по щитам под Юрьевом. А если, пользуясь их долгим отсутствием, кто-то из недружелюбных соседей заглянет на огонёк? Даже пилигримы впали в уныние. Унылое завывание ветра и нарастающий шум осенних дождей всё чаще напоминали им, что ничего хорошего может уже и не случиться. Ещё немного и погода разгуляется так, что придётся сворачивать поход. И подвиг свой им здесь уже не совершить.

Только «Братья Христова воинства» не теряли надежды, их пока удерживала привычная орденская дисциплина.

Немцам совсем не хотелось затягивать осаду, они опасались не только ухудшения погоды, но и новгородских полков, которые были для них куда опаснее любой погоды. А если задержаться под стенами негостеприимного Юрьева надолго, то они рано или поздно придут, положив конец их стараниям и прокладывая путь их унижению. Перспектива не из весёлых.

Страх перед этими полками был настолько велик, что при первом же известии о приближении русского войска крестоносцы заматались по лагерю, дыша учащённо и шумно. Ливы и лэтты возбуждённо галдели, хватались за оружие, орали друг на друга и были совершенно чужды всякой дисциплине, пыхтя и отдуваясь, они густой толпой валили в строй. Магистр трясся на грани удара. Собравшись воедино, войска тут же отошли от замка и, в ожидании врага, выстроились в боевой порядок под проливным дождём на раскисшем от стоячей воды соседнем поле. А с неба, будто бы нарочно, холодная вода льёт как из ведра, стараясь смыть с белых плащей красные кресты, и укрыться от неё негде. Погодка выдалась как специально чёрт послал. А они стояли, терпели и ждали. Так простояли они почти сутки, до тех самых пор, пока не осознали, что слух оказался ложным. Сырые, голодные, злые и раздражённые, одним словом, обманутые они вернулись в свой лагерь.

Кстати, а что же в это время делали новгородцы, которых ждали под стенами Юрьева? Вместо того чтобы собрать войска и спешить на помощь осаждённому Юрьеву, новгородцы занимались любимым делом, предавались прениям. Вот как это описано в труде В.Н. Тати-

щева: *«Но поскольку у новгородцев с князем было несогласие и между собою распри великие, не могли о помощи Юрьеву согласиться и оказать, как того требовалось»*. Вот и весь сказ.

Но вернёмся к Юрьеву. Через месяц мучений меченосцы вынуждены были признать, что они в своей осаде не продвинулись ни на грамм. Успех по-прежнему далёк, как и в самом начале.

Когда сделать ничего нельзя и все приложенные усилия напрасны, нужно договариваться, хоть это и унизительно. Вновь отправили парламентёров.

Из лагеря меченосцев вышла небольшая группа безоружных людей в белых плащах. Приближаясь к воротам замка, они начали размахивать белой тряпкой и орать, привлекая к себе внимание:

– Русские, не стреляйте, мы парламентёры с предложением. Гарантируем свободу и возвращение домой.

Из-за стен хохочут в ответ и кричат, что нефиг им здесь ловить. Голос не надрывайте, только ангину схватите, и разбавляют все эти советы ругательствами, из которых некоторые за время своего нахождения в Прибалтике они уже научились понимать.

Но переговорщики проявили настойчивость.

Послать послов дело нехитрое, но раз так упрямо хотят поговорить, то отчего же и нет. Выслушать, даже врага, завсегда можно.

В этот раз пришли немцы немолодые, с сединой в редких волосах, через которую просвечивала розовая кожа черепов, больше похожие на монахов, чем на воинов. Проявляя угодливую любезность, они долго, нудно и утомительно рассуждали об обоюдной пользе заключения мира. Изъяснялись послы витиевато, то и дело теряя основную нить своего повествования, больше нажимая на библейские истины и то, что лучшего исхода для русского князя они даже представить себе не могут.

– Мы призываем вас подумать, – униженно потея, бубнили они. – Это вас нечистая сила вводит в искушение!

В который раз слушая все эти бредни, князь сердито нахмурился, сверкнул в сторону крестоносцев голубыми глазами из-под лохматых бровей. Он всегда хмурил брови, если был недоволен.

К продолжению беседы он уже утратил всякий интерес, Вячко приходилось сдерживаться, чтобы не рассмеяться им в лицо в ответ на все их предложения. А предложения, которые немцы сделали Вячко, были таковы: они открывают проход, а князь со своими людьми, сложив перед этим оружие, беспрепятственно покидает город.

– Мы гарантируем, – заверили они, – честное благородное слово.

Насчёт честного слова можно было и задуматься. Проходили. Слышали уже эти слова и знаем им цену.

– Я вас выслушал, а теперь я буду говорить, – провозгласил князь. – Мы независимое государство! Вам нас не напугать, а потому подавитесь своим предложением. Валите отседова подобра-поздорову, – закончил князь, стараясь спокойной серьёзностью тона компенсировать недипломатичность выражений.

– Так что же всё-таки нам передать магистру?

– Пусть идёт в ж... – сказал в ответ Вячко, облёкая в грубость свою короткую, как выстрел, мысль.

Дружина одобрительно загоготала. Разговор приобрёл неожиданный оборот. Князь приосанился с видом победителя, давая понять, что этим всё сказано. Послы растерялись и покраснели под цвет крестов на их плащах.

Князь сплюнул с презрением.

Послы, дрогнув кислыми лицами, продолжали увещевать несговорчивого ратоборца. Они очень старались держаться на высоте приличий. Но князь показал, что все, что хотел, он сказал, и разговор на этом окончен.

Уходили послы медленно, словно всё ещё надеясь, что их остановят и вернут.

После такого казуса тевтоны будто осознали, что медлить больше нельзя. Оставалось одно. Лезть упорно на стену, не считаясь с количеством жертв, не замечая препятствий, и схватываться врукопашную. Двинули они опять всей массой. Русские лучники рассыпались, готовые бить на поражение, их зоркие глаза замечали всё, что шевелится. Жертв среди и в среде нападавших становилось всё больше. Но в этот раз штурм не прекратился и длился много дней. Решимости довести дело до логического конца и взять город во что бы то ни стало хватало и у крестоносцев. Но Вячко проявлял недюжинное упорство. Он до сих пор надеялся, что новгородцы придут к нему на помощь, и упрямо отказывался покинуть замок. К тому же он был наслышан о том, что крестоносцы делают с попавшими в плен русскими воинами. Проверять на себе истинность этой информации у него не было ни малейшего желания. Уж лучше погибнуть славной смертью, как и положено воину, с мечом в руке. И немцев раз за разом сбрасывали со стены вниз. Русская доблесть оказалась крепче немецкого упорства.

Любая, даже самая яростная ярость когда-то иссякает. Особенно когда затраченные усилия не дают нужный результат. Биться бараном об стену мало кому нравится. А чувствовать себя при этом бараном ещё меньше. Так и напор немцев издох. В лагере меченосцев все ходили не только измученные, но и злые. Всё делалось на нервах. Неопределённость выматывала. Обо-злённые, измученные борьбой, они уже готовы были бросить всё и уйти восвояси. Только тевтонская гордыня не давала им уступить просто так, и они предприняли последнюю попытку чего-то достичь.

Началось всё, как обычно, с переговоров, но в этот раз они принесли совершенно неожиданный результат.

В который уже раз протоптанной дорогой в Юрьев отправились послы. Шли они туда без малейшей надежды на успех, токмо волею отправившего их в логово зверя начальства. Однако очередной стандартный набор угроз, сделанных от бессилия в сочетании с предложением покинуть крепость добровольно и убраться к себе на Русь, вдруг был воспринят русским князем благосклонно.

Хрен с ними. Они согласны. Уговорили. Но только при условии... А условия, пусть они и невелики, я перечислять не буду, а воспользуюсь ещё одной выдержкой из «Истории» В.Н. Татищева.

«И положили немцем отступить от града далее и войны не иметь, в Новгород послать с тем известием, и если в 14 дней не будет отповеди, то город отдать и людям дать волю, кто хочет, останется или выйдет в иное место со всеми их пожитками, куда захотят. И так договорясь, клятвою утвердили».

Почему? Возникает буквально сразу вопрос. Почему столь гордый, бесстрашный и в то же время неглупый князь резко изменил своей тактике и в тот самый момент, когда победа уже была так близка, пошёл на уступки? В чём тут дело?

Ответ прост.

Новгород. К новгородцам неоднократно писали с просьбой о помощи и наконец получили долгожданный ответ о том, что те, закончив все свои разборки, выдвигаются к Юрьеву. Каким образом Вячко получил это известие, нам остаётся неизвестно: гонец, лазутчик, стрела с привязанным письмом, но это и не так важно, а важно то, что действовал он сообразно с полученной им информацией.

При переговорах с меченосцами Вячко не спешил выкладывать все карты на стол, давая противнику время созреть. Ему казалось, что так надёжнее, меньше шансов быть обманутым. В итоге всё сложилось к обоюдному удовольствию. Купились они.

Сначала немцы неправильно поняли его примирённость, уверовав, что вода камень точит и они своим упрямством согнули нестигаемого князя. А когда осознали, в чём кроется подвох, уже были зажаты в тисках собственного слова. Их лазутчики тоже свой хлеб ели не даром. И информацию о сборе новгородского войска и сроках его прибытия добыли верную. Только вот разве что с опозданием.

Альбрехт Саксонский почернел лицом, узнав, что русский князь в очередной раз обвёл его вокруг пальца, и впал в коматозное состояние.

Что теперь делать? Отступить – глупо, а остаться и ждать – ещё глупее. Дождётся, когда Вячко зажмёт тебя вместе с новгородцами с двух сторон, вот тогда мало никому не покажется. Это даже не поражение, а конец всей деятельности ордена в Прибалтике. Это крах!

При одном только воспоминании о том, сколько этот русский дьявол попортил им крови, он аж передёрнул плечами.

И вновь на повестке дня встаёт вечный вопрос: честь или победа? И в таких случаях честь чаще всего уходит на второй план. Тем более что это не футбол и приз, даже утешительный, здесь за честную игру не вручат. А значит, к чёрту приличия!

Когда множество попыток не приводят к желаемому результату, приходится прибегать к крайним средствам, из арсенала тех, что редко дают осечку. Крайние средства, как вы поняли, противоречили всем законам морали, рыцарства и чести, но предлагали выход из безнадёжной ситуации. Вот это и зовётся «мастерством», способностью не страшиться неприглядных решений.

Немецкие ордены нанесли уже столько разящих ударов в спину своим врагам, что из них можно было бы составить большой список, так что ещё один пункт, добавленный в него, значительной роли не сыграет. Тем более можно было бы составить практически равнозначный этому списку список из тех, кто уже не мог на это пожаловаться, а значит, и претензий практически не имелось. А Генрих Латвийский, или какой-нибудь другой Генрих, которых немало по всей Германии, усердно скрипя пером, всё это зарифмует и, подобрав нужные слова, сделает из подлости подвиг, зафиксировав его на бумаге. Так создаются хроники.

Как гласит старинная русская пословица: «волк и всякий год линяет, а нрав не переменяет».

Пойти на сделку с совестью оказалось не таким уж и сложным делом. Рыцари единодушно одобрили план действий и перешли к стадии его исполнения. Выражение лиц у немцев было такое, какое бывает у школьников, только что решивших сложную, казалось бы нерешаемую задачу. Замысел сулил неременный успех. Наплевать им было на то, что план мести был коварным и бесчестным. Покаяться можно было и позже, особенно зная, что любой пастырь отпустит им этот грех, а то и сам отмолит его. Сейчас им была нужна только победа.

Идея пусть и была не превосходной, не новой, не оригинальной, но вполне подходящей. Кульминацией этого плана был огонь. Очищающий, всепожирающий, огонь, решающий наконец все их проблемы. Огонь должен был зажигаться с двух сторон и зажимать с этих самых двух сторон русский гарнизон. План был продуман и просчитан, многократно прокручен в уме в поисках слабых мест.

В таких делах мелочей не бывает, а потому была предусмотрена каждая деталь. Но сколько голову ни ломай, а лучше всё одно ничего не придумаешь. Если действовать с подобающей в подобных делах осторожностью, то почему бы и нет? Всё может получиться.

В профессиональном боксе есть такой термин, как «левер-панч». Это когда наносится два быстрых последовательных боковых удара левой рукой в голову. После первого пропущенного удара противник начинает ждать следующего с другой руки и ошибается, получая нокаут. В

переводе на русский «левер-панч» означает удар ломом. Минус этого приёма в том, что его несвоевременное использование может привести к поражению того, кто его проводит.

К нашей ситуации этот термин подходит как нельзя лучше. Крестоносцы собрались применить именно этот приём, страшный и неожиданный, правда с риском для себя.

Орден, как любящая мать своё дитя, лелеял свой коварный замысел. Простое и изящное решение проблемы. Пусть и не совсем честное, или совсем нечестное. Если назвать его одним словом, то лучшее определение, что приходит на ум, – диверсия. А диверсия – это дело слишком интимное, из тех, которые делают в уединении, ещё лучше, если под покровом темноты. Гордиться тут особо нечем, не то это дело, о котором много можно распространяться, но и отказаться никак, особенно когда это сулит долгожданный успех.

Судьба, как известно, играет не только людьми, но и целыми княжествами. Отважного витязя в конечном счете погубила доверчивость. Жизненный опыт ничему его так и не научил, он, как и прежде, остался наивен и честен, как дитя, хоть жизнь прожил несладкую. Тягаться с теми, для кого слово «честь» было лишь формой речи, для кого данные клятвы были всего лишь ступенькой к достижению своей цели и усилению бдительности противника, ему было не по силам. Не то было у него воспитание. Идеалист и мечтатель. Он проиграл, как только поверил!

Некоторые мелочи, совершенно несущественные на первый взгляд и оставленные без присмотра, могут оказаться фатальными. Примеров тому в истории множество. Поэтому вникать во всё нужно самому, иначе рано или поздно споткнёшься на ровном месте. Так оно и получилось.

Со счастьем у Вячко всегда было как-то не очень. Не клеилось, одним словом. Не без него, конечно, но и особо хвастать было нечем. Если даже вначале всё складывалось замечательно и жизнь сулила радужные перспективы, то потом обязательно случалось что-то непредвиденное и крайне неприятное. И чем радужнее были перспективы, тем большее было падение. Вспомнить хотя бы Кукейнос.

Когда всё идёт хорошо, то любому, не обязательно нужно быть для этого князем, хочется верить, что и завтра, и послезавтра, и через месяц всё будет идти точно так же хорошо и спокойно. Так никогда не бывает, но верить-то хочется. Такая вера расслабляет, а стоит только расслабиться... Как что-то тут же идёт не так. Неожиданности, большей частью неприятные, подстерегают человека повсюду. За приятными неожиданностями приходится долго и трудно гоняться.

Но мы отклонились от темы. Нападение на ничего не подозревающего противника хорошо уже тем, что результат почти всегда известен заранее. Если ты сам, конечно, не совершишь какую-нибудь значимую глупость. А все возможные глупости меченосцы уже сделали.

С защитниками Юрьева всё случилось совсем наоборот. Казалось, в город нагрянуло счастье и накрыло бойцов с головой. Ещё два дня назад они готовы были стоять насмерть и погибнуть с честью, но не сдаться, не отступить, продать свои жизни, уж если так сложится судьба, подороже. И тут такой коленкор. Умирать не надо, и честь при этом не страдает. Только тевтоны остаются с носом. Но уж это как кому повезёт. Выигрывает всегда кто-то один. В этот раз это они. Слава тебе Господи! Все рады: хлопают друг друга по плечам, обнимаются, наливают. Хорошо идёт! Избавление от трудностей уже рядом. Настроение что надо. Выдюжили! Такое дело надо отметить, хоть по чуть-чуть. По глоточку. По капельке. Они пьют за Русь, за князя, за победу. До самого утра льётся из больших глиняных амфор хмельное вино. Гарнизон перестаёт бдить. Дружинники, веря немецкой клятве, в стражах ослабели, и никто не ищет взглядом звезду, что уже вот-вот должна появиться на небе. А она, эта самая звезда, возможно, и видела всё, и только безмолвно усмехалась.

Всё случилось на третий день после договора.

Дело было ответственное и рисковое, попытка была всего одна, а значит, не каждый годится, поэтому выбирали лучших, из числа добровольцев. Небольшой отряд вёл рыцарь Аппелборн. Выступление назначили на четыре часа утра. Главное предстояло проделать в полной темноте.

Ночь выдалась недоброй, луна почти не светит, а лишь блестит во тьме узкой полоской, сильный холодный ветер дует во всю мощь, залезая под одежду и прихватывая своим северным дыханием кожу, поэтому часовой, стоящий на посту, позволил себе расслабиться. Часовые, к сожалению, не всегда стоят на посту так, как им поручено. А то и вовсе не стоят. Вот и сейчас, пренебрегая своими обязанностями, часовой сел, прислонился спиной к стене, какая ни есть, а всё же опора, и, укрывшись ею от сильного холодного ветра, прикрыл глаза. Утомление последних недель давало себя знать. Скоро часовой почувствовал, что засыпает. Он мечтал и дремал. А о чём может мечтать солдат на посту холодной ночью? О смене, уюте, тепле и выпивке, притом в какой угодно последовательности.

В это же самое время укрытый глухим ночным мраком рыцарь Аппелборн, пробравшись со своими людьми в город, сидел на холодном валуне и сам сейчас больше всего был похож на валун. Он замер, окаменел, как и его люди. Перед ними в кромешной тьме спал Юрьев, даже не подозревая об их присутствии. Лишь дымно, вспыхивая и угасая, чадили факелы, выхватывая из темноты то неподвижно застывшую фигуру часового, то угрожающе острое лезвие копья, беспечно прислонённое им к стене.

Осторожно, стараясь не производить шума, он подтянулся на локтях по шершавой каменной поверхности и, напрягая острое зрение, всматривался в действия часового.

– Пора, – наконец выдохнул рыцарь, мелко перекрестился и, не производя лишнего шума, вытащил из ножен узкий кинжал. Клинок выскользнул из ножен, и рыцарь накрыл его локтем, чтобы сталь не блеснула в темноте. Операция вступила в завершающую фазу.

Оторвавшись от валуна, Аппелборн сделал последний стремительный бросок вперёд к одному из стоящих на окраине зданий. Оно и было его главной целью. Попадись он сейчас на глаза человеку суеверному, тот бы мог поклясться на Святом Писании, что фигура меченосца сгустилась прямо из ночных теней. Оказавшись на месте, рыцарь подал знак своим людям, чтобы те действовали так же, как он сам.

Теперь дело осталось за малым. Аппелборн разжег огонь со стороны, неподвластной взгляду постового. Даже если бы тот открыл сейчас глаза, он не смог бы углядеть, чем занят немецкий рыцарь-диверсант. Много усилий Аппелборну прилагать не потребовалось. Огонь взялся быстро. Ветер был сильный и раздул пожар мгновенно. Пламя разгорелось, вздулось и полыхнуло красными языками. Только тут часовой открыл глаза и понял, что всё проспал. Как протёр глаза. Мать твою! Огонь!

Его истошный вопль вдребезги разбил ночную тишину, разносясь по всей округе. Но было уже поздно. От этого здания загорелось ещё несколько домов. Ветер дул в сторону центра города и весело гнал туда распоясавшийся огонь. Теперь уже вся стража, оставив свои посты, наперегонки бросилась унимать пламя, растаскивать крючьями горящие, просквоженные огнем клетки, ломая окружные строения, чтоб не пустить его далее. Глаза как блюдца. Шум. Гам. Суета. Винные пары моментально испаряются.

Услышав вопль, крестоносцы убедились, что план их сработал и теперь героический князь, источник всех их бед, никуда от них не денется. Сейчас они занимались странным делом. Поджигали снесённый в огромную кучу хворост. Его набросали прямо против городских ворот, перекрывая им мост через ров. Для чего они это делали? Для того чтобы закрыть отважному князю последний выход из города, на тот случай, если он со своими бойцами предпримет попытку вырваться прямо по мосту, и дальше через лагерь меченосцев.

Огонь взметнулся до неба. Ловушка захлопнулась. Теперь через мост было не прорваться ни пешему, ни конному. Этот же самый огонь, что пресекал любую попытку бегства для князя и его дружины, послужил и сигналом к штурму Юрьева.

Тотчас же меченосцы, пилигримы, ливы и лытты начали переваливать через не защищаемую никем стену. Внезапность вновь сыграла свою роль. Боевое охранение ослабло, и те единички, кто находился на стенах, не могли сдержать яростного напора врага. Ошеломительно быстрый прорыв в один миг изменил всю картину. Тевтоны наполнили город. И это был конец.

Когда к Вячко в комнату влетел в полной панике боец из числа оставленных им в боевом охранении и, ошалело таращась, прокричал: «Вставай князь! Пожар!» – у князя упало сердце. Он понял всё в один момент.

– Где?! – только и выдохнул Вячко, как ужаленный подскакивая с места. Он косо сорвался с постели. С улицы действительно ощутимо несло гарью и дымом. Ринулся к окну и застыл: в иссиня-чёрном небе плясали злые языки огня...

Злой, как цепной пёс, он схватил меч, с которым теперь не расставался никогда, и выскочил на улицу... Наспех одетая дружина сгрудилась вокруг, заглядывая князю в очи и ожидая приказа.

– За мной! – только крикнул он и понёсся вперёд, следом за ним, громко топая, бежала дружина. Но уже слишком поздно...

То, что он увидел, вышибло у него все мысли из головы, кроме одной. Беда!

Горело уже несколько домов, и было светло как днём. Огонь гудел низко и утробно, продвигаясь всё дальше вперёд. Кровли занимались что свечи. Но это было ещё полбеде, хуже всего было то, что от белых плащей рябило в глазах. Во всех переулках кишмя кишели паломники. Мелькали обнажённые лезвия. Тевтоны безудержно растекались во всех направлениях. Кровь лилась ручьями и, дымясь, растекалась по булыжным мостовым. От такого зрелища у кого хочешь голова кругом пойдёт.

Князь недолго созерцал эту суету, а сразу, как и подобает руководителю его ранга, начал раздавать указания, правда срываясь всё чаще на мат. Одним ударом раскрыл череп кинувшегося ему наперерез крестоносца, лихо поведя плечом молодецким, и ринулся туда, где в нём нуждались больше всего.

Сейчас Вячко хотелось рвать и метать. В этот момент он вспомнил всех родственников магистра и епископа поименно... но делу это уже не помогло. Он чувствовал, как в душе закипела ярость, когда хочется убивать. В этот самый миг он готов был один выйти против всего вражеского войска. Встать в полный рост, взять в две руки верный меч, расставить ноги пошире, оперевшись ими покрепче в землю, сплюнуть, ощерившись зло, и гаркнуть во всю глотку:

– Ну, кто тут смелый, выходи!

В жилах текла несказанная мощь. Да. Он умрёт, но и сотни рыцарей вместе с ним встретят здесь свою смерть!

Собственно, так он и сделал, ничего другого уже не оставалось. Только принять смерть, как положено воину. Он встал в центре городской площади, сбросив с головы ненужный больше шлем и подняв над головой меч. Сейчас он был похож на древнего бога войны. Борода кудлатая, волосы развеваются по ветру, глаза мечут молнии. Дружинники сбились вокруг него в сердитую тучу. Враги окружили их. Прикрываясь щитами, наседали волнами, оставляя на земле убитых и раненых, откатывались и наседали опять. Количество его людей медленно таяло. И вскоре он остался совсем один. Храбрецы сложили головы, как и клялись, для того чтобы их вождь жил. Сколько? Это уже зависело не от их желания, а от воли Господа и сил оставшихся у юрьевецкого князя. Они свой долг перед князем выполнили!

Вячко дрался пылко. Ни один смельчак не продержится долго против двух десятков хорошо обученных головорезов, но витязь озверел так, что они даже боялись приблизиться к

нему на расстояние удара. Страшен русский человек в своём гневе. Внезапно грудь рвануло болью, понял: достали копьём, и, когда он всего лишь на секунду опустил свой незнающий жалости, карающий без разбору меч, «братья Христа» навалились на него всей гурьбой. Облепили его, отчаянно отбивающегося, обхватили, скрутили, ошеломили чем-то тяжёлым. Очи окутал кровавый туман. Последним проблеском сознания он увидел встающее над башнями Юрьево солнце.

Тот, кто казался «Братьям Христова воинства» столь опасным, не мог остаться в живых. На той же самой площади, где его гридни сложили свои головы, русский князь Вячко и был казнён. Как он умер, знает только Бог.

Когда Юрьев пал, крестоносцы, *«словно беззаконные рабы дьявола, а не Божии, учинили варварскую в городе резню, не щадя ни жєницин, ни детей»*, так говорит летопись. Из всех защитников Юрьево они оставили жизнь только одному дружиннику из Суздаля – посадив на коня, его отправили в Новгород, чтобы он сообщил о падении крепости. Обещанная помощь из Новгорода к этому моменту дошла только до Псково, где, получив печальное известие, остановилась и затопталась на месте. И вновь было между знатными новгородцами множество обидных споров, в которых каждый тыкал пальцем в соседа, обвиняя именно его в постигшем Юрьев несчастьи. Как говорится, всяк другого мнит уродом, несмотря что сам урод. Но мстить они не пошли, посчитав это дело невыгодным, и двинулись восвояси.

Такие горестные вести, как эта, разносятся мгновенно. Народ повсеместно возмущался и требовал не оставлять случившееся без справедливого возмездия. Но, как это часто бывает, глас народа остался неслышанным. Новгородцы, вернувшись к себе домой, поспешили заключить мир с немцами и постарались как можно скорее забыть об этом печальном событии.

В городе Тарту, так теперь называется Юрьев, на холме Касситооме стоит скрытый от глаз прохожих густой листвой памятник князю Вячко. В 1950 году его отлил из бронзы скульптор Олава Мянни. Местные жители редко вспоминают о нём. У его подножия никогда нет цветов. Он не включён в официальные путеводители, и туристические маршруты обходят его стороной.

Видимо, для того, чтобы, даже будучи отлитым из бронзы, он не угрожал Западу, в 2008 году ему отпилили меч.

Выдержки о Вячко из летописных источников и работ известных историков

«Татищевъ подъ годомъ 1217, ссылаясь на лѣтопись Еропкина, рассказываетъ слѣдующую повѣсть, которую предлагаемъ здѣсь въ сокращеніи: «Борись Давидовичъ, Князь Полоцкій, женился вторымъ бракомъ на Святохнѣ, дочери Померанскаго Князя Казимира, прекрасной и хитрой, которая хотя и долженствовала принять законъ Греческій, однакожь держала при себѣ Священника Латинскаго. Имѣя сына, именемъ Владиміра или Войцеха, она ненавидѣла пасынковъ, Василька и Вячка, и черезъ Вельможъ внушила имъ мысль проситься у отца въ Двинскую область. Борись отпустилъ ихъ съ сожалѣніемъ; а мачиха, пользуясь отсутствіемъ молодыхъ, добрыхъ Князей, начала гнать преданныхъ имъ Бояръ и возводить своихъ единоплеменцевъ на степень вышнихъ чиновъ государственныхъ. Недовольный народъ требовалъ изгнанія чужестранцевъ и возвращенія старшихъ сыновей Борисовыхъ. Тогда Святохна отъ имени Тысячскаго Симеона, Посадника Воина и Ключника Добрыни, ея главныхъ враговъ, сочинила письмо къ пасынкамъ, убѣждая ихъ свергнуть отца съ престола, казнить мачиху и меньшаго брата, Владиміра. Сіе письмо было вручено легковѣрному Князю Борису. Призвали обвиняемыхъ Бояръ: они клялись въ своей невинности, и говорили, что Святохна по злобѣ вымыслила на нихъ столь гнусную клевету. Единоплеменцы Святохнины злодѣйски умертвили ихъ, объявивъ въ городѣ, что Посадникъ и Тысячскій хотѣли убить Князя съ Княгинею. Многіе повѣрили; но Василько Борисовичъ нашель способъ обличить клевету злой мачихи. Въ день Спаса народъ возсталъ при звукѣ Вѣчеваго колокола, взялъ Святохну подъ стражу, умертвилъ или изгналъ всѣхъ Поморянъ, и не сдѣлавъ никакого зла Князю Борису, отправилъ Вельможъ за его сыномъ, Василькомъ». — Я не нашель о томъ ни слова въ лѣтописяхъ» (Н.М. Карамзин).

«Когда король Вячко из Куkenойса услышал, что пришли такимъ большимъ отрядомъ латинские пилигримы и поселились по соседству всего въ трехъ миляхъ отъ него, онъ, добывъ черезъ гонца пропускъ отъ епископа, отправился къ нему на кораблѣ внизъ по реке. После рукопожатій и взаимныхъ приветствій онъ тут же заключилъ съ тевтонами прочный миръ, который, впрочемъ, недолго продолжался. По заключеніи мира, простившись со всеми, онъ радостно возвратился къ себѣ» (Генрихъ Латвійскій. *Рифмованные хроники*. 18, IX.10).

«Пасха (6 апреля 1208 года): «В это время возникъ раздоръ между королѣмъ Куkenойса и рыцаремъ Данииломъ изъ Леневадена». «Этотъ король (Вячко) причинялъ много неприятностей людямъ Даниила и, несмотря на неоднократные увещеванія, не переставалъ ихъ беспокоить» (Генрихъ Латвійскій. *Рифмованные хроники*. 18, XI.8).

«Однажды ночью слуги Даниила поднялись вместе съ нимъ самимъ и быстро двинулись къ замку короля. Придя на рассветѣ, они нашли спящими людей въ замкѣ, а стражу на валу мало бдительной. Взойдя неожиданно на вал, они захватили главное укрѣпленіе; отступавшихъ въ замокъ русскихъ, какъ христіан, не решились убивать, но угрозивъ имъ мечами, однихъ обратили въ бѣгство, другихъ взяли въ плен и связали. Въ томъ числѣ захватили и связали самого короля, а всё имущество, бывшее въ замкѣ, снесли въ одно мѣсто и тщательно охраняли. Позвали господина своего Даниила, бывшего поблизости, и онъ, желая выслушать советъ епископа объ этомъ делѣ, сообщилъ обо всемъ рижанамъ» (Генрихъ Латвійскій. *Рифмованные хроники*. 18, XI.8).

«Епископ вместе со всеми своими был очень огорчен и не одобрил сделанного, велел вернуть короля в его замок и возратить ему всё имущество, затем, пригласив короля к себе, с почётом принял его, подарил ему коней и много драгоценной одежды...»

(*Генрих Латвийский. Рифмованные хроники. 18, XI.8).*

«Lief. Chr. I, 64, 189, 191, 193, 196. Сей Лѣтописецъ рассказываетъ, что Вячко (Viesceka), начальствуя въ Кукенойсѣ, былъ плѣненъ Рыцарями, но освобожденъ Епископомъ въ 1206 году; а послѣ ограбилъ, умертвилъ многихъ Нѣмцевъ, и боясь мести, ушелъ въ Россію. – Сами Нѣмцы укрѣпили замокъ Юрьевскій»

(*Н.М. Карамзин*).

«Г. 1224 Народъ охотно повиновался Ярославу; но сей Князь – не извѣстно, для чего Г. 1224.самъ не захотѣлъ остаться въ Новѣгородѣ, и Георгій вторично прислалъ на его мѣсто юнаго сына своего, Всеволода. Надлежало обуздывать Литву, бороться съ властолюбивыми Нѣмцами въ Ливоніи, наблюдать Датчанъ: а Князь Новгородскій былъ десятилѣтній отрокъ! Мужественный Вячко. Его именемъ правили чиновники: чтобы удержать за Россією Дерптъ, они уступили сей городъ одному изъ Владѣтелей Кривскихъ, мужественному Вячку, который начальствовалъ прежде въ Двинскомъ замкѣ Кукенойсѣ. Имѣя у себя не болѣе двухъ сотъ воиновъ, онъ утвердилъ свое господство въ сѣверной Ливоніи: бралъ дань съ жителей, строго наказывалъ ослушниковъ, безпрестанно тревожилъ Нѣмцевъ и счастливо отразилъ приступъ ихъ къ Юрьеву. Тогда Епископъ Альбертъ созвалъ всѣхъ Рыцарей, странствующихъ богомольцевъ, купцевъ, Латышей, и самъ выступилъ изъ Риги, окруженный Монахами, Священниками. Сіе войско расположилось въ шатрахъ около Юрьева, и Вячко равнодушно смотрѣлъ на всѣ приготовленія Нѣмцевъ. Они сдѣлали огромную деревянную башню, равную въ вышинѣ съ городскими стѣнами, и придвинули оную къ самому замку, подкопавъ часть вала; но Князь Россійскій еще не терялъ бодрости. Напрасно Альбертъ предлагалъ ему миръ и свободу выйти изъ крѣпости со всѣми людьми, съ ихъ имуществомъ и съ конями: Вячко не хотѣлъ о томъ слышать, надѣясь, что Новгородцы не оставятъ его безъ помощи. Стрѣлы и камни летали съ утра до вечера изъ города и въ городъ: Нѣмцы бросали туда и раскаленное желѣзо, чтобы зажечь деревянныя зданія. Осажденные не имѣли покоя ни въ самую глубокую ночь, стараясь препятствовать работѣ осаждающихъ, которые, разводя большіе огни, копали землю съ пѣснями и музыкою: Латыши гремѣли щитами, Нѣмцы били въ литавры; а Россіяне также играли на трубахъ, стоя безпрестанно на стѣнѣ. Утомленные трудами, ежедневными битвами, Нѣмцы собрались на общій совѣтъ. «Не будемъ терять времени» (сказалъ одинъ изъ нихъ) «и возьмемъ городъ приступомъ. Доселѣ мы излишно щадили враговъ своихъ: нынѣ да погибнуть всѣ безъ остатка! Кто первый изъ насъ войдетъ въ крѣпость, тому честь и слава; тому лучший конь и знаменитѣйшій плѣнникъ. Но опасный Князь Россійскій долженъ быть повѣшенъ на деревѣ.» Одобривъ сіе предложеніе, Рыцари устремились на приступъ. Хотя жители и Россіяне бились мужественно; хотя пылающими колесами зажгли башню осаждающихъ, и нѣсколько часовъ отражали Нѣмцевъ: однакожь принуждены были уступить превосходному числу враговъ. Въ слѣдъ за Рыцарями ворвались въ крѣпость

и Латыши, убивая своихъ единомысленцевъ, женъ, дѣтей безъ разбора. Долѣ всѣхъ оборонялись Россіяне. Никто изъ нихъ не могъ спастись отъ меча побѣдителей, кромѣ одного Суздальскаго Боярина: плѣнивъ его, Нѣмцы дали ему коня и велѣли ѣхать въ Новгородъ, чтобы объявить тамъ о бѣдствіи Россіянь. Храбрый Вячко находился въ числѣ убитыхъ»
(Н.М. Карамзин).

«1223 г. В том же году немцы с великим войском пришли к Юрьеву, обступили и крепко добывали. Но князь Вячек Борисович, поскольку был мудрый и в воинстве храбрый, мужественно град оборонял и, часто исходя из града, многий вред немцем чиня, с честью возвращался. С ним же были бояре новгородские, и псковские храбро ему помогали. И хотя немцы три раза присылали о перемирии и договоре, прося только град пустой, а людям давали волю тут остаться или идти вон, но сии и слышать о том не хотели, надеясь по обещанию новгородцев и псковичей помощь вскоре получить. Немцев же уличал он их договорами, что они от сих градов отказались и не воевать в том клялись и запись дали. А к новгородцам неоднократно писали с просьбою о помощи. Но поскольку у новгородцев с князем было несогласие и между собою распри великие, не могли о помощи Юрьеву согласиться и оказать, как того требовалось. Немцы, видя, что силою городу не могли ничего сделать, а людей на приступах уже много потеряли, учинили коварство в пересылке, уговорив некоторых юриевцев, которые прилежно князю и боярам о примирении советовали, чтоб людей напрасно не губить. Князь же, учинив совет с боярами, заключил перемирие с немцами. И положили немцем отступить от града далее и войны не иметь, в Новгород послать с тем известием, и если в 14 дней не будет отповеди, то город отдать и людям дать волю, кто хочет останется или выйдет в иное место со всеми их пожитками, куда захотят. И так договорясь, клятвою утвердили. И немцы немного отступили, а юриевцы, веря немецкой клятве, в стражах ослабели. Немцы, рассудив, что новгородцы города отдать не повелят и вскоре могут на помощь придти, усмотрев же, что стражи ослабели, не так хранят, как прежде было, на третий день после договора, ночью подкравшись к городу, зажгли. Тогда был ветер великий и ночь темная, от оногo загорелось во граде несколько домов. Люди, не ожидая от немцев клятвopеcтyплeния, оставив стражи, унимали огонь, ломая строение, чтоб далее не пустить. А немцы, вооружась, учинили приступ и, скоро войдя во град, взяли князя Вячка и бояр, которые слезно их просили, чтоб как пленных не губили. Но они, несмотря ни на что, словно беззаконные рабы дiавoлa, а не Божии, князя и бояр побили. Когда же пришло сие известие в Новгород, учинило всенародную печаль, и было споров множество, один другого обвинял»
(В.Н. Татищев).

Глава 3

Евпатий Коловрат

Герой, во имя справедливой мести уничтожающий подонков, посягнувших на что-то дорогое его сердцу, один из любимых персонажей в мировом фольклоре. У всякого народа найдётся такой, потому что поступок говорит сам за себя, ничего больше пояснять не надо. И смысл такого рассказа в торжестве справедливости. Мол, как ни силен злодей, а кара всё равно его настигнет, ибо есть смертные грехи, которым нет на земле прощенья! Никогда! А дальше вариации.

Раз такой герой есть у любого народа, значит, можно предположить, что он есть и у нас, за примером далеко ходить не надо. Имя ему – Евпатий Коловрат. Много уже рассказано историй о храбром рязанском богатыре: чудесных, увлекательных, удивительных, странных, а порой и глупых, иногда образ героя в них преобразуется так, что он сам себя узнать не в силах. У каждого своя история о Коловрате, и лишь читатель вправе выбрать ту, что считает для себя наиболее правдивой.

В то тягучее зимнее утро, тяжёлое и неспешное, когда луна на небе бледнеет и ночь с большой неохотой уступает дорогу рассеянному утреннему свету, было удивительно тихо. Даже неугомонные, вечно задиристые петухи не нарушали своим резким криком покой небольшой, беспечно спящей деревни, затерявшейся в рязанской глуши.

На улице уже развидняло. Становилось все светлее.

В это самое время на дороге, что вела к деревне через поле, показался маленький всадник в мохнатой лисьей шапке с хвостами и когтистыми лапами, и на такой же маленькой, как он сам, с нечёсанной гривой кобылке. Приподнявшись на стременах, он быстро огляделся по сторонам своими длинными, узко прорезанными, как осока, глазами. Оценив ситуацию, он медленно вытащил из ножен кривую саблю и показал ею на мирно дремлющую деревню.

Тотчас, видимо подчиняясь его команде, со стороны леса выметнулся конный отряд и, веером рассыпавшись по полю, стал охватывать беззащитную деревушку.

Это был один из монгольских разъездов, ищущих еды и поживы для своего войска. Низкие лохматые лошадёнки были на удивление резвы. Мёрзлая земля загудела под копытами сотни коней, а внезапно разбуженные птицы стаями взвивались к небу. Дозорный, что до сей поры беспечно спал, разметавшись в стогу душистого сена и совсем забыв о том, что вокруг идёт война, очнулся от дрёмы и даже сбросил с плеч мешавший тулуп, да только было уже слишком поздно. Лёгкая стрела, довольно свистнув, глубоко вошла ему в шею. Она была первой из многих нашедших в это утро свои цели.

С шумом, гиком и волчьим воем чужие озлобленные всадники рассыпались по улицам несчастной деревни. У каждого на тугой тетиве лука приготовлено по стреле, у каждого за поясом по кривой сабле, и каждый ищет хищным взглядом мишень. Вот один подался всем телом вперед, слегка привстав в седле, и выпущенная стрела ушла к цели. Одно мгновение, и её оперенный конец торчит, покачиваясь, в спине выбранной мишени, опрокидывающейся навзничь. Всадники умели метать стрелы так быстро, что едва успевали доставать их из колчанов. Кто-то вскрикнул, заголосили бабы, торопливые руки захлопывали изнутри домов окна. Дело было плохо.

Монголы, а это были именно они, не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. Убивали всякого, кто попадался на пути. Захваченные врасплох, не одетые, в одних полотняных рубахах мужики выбегали из хат, держа в руках оружие, но большинство из них тут же падали, сра-

жённые меткими стрелами или порубленные кривыми вражескими саблями. О сопротивлении нечего было и говорить. Те, кто не мог сражаться, прятались, спасая свои жизни.

Степняки рассыпались в разные стороны в поисках притаившихся крестьян, искали везде, даже в церкви, а местного священника, дерзнувшего остановить их с крестом в руках, хлестали плетью по спине до тех пор, пока он не упал на окроплённый кровью его паствы снег.

Сотник внимательно следил за тем, чтобы его воины не начали грабеж, не зачистив до конца деревню, азартно лущуя плетью тех, кто увлёкся поиском лёгкой наживы.

Не везде получалось легко. В одном из домов, выглядевших наиболее богато, с резным крыльцом, тесовой крышей и веселыми петухами на коньке, дали настоящий отпор. Когда к нему подскакал сотник, бой кипел нешуточный. Четверо из его людей уже валялись в снегу, намертво подбитые стрелами. Чтобы не терять воинов, монголы решили просто поджечь избу. От горящих стрел язычки пламени заплясали на крыше сразу в нескольких местах. Понимая, что отсидеться за стенами не удастся, русские решили пробиваться. Уж лучше погибнуть в бою, чем под обломками.

Дверь широко распахнулась, будто от удара ногой, и из ее черного зева, весь в клубах едкого серого дыма, вышел взрослый взъерошенный мужик, прикрытый добротной кольчугой, в руках он крепко держал остро отточенный меч. По ухваткам было видно, что с оружием ему обращаться не впервой. Лицо его было сурово, как на иконе. Собой он прикрывал пару юношей, судя по всему неопытных, но неплохо вооружённых. Монголы встретили их радостным и в то же время угрожающим рёвом. Ощущая численный перевес, они решили окружить их прямо возле крыльца. Мужчина, явно когда-то бывший воином, не испугался, а решительно шагнул прямо навстречу угрозе.

Первая же пара смельчаков, попытавшихся приблизиться к нему, пожалела, оставшись лежать у того же крыльца с рассечёнными головами. Следующему острие меча вошло в живот. Монгол с криком рванулся в сторону, вслед за ним брызнула кровь.

Быстрота его действий превосходила проворство степных воинов, и от неожиданности натиска они в испуге разлетелись в разные стороны, желания оказаться следующим не изъявил никто. Силой этого витязя было не взять, оставалась хитрость. Да, сотнику он был живым и не нужен. Поэтому пока несколько человек, опасливо нападая и тут же пятясь, пытались навязать русскому бой, а другие держали в напряжении прикрывавших ему спину юношей, один из нукеров, подкравшись сзади, метнул в беззащитную спину воина копьё. Оно вошло своим жалом чуть ниже лопатки, пробив кольчугу. Воин упал навзничь, даже не вскрикнув.

На этом всё было окончено, оставалось добить тех, кто остался.

Такие картины можно было наблюдать этой зимой часто. Но случались и исключения, как в этот раз.

Никто из нападавших не углядел, как из деревни выбежал, спотыкаясь и петляя по сугробам, паренёк. Пометался туда-сюда, да и кинулся в лес, надеясь там найти укрытие от врагов. Уж в лес степняки точно не сунутся. Он бежал, шепча пересохшим ртом молитву, в которой просил Господа лишь об одном, чтобы не получить стрелу в спину, и сердце колотилось и подпрыгивало к самому горлу. Каково было его удивление, когда за густой еловой стеной он наткнулся на отряд русских воинов. Это было удивительно после всего, что случилось в Рязани, которую монголы разгромили и уничтожили, где, казалось, уже не осталось никого, кто ещё мог бы держать оружие и сопротивляться врагу. Но это был не сон. Это были настоящие, живые русские воины, которых можно было потрогать, на крупных конях, в бронях и при оружии. Они стояли сейчас перед ним. В это невозможно было поверить! Это было чудо!

Откуда они взялись здесь? И кто были эти люди?

К чудесам это не имело никакого отношения. Всё было гораздо прозаичнее.

...Разговор, который волей или неволей привёл русский отряд к рязанской деревеньке, происходил довольно далеко от этих мест. Он состоялся в Чернигове, в светелке княжеского

терема, куда один из рязанских князей Ингварь Ингварович отправился затем, чтобы просить у местного князя помощь против огромной монгольской орды, что стояла на границе и неумолимо угрожала скорым вторжением. Войны не избежать, можно было лишь оттянуть её начало. И пока одни пытались это сделать, другие отправились к соседям. Но уехать за помощью и привести её – вещи часто неравнозначные. С первой частью миссии у Ингваря никаких сложностей не возникло, покинул Рязань он довольно быстро. Да и дальше трудностей не ожидалось. Дадут людей, хорошо, а нет, так веди своих скорым маршем обратно, Родину защищать. Но миссия Ингваря затянулась.

Уж и из Рязани поступили тревожные вести о близкой осаде города, а князь всё тянул с отъездом.

Надо сказать, что Ингварь принадлежал к тому разряду князей, которые использовали всяческие обстоятельства для удовлетворения своих жизненных удовольствий.

Хорошо ему было сейчас в Чернигове, в тереме князя Михаила, спокойно. Удобная постель. Хорошая еда. Молчаливая, исполнительная прислуга. И не было никакого желания возвращаться в Рязань, которую обступили вражеские полчища, где ныне все зыбко, неверно, переменчиво... А здесь... Мерцающий свет лампы в изложне перед византийского письма иконами. Книги в обтянутых кожей твердых переплетах с медными, посеребренными застежками, да тихий потреск свечи. Так уходило время.

А за окном зверел мороз и жалобно выла метель, проносясь над заснеженной землей, словно мир уже исчез, погребенный белыми снегами. И когда князь пугливо взглядывал в холодную тьму, то там ничего нельзя было увидеть – обмерзшие слюдяные оконца почти не пропускали света.

А внизу, за стеной кипела жизнь, шумела дружина. Там шел пир, там звучали заздравные клики, там гремели песнями столы и вино разлилось рекою... Кубки и чары весело гуляли по кругу, а виночерпии сбивались с ног. И все его страхи на фоне этого безудержного веселья казались ему самому смешными.

Но вот вечер начался для князя не лучшим образом. Он терпеть не мог, чтобы его беспокоили во время трапезы. А тут... Только выпил князь чару и готов уже был взяться за другую, запивая мясную уху, заправленную домашними травами, где ложка стоит стоем в густом наваре. А после не торопясь перейти к запеченному в тесте окороку из домашней свиньи и под конец насладиться вялеными фруктами и греческими орехами, заботливой рукой освобожденными от скорлупы и сваренными в меду. Как вдруг послышался неясный шум, заухали половицы под тяжелыми шагами, дверь отворилась, и перед ним, без зова, заполнив собой весь дверной проем, предстал плечистый мужчина.

Князь отнял руку с ложкой ото рта и несколько секунд с изумлением смотрел на пришедшего.

«Началось! – досадуя, помыслил он. – Ежели этот на меня напустится, то дело дрянь».

Однако виду не подал, и вопреки мыслям тонкие губы князя в тщательно выбритой полукругом светлой бороде изобразили подобие улыбки.

Человек, посмевавший несвоевременно побеспокоить своего князя, нарушив тем самым его одиночество, был рязанский боярин и воевода его дружины Евпатий Львович по прозванию Коловрат. Роста он был среднего, собою крепок, широк в плечах и с такими буграми мышц на бицепсах и бедрах, которым могли позавидовать другие мужчины. Одно слово, Микула Селянинович – Богатырь!..

Свое яркое прозвище боярин получил не от языческого знака, обозначающего солнцеворот, а за воинское умение биться сразу двумя мечами, создавая вокруг себя выжженное пространство, то бишь круг. Коло – по-славянски было – вращение, ну а врат – сие, значит, круг. Это был человек, который всё, за что бы ни брался, делал старательно и умело. Отсюда и прозвище.

– Прости, что оторвал от трапезы, князь! Я только что получил весть о том, что князь Юрий разбит, а монголы два дня как осадили Рязань, чаял скорее рассказать тебе об этом. Подымай дружину, князь! Надобно нам спешить назад, идём спасать Рязань!

При этих словах кровь отхлынула от лица князя, и улыбка медленно сползала с его физиономии, еда потеряла всякий вкус, и в животе у него стало холодно, как в погребке. Неуютно стало Ингварю от известия, доставленного гонцом из Рязани.

То, что для одного послужило сигналом к немедленному действию, другим было воспринято как команда затаиться и переждать опасность.

Взяв себя в руки, Ингварь вновь принял любезный вид и сказал:

– Время ещё есть. Выпей лучше меду... – Сухой ладонью он указал боярину на лавку. – От меду мысли очищаются и снятся ночью только хорошие сны...

А в это время его собственные мысли роем неслись в голове, сбиваясь в кучу. Кому спешить? Куда? Зачем? Сам Ингварь уж точно никуда не спешил и даже видел в этом свою выгоду. В конце концов, правление и есть искусство компромиссов.

Однако как бы он ни старался отсрочить дело с отъездом, а уклониться от него все равно не мог.

Чтобы придержать своего воеводу Евпатия, надумал он уговорить подождать его с малой дружиной, подобрать ещё людей и уж потом выступить.

Немного успокоившись, Ингварь слушал басовитое урчание воеводы, а лукавый разум уже юлил, отмечая для себя слабые пункты в его предложении. И уж другие мысли, умные, но недобрые бродили сейчас в его голове, с заглядом вдаль, с тайным умыслом, такие, будто запродавал князь душу нечистой силе...

Выгодно князю Ингварю дожидаться окончания битвы, узнать – чья возьмет?... А там, глядишь, и что хорошее для него выйдет...

С тех пор как монгольский хан Батый привёл свои тумены, Ингварь уже не так мрачно смотрел на судьбу. Наконец-то ему представился шанс, возможно единственный за всю жизнь, поймать за хвост удачу. Вот они, безумные мечты. В определённых обстоятельствах натура всё одно берёт верх. И уж не за Юрия Игоревича он возносил молитвы свои, не за упокой сына его, погибшего в орде Фёдора. Свой интерес теперь был ему ближе.

Обязательств у Михаила Черниговского перед Юрием Рязанским нет и быть не может. А потому и гарантий, что он даст людей, нет никаких. Ему в этих обстоятельствах и самому могут воины понадобиться, куда после Рязани пойдёт Батый, не угадаешь. Соберет Ингварь рать и приведёт помощь – молодец, не соберет... никто не в ответе. А без полков черниговских возвращаться домой – значит сунуть голову под монгольскую саблю. Что-что, а умирать было страшно. Ингварь, он не герой, не воин. А потому голову сложить он сейчас не готов. Да и за что? Живёт Ингварь у родственника своего, князя Юрия, нахлебником, вроде прибудной собаки: захотят – выгонят, захотят – приласкают. Могут выделить небольшой удел из милости, и прозябай там всю жизнь. Рязань же дело другое, она хоть и ходит под владимирской дланью, но это далеко не последнее место на Руси.

Ингварь втайне давно и мучительно завидовал Юрию Игоревичу. Быть всегда в тени, разве ж можно такое перенести, а зависть к ближнему – самая черная зависть на земле! И эта зависть означала одно, что никогда он не смирится со своим положением.

Еда остывала, забытая хозяином ложка томилась в супе.

– Рискованный план твой, рискованный, – произнес наконец Ингварь.

Пришёл его черёд. Без ответа воевода всё одно не отстанет. Но и рубить в таком разговоре сплеча, уповая на свою власть, не стоило. Поэтому Ингварь вначале долго распространялся о том, что, конечно, «крайне необходимо» идти на выручку князю Юрию, но, вцепившись мёртвой хваткой прежде всего в те детали, что показались, на его взгляд, наименее обоснованными, он добавлял осторожное, что всё будет сделано «по возможности». То есть в сроки пока

ещё неопределённые. Ингварь с отчаянием человека, не желающего вступать в драку, нещадно бомбил Евпатия аргументами с разных сторон, надеясь, что хоть один пройдёт:

– Татар этих столько пришло в наши земли, как саранчи в плохой год. У нас с тобой, чтоб силы их измерить, весов нету.

Или:

– А что, ежели Рязань не возьмут так скоро, как ты думаешь, ежели гарнизон укрепят свежими силами, а великолепие боевых стен защитит город от врагов? И что тогда? В город мы не прорвёмся, и все твои бойцы будут стоять на подступах к городу, укрывшись в каком-нибудь селе, объедая население, вместо того чтобы воевать?

При всей его изворотливости никогда еще он не испытывал трудностей, как во время этого разговора.

Но все эти логические построения не встретили сочувствия и понимания в лице воеводы.

Он только всё внимательнее смотрел, сощурившись, куда-то в район переносицы Ингварю, будто выбирая точку, в которую собирается ударить. Князь, зная, что воевода характером горяч, а на расправу скор, поневоле начал следить за его левой рукой.

Разговор принимал совсем нежелательный оборот.

Надо сказать, что Евпатий хоть и состоял при князе в должности воеводы, но многие решения принимал самостоятельно. Любой, кому довелось увидеть глаза этого мужчины, отметил бы для себя их колоссальную жизненную силу и нестигаемую волю. Жила в нем русская раскованность пращуров, гордо говоривших врагу: иду на вы. Прямой и правдивый, он не терпел обмана и лжи, хватаясь за меч там, где другой еще только начал бы супить брови. Таких людей кидают в огонь, отдают на пытки и загораживаются ими, когда нахлынет враг. Крупный, красивый, он и нравом был крут и смел. Слова «родина», «честь» были для него не только словами. Это был человек! С самого начала сознательной жизни он готовил себя к делам великим и славным, и сейчас, когда пришло время, Евпатия злило то, что князь хотел провести его как мальчишку. Свет замгнулся в очах Евпатия. На миг ему показалось, что перед ним сидит козлобородый бес и искушает его. Как он не замечал в Ингваре всей этой изворотливости? То ли раньше он был слеп, да вдруг прозрел?

Как пошутил один мудрец, терпение – добродетель верблюда, ею как раз Евпатий никогда не отличался.

– Хорошо устроился, князь, – с внезапной жесткой усмешкой сказал боярин. – Дивлюсь я храбрости твоей. Чёрная туча нависла над Рязанью, а ты здесь брагу пьёшь?! Мыслишь отсидеться за лесами и реками?

Вопрос был поставлен настолько прямолинейно, что князь на мгновение смешался.

В прямоте правды заключена ее великая сила. И на смелый прямой вопрос редко кто решается цинично изъяснить истину, а чаще всего начинают мямлить, вилять и митусить.

– Ты в бутылку-то не лезь, Евпатий. Что означают твои слова? – взорвался Ингварь, понимая, что от ответа не уйти. Это проявление характера отняло у него много сил. – А ещё лучше, скажи, что мне там делать, по-твоему? Руководить ратью? Так я не обучен, на то у Юрия есть воеводы, знающие дело премного лучше меня!

Евпатия аж передернуло.

– Да и вообще, я не думаю, что мои действия нуждаются в оправдании! – В последнем своём отчаянном порыве загнанный в угол Ингварь решил перейти в атаку. Это, пожалуй, единственное, что ему сейчас оставалось. – Князь, один князь всегда за все в ответе. Мое слово – последнее, так от веку было и так будет. И не кори меня больше! – вскричал князь своим слабым голосом, от раздражения он даже ударил ладонью по подлокотнику кресла и встал.

Евпатий, забыв все приличия, шагнул навстречу князю и, остановившись прямо перед Ингварем и плотно придвинув к нему свое лицо, сказал:

– На свете много мерзостей. Предательство – худшая из них.

Ингварь, весь мокрый от волнения и злобы, со страхом подумал, уж не помутился ли у воеводы рассудок, так дерзко говорил с ним боярин.

– Молчи! Молчи и исполняй свой долг, свою службу! А твоя служба – быть при мне! – налившись кровью, неожиданно для себя выкрикнул Ингварь. Но тут же и сам почувствовал, что в голосе его нет достаточной твердости.

– Долг воина в том, чтобы встретить с честью любого врага, и он, воин, должен верить, что от его мужества зависит судьба всей земли! – с холодным бешенством сказал Евпатий.

Что касается долга, то тут Евпатию было всё кристально ясно, и он пересёк черту повиновения.

Видя, что теряет понапрасну время, рязанский воевода ослушался своего князя.

– Бог, а не ты, князь, решит, есть мне прощенье или нет, а долг свой я выполню!

Махнув рукой, он бурей вылетел за двери, закончив, таким образом, разговор.

А Ингварь, плюхнувшись на скамью, так и остался сидеть в полном одиночестве, хмуро уперевшись взглядом в стену.

– Чёртов Коловрат!!! Готов кинуться в самое пекло?! Туда тебе и дорога! – закричал он во весь голос.

Евпатий, покинув своего князя, начал действовать незамедлительно. Он кинул клич, собрал добровольцев и без княжеского ведома, лишь по своему богатырскому почину спешно двинулся на родину.

С плохими мыслями возвращался Коловрат домой. Никогда еще так не гнал своего коня воевода! Скорей, скорей, скорей скачи, конь!

Он скакал по морозной зимней дороге, порой облитой лишь светом месяца, и скрипевшей под копытами коней, вытянувшихся в нитку гридней, что, не отставая, летели следом за ним. Скакал через снега и метели, леса и замёрзшие реки, не зная ни сна, ни отдыха. Мчался, почти не слезая с седла. Коней измочалил, людей утомил, а только как он ни торопился, всё одно – опоздал воевода.

Рязань была мёртва. *«И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался в город Рязань, и увидел город разоренный, государей убитых и множество народа полежавшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распляясь в сердце своем»,* – вот что говорит об этом «Повесть о разорении Рязани Батыем».

После того как монгольское войско оставило взятый приступом город, тот словно обезлюдел. Все, кто её защищал, погибли в оборонительном кольце стен.

Не было у него больше ни семьи, ни дома, ни Родины, всё испоганили, осквернили, уничтожили чужеземцы. Уезжал – гордо стоял стольный город-страж, первенствующий в своей земле. А приехал... Что от всего этого осталось? Только ветер и тьма, да обгорелые остовы деревянных строений стоят скелетами, да чёрный падальщик-ворон хрипло каркает над окоченевшими трупами. Не осталось и следа былой красоты.

Покидая город, степняки подожгли, то, что ещё могло гореть. Несколько дней Рязань цвела огнём, полыхая то красным языком, то чёрным, и некому было потушить этот пожар. В этом огне и истаял сказочный город, обратясь в груды рдеющего угля. Те немногие, кому посчастливилось уцелеть, попрятались в лесных чащобах, затаив там до времени, пока враг не уйдёт. И поэтому когда колючий зимний ветер сам успокоил пламя, то оказалось, что на том месте, где стоял цветущий город, осталось лишь черное пепелище. Теперь хозяином здесь был только ветер. Он один гостил на омертвевших улицах и площадях Рязани. Тихо ворошил он холодный пепел и пел свои тихие-заунывные песни мёртвым, укрывая их снежным саваном.

Всё, к чему бы степной хан Батый ни прикасался, всё, на что ни обращал свой хищный и жадный взор, всё превращалось в руины, запорошенные белым снегом.

Коловрат внимательно смотрел по сторонам, точно силился узнать что-то или найти – и никак не мог, или узнавал – и поражался, не веря, что такое вообще возможно. Все вдруг объединилось в нем – и своя, и чужая боль. А на душе все черными тучами заволокло. Глаза его повлажнели, руки у него дрожали. Горе, страшное горе придавило его к земле, но не согнуло, не убило. Теперь не к богу зывали его мысли, а к ненависти.

«Ваша кровь не останется неотмщённой!» – про себя рычал он, никогда иначе не успокоиться его душе.

Долго Евпатий бродил меж руин в поисках живых, но не нашёл никого. Город был пуст, как будто покинут всеми: и людьми и призраками, одни собаки обитали в оставленных людьми жилищах. Жутко озлился Евпатий на врага. Был он из той категории людей, кто не оставляет оскорбление безнаказанным. С этого момента месть сделалась главной задачей его жизни.

– Плохо хан меня знает, если думает, что злодеяние сойдет ему с рук. И в могиле глубокой не скроется он от моего праведного гнева!

Готов боярин был броситься по бездорожью в погоню за огромным монгольским войском, которое сытой чёрной змеей уползало от Рязани, чтобы уничтожить то, что ещё не подверглось нападению. Однако по натуре был он человек весьма рассудительный и понимал, что одной дружины ему для такого дела будет мало, и стал он собирать своё войско.

В течение последующих нескольких дней Евпатий разыскал много беженцев из Рязани. Многие выжили только потому, что умели обращаться с оружием или обладали необходимыми знаниями местности. После взятия столицы они прятались по лесам. Были и те, кто стекался под его знамёна из окрестных мест. Им нужен был сильный и умелый предводитель, а Евпатий как раз и был именно таким человеком. Он завоевывал себе право на власть над людьми личной доблестью, умом, преданностью долгу. Опыта управления людьми у него было в достатке. Не раз Коловрат участвовал в битвах и походах, и битвы эти были суровыми.

Зная про то, шли к нему ратники, желающие покарать поганных, отомстить за поругание отчизны. Те из бойцов рязанских, кто уцелел в предыдущих сечах, мечтали вновь поквитаться с безжалостным врагом. И собирались. И приходили. На конях, в оружии и с припасом, имея достаточный запас сулиц и стрел, и топорщилась порой из их мешка вяленая полть или круг сыру. Много среди них было тех, кто умел решать свои проблемы самостоятельно, а зачастую и в одиночку. Каждому находилось применение по его способностям.

Так, капля по капле, человек по человеку и набралось у Евпатия целое войско.

«И собрал небольшую дружину – тысячу семьсот человек, которых Бог сохранил вне города».

Правда, такое количество собралось не сразу. Только в сказках такое бывает, что топнул ногой – по щучьему веленью, по моему хотенью, и набежали добры молодцы. В жизни всё иначе. На всё нужно время. Но даже тех, кого удалось собрать по первой поре, было достаточно, чтобы начать партизанскую войну, и Евпатий начал действовать, доставляя врагу большие неприятности.

Началось всё так.

Чтобы разобраться в обстановке, нужна была база, опорный пункт, укромное место, пусть даже на короткое время. И такое у Евпатия на примете имелось. Места там были на редкость глухие и тихие. Селенья если и встречались, то небольшие. Однако в первом же из них едва не стряслась беда.

Где-то по той дороге, что двигался его отряд, должна была стоять деревня, а от неё до места было рукой подать... Коловрат прищипорил коня. Вот тут он и увидел испуганного парнишку. Поравнявшись с отрядом, тот, чуть отдышавшись, пугливо придвинулся к богатырскому коню и принялся умолять всадника, заклиная Христом Богом, чтобы они завернули в деревню.

Он понизил голос:

– Степняки. Их отряд ворвался в нашу деревню... что находится на несколько вёрст дальше. Они грабят... убивают... жгут... насильничают. – Его голос задрожал. – Останови супостатов!

Озадаченный пламенной речью предводитель некоторое время, прищурившись, молча смотрел на подростка. Видимо, что-то прикидывая в уме. Тот переминался с ноги на ногу, чувствуя себя неудобно.

– Так вот почему до нас доносится запах гари, – пробормотал он себе под нос.

– Помогите, всех ведь перебьют, – в который раз затянул мальчишка, затравленно озираясь по сторонам. Могло показаться, что тот, кто вёл отряд, ещё сомневается, на самом же деле решение было уже принято. Глубокая морщина пролегла между его нахмуренных бровей, из-под которых сверкнули ледяные синие глаза, и ребенок, встретившись с ними взглядом, поразился их жестокому, ястребиному выражению.

В бездонных глубинах этих глаз начало разгораться странное пламя.

– Жизнь – за жизнь, – произнёс он твердым голосом привыкшего повелевать человека и тронул коня. Чувство мести моментально захватило его с головой, и он тут же ощутил, как к горлу подкатывает тяжёлая, густая волна ненависти, а кровь быстрее побежала по жилам. Хотя всаднику казалось, что им движет лишь желание спасти соотечественников от нависшей над ними опасности.

– А вы-то чьи будете? – поинтересовался мальчик на прощанье у предводителя. – Владимирские али черниговские?

– А тебе на что?

– За кого Господа Бога молить?

– Мы русские, – сказал Евпатий, – а служим князю Рязанскому.

Мальчик остался стоять у дороги, шмыгая носом и провожая взглядом так вовремя неведомо откуда взявшийся отряд и его широкоплечего вождя, уверенно ринувшегося в сторону родной деревни.

Деревня стояла на том же месте, что и прежде, но чувствовалось, что-то нехорошее происходило в ней. А происходило следующее.

Сотник подъехал к поверженному воину, лежавшему неподвижно, но даже сейчас не выпустившего из рук меча. Таких бойцов ему доводилось видеть не часто. Несколько секунд он смотрел на него, ухмыляясь. Он был доволен, казалось, что он сейчас замурчит, как объевшийся сметаны кот.

Что ни говори, а дело было сделано, пора было собирать добычу и сгонять в кучу оставшихся в живых жителей деревни. Их путь лежал обратно, туда, где сам Батый ждал и провизии и пленных. Торчать в этой дыре больше не было необходимости.

Вдруг откуда-то сбоку, нежно прощелбетав и больно расцарапав своей острой гранью сотнику щёку, прилетела русская стрела и хищно впилась в хребет оказавшегося с ним рядом воина. Тот не удержался в седле и упал прямо под ноги его коня. Конь шарахнулся в сторону, едва не выкинув сотника из седла. В то же самое время на другом конце села раздались встревоженные крики его людей. Видимо увлечшись грабежом и уверовав в лёгкую победу, они прозевали невесть откуда взявшихся мстителей, шедших, судя по всему, за ними по пятам. Теперь надо было спешно убираться самим, стало не до добычи.

Сотник был опытным воином, но в этот раз ему изменили его инстинкты, и он слишком далеко углубился в русские пределы, которые считал безопасными. После всех побед он почувствовал себя беспечным, и удача первый и последний раз отвернулась от него. Монголы резво попрыгали в сёдла своих небольших коней, сгрудились единой тучей и понеслись вон из разрушенной деревни, спасая свои жизни. Но в этот раз уйти им не удалось. Бежать им было некуда. Десятка два русских конников в ладных кольчугах врезались в самую гущу степняков и остервенело рубили их направо и налево, будто капусту. Степняки защищались слабо, легкие

щиты плохо уберегали их от ударов тяжелых мечей. Монголы пытались развернуть коней и вырваться другой стороной, но их уже безнадежно окружили подошедшие русские отряды.

Тех, кто выжил в сшибке, обезоружили, сбросили с коней, отобрали несправедно нажитое и согнали на середину разоренной деревни, где они стояли, сбившись плотной кучей.

– Ну а с ентими что будем делать? – спросил гридень воеводу, показывая на пленных. Евпатий ответил не сразу.

Много в нём за последнее время накопилось горечи. Он хотел, чтобы эти люди страдали так же, как они заставили страдать его народ, пришло время рассчитаться с ними сполна. Он хотел, чтобы каждый степняк знал, час расплаты близок.

Вдруг кто-то позади него сказал:

– Кончить их на месте, и конец. Селенье разорили – пущай головой расплачиваются.

Растравленный оскорблением человек бывает жесток. Эта жестокость была ответной мерой, и творил Евпатий её не из удовольствия и не ради неё самой.

Знак мести Евпатия был ужасен. Так появилась первая надетая на шест голова.

Выпачканная кровью и пеплом, с выпученными от страха глазами и злобным оскалом, она торчала на колу. Но зло за зло! И мало того, что враг перестал жить!

Своим поступком Коловрат показал врагам свою меру мести и то, насколько он их ненавидит. Да, расправа была эмоциональна и не дозированна, но этот его жест продемонстрировал главное: он татар не боится, он их сильнее, и придёт время, когда он явится за их головами, когда он скрутит их в бараний рог.

Первым наткнулся на знак мести, оставленный рязанским воеводой, отряд из улуса Джучи, там были собраны отборные головорезы, прошедшие всю Среднюю Азию и пускавшие кровь булгарам. Таких, как они, черти в аду ждут не дождутся, но при виде содеянного в глазах степняков застыл суеверный ужас.

Сотник был мёртв. У него были отрублены кисти рук, а в груди торчал его собственный кинжал, пробивший его насквозь. На рукоятке оружия сосульками замёрзла кровь его хозяина. Голова взирала на всё это безобразие, тараша глаза. Остальные тела были тоже не в лучшем виде. Будто их обработала голодная стая диких зверей.

Монголам на миг показалось, что мёртвые ожили на этой выжженной и обезображенной земле, чтобы поквитаться с недругом за все надругательства.

С этой минуты Евпатий со своими людьми не прятался, скорее наоборот, выставлял свои действия напоказ, чем бесконечно злил врага, но чем и пугал его. Он убивал по одному и группами. Убивал мародёров да тех, кто по своей неосмотрительности или безалаберности углублялся в лес и развешивал их по деревьям для острастки. Любой отставший от отряда воин не мог чувствовать себя в безопасности. Смерть зазевавшихся или отставших от основных вражеских бойцов сил ждала страшная и лютая. Кто на них нападал, татары не ведали и в силу своего суеверия считали, что это грозные русские духи мстят им. Немногочисленные оставшиеся в живых, до смерти напуганные свидетели только и видели, что сверкающие на солнце панцири да шеломы. И всё...

Партизаны поджидали их, казалось, уже везде и повсюду, шли по следам и нападали при первом удобном случае и никого не жалели. Отрубив по традиции погибшим монголам головы и насадив их на кол, Евпатий нарочно оставлял их на пути отслеживающих его врагов. Как знак, как символ, как напоминание. В лагере стали считать, что встреча со злобным воеводой сулит несчастье. Даже отважнейшие воины страшились темноты леса. Видимо, этому Коловрату помогают сами древние боги. Войдя во вкус, Евпатий проворачивал такие операции, от которых захватывало дух.

Его маленькое войско настолько осмелело, что рязанцы стали нападать на довольно большие отряды и уничтожать их, не зная жалости. Воевода заставлял врагов мучиться от страха

и бессонницы. Только смежит набрякшие от усталости глаза – и лезут на него со всех сторон призраки: люди не люди, звери не звери, духи не духи.

Как только напряжение спадало, он делал новую вылазку.

Татары пытались защищаться. Часовые ходили днём и ночью, обшаривая округу взглядами, тревога в лагере не утихала. Цепочки воинов день за днём прочёсывали местность, сиюсь избавить себя от блуждающего вокруг их лагеря безжалостного демона. Правда, во время таких вот рейдов пропало ещё несколько отрядов.

Пробовали выдвинуть заставы вперед, но бесполезно, в первую же ночь их окружали и истребляли начисто. Партизаны, знавшие здесь каждый куст, могли в любое время дня и ночи устроить засаду, незаметно появиться и напасть, а затем также незаметно исчезнуть. Казалось, противник находится везде, всегда невидим, но зорко следит за каждым твоим шагом.

Теперь монгольские отряды могли передвигаться только по большим езженным дорогам, и только днем, и только относительно крупными соединениями.

Старые воины у татарских костров заговорили, что недобрые силы таятся в этих страшных рязанских лесах, что живут там страшные древние духи. Что иногда, в тяжёлую для своей отчизны пору, из холодного дуновенья и мёртвого шевеленья возникают, а может, пробуждаются от длительного сна созданыя не живые и не мёртвые, которые одно лишь умеют: сеять смерть и разрушение без границ. Говорили, что силы их питаются чужими страхами. Всё это было до того невероятным, что казалось дурным сном.

Русь для монголов была страна древнего чародейства и зловещих тайн.

Самые смелые и безрассудные всё ещё смеялись над такими рассказами, называли их небылицами, но желающих отправиться на поиски грозных русских духов становилось всё меньше.

Сидя на кошме у затухающего костра и пощипывая свой реденький ус, издевавший не один десяток битв монгольский сотник, назовём его Дармал, делился со своими товарищами по оружию знанием:

– Недобрая примета, что отряд задержался. Верная гибель сунуться в эти леса, а уж тем более ночью. В этой дикой и страшной стране мы чужие и стараемся не поминать жуткую нежить, особенно к ночи, чтобы не накликасть на свои головы беду. Кое-кто, излишне самоуверенный или крайне неосторожный, в этом уже убедился сам, на собственной шкуре.

Когда из моей сотни пропал первый десяток, я встревожился, но когда увидел трупы своих воинов, мне стало страшно. Головы то ли с вырванными, то ли с выклеванными птицами глазами и раскрытыми в жалком оскале ртами торчали на палках, воткнутих в сугроб. А сами они, в смысле тела, все сплошь были покрыты жуткими ранами, как будто над ними стоя голодных зверей поработала. А на груди у этих бедолаг будто были какие-то символы вырезаны. Да и головы-то были не у всех. Видимо, некоторые из них эти демоны забрали с собой. Тяжело голове без плеч, да и телу худо без головы, даже мёртвому.

Следующий пришёл черёд тангута Унке и его нукеров. Там были собраны профессиональные головорезы. Когда их нашли, было видно, что большинство из его бойцов довольно помучилось перед смертью. А ведь они также не из трусливых. Только развесили их так, что смотреть жутко. Следом за ними ещё три отряда пропало. Наши уже боятся ездить в отдалённые деревни.

Дошли слухи о грозных лесных духах, пугающих бойцов его войска, до самого хана Батая.

Не воспринял хан Батый эти сообщения всерьёз. Дал он приказ небольшому отряду своих нукеров найти этих древних духов, арканом связать и пред его грозные очи поставить.

Однако из всего отряда монгольского вернулся всего лишь один, весь ободранный да израненный, воин, и глазищи его полыхали таким неведомым ужасом, что никто не мог загля-

нута в них без страха. Бессильно обмякшее тело буквально вывалилось из седла. Было видно, что он ранен и вдобавок смертельно напуган.

– Где остальные, разрази меня гром? – Темник злобно тряс тело умирающего.

– Мертвы... все мертвы... – бормотал тот как в бреду.

– Что значит – мертвы? Да говори ты, мерзкий ублюдок, что произошло!

– Мы добрались до деревни, где должен был стоять его отряд, под утро, пока все спали, – пробормотал воин, приходя в сознание. – Казалось, они нас не ждали. В деревню вошли без проблем. Всё шло как нельзя лучше. Вдруг из ниоткуда посыпались стрелы... Они появились из-за деревьев, и от них было не уйти...

– Ты их видел? Как выглядит этот Коловрат?

– Как сам Шолмос, демон-людоед, ведь он, оборотень, может принять любую личину, но я из его лап вырвался! – выдохнул воин. В его глазах горел суеверный страх. Их лиц под забралами не видно. Они неуязвимы и сражаются двумя руками, даже не прикрываясь щитом. Возможно даже, это вообще не люди. Возможно, это древние боги мести, и за ними всегда ходит волчья стая.

– Трус, – рассердился темник. – Чтобы спасти свою жалкую жизнь, ты бежал от врага быстрее, чем суслик от коршуна!

Призвал тогда Батый самых опытных и отважных командиров.

– Надеюсь, вы ни единому слову из этих сказочек не верите? – грозно прорычал он.

И послал второй отряд, больше прежнего, но в этот раз не вернулся вообще никто. Остались от его людей лишь меховые шапки с наушниками да дохи, сильно ободранные.

И в третий раз разъярённый хан Батый послал разыскать в лесах и принести ему на блюде головы обидчиков. Нужно было монгольскому хану это лесное чудовище одолеть. Подчеркнуть могущество своё и поднять боевой дух приунывших воинов.

В этот раз послал хан за головой Евпатия самых остроглазых следопытов, да только немногие из них воротились, а кто воротился, то вернулся ни с чем, ибо хитрый Евпатий ушёл от погони и следы запутал так, что вовек татарам его в этих лесах не сыскать. В третий раз удалось рязанскому боярину выскользнуть из капкана.

Ужас тогда всех татар обуял.

Страх не лучший спутник воину, к тому же монголы были суеверны. Бороться с людьми – это одно, а с мертвецами или ещё какой нежитью – совсем иное.

Долго размышляли командиры, как в этой ситуации лучше быть и что предложить своему хану, но поняли, что прочесать всю местность, охваченную партизанским бедствием, они не смогут. Всё одно уйдёт от них враг неведомыми тропами. Ускользнёт, как и раньше, только силы и время будут потрачены впустую. «Видно, и впрямь водится он с нечистой силой?» – думали они. А раз так, то одолеть обидчиков можно лишь хитростью. Сейчас же гоняться за ними да хитроумные ловушки строить нет времени. Надо просто двигаться дальше и дальше в русские пределы, а там их ничья карающая десница уже не настигнет!

Пора было уходить из рязанских земель, и последние монгольские отряды покидали их с затаённой радостью, оставляя разгневанных местных богов в своих дремучих непроходимых и страшных лесах.

Двигалось монгольское войско вперёд, осторожно рассылая перед собой разъезды, чтобы предостерегали они монгольского хана от возможной напасти, да узнавая, какая впереди дорога.

У Евпатия аж защемило сердце от обиды, когда один из разведчиков доложил ему, что враг уже пересёк границы суздальской земли.

Воевать на такой же близкой и родной, но такой же чужой земле Евпатию ещё не доводилось. Да и местность здесь он знал много хуже.

И возможно, уже не осталось никакой надежды встретиться с мерзавцем, который убил его семью, разорил имение и выпустил обезумевших нукеров на детей и женщин, чтобы те насладились юными телами среди дыма, огня и рушащихся балок, пока город исчезал с лица земли.

Сама мысль о Батые вызывала в Коловрате глубокую жгучую ярость. И тот, кто заслужил эту ярость, должен заплатить, по крайней мере, за одно из своих несчетных преступлений.

Казалось, всё, ушёл Батый от мести отважного рязанского боярина. Да только действительно плохо он знал характер русских богатырей. Помчались они дорогой мести, а ненависть не имеет ни предела, ни границ.

– Не бывать татарину в покое, пока он землю русскую разоряет, – так решил Евпатий Коловрат!

Мстительные рязанские духи подстерегали татар и в суздальской земле.

Кроваво-красный диск дневного светила медленно погружался за линию лесного окоёма. Зимний день кончался так быстро, будто не успевал и начаться. Солнце уже коснулось горизонта, и зарево заката быстро померкло, а лунный свет пробивался сквозь лес с трудом. Одна за другой на чёрном покрывале неба зажигались размытыми жёлтыми пятнышками звёзды, наполняя ночной лес призрачным шепотом ночи.

За каждым заснеженным кустом, в каждой яме и сугробе, казалось, притаился кто-то враждебный, подстерегающий отважных монгольских богадуров. Деревья вокруг принимали угрожающие очертания. Каждое корявое деревце представлялось жутким монстром, каждый дрожащий от зимнего ветра куст – призраком. Неприятный холодок пробежал по коже, жутью сжимались их сердца. Казалось, этот лес просто переполнен смертью. Призрачной смертью, поджидающей свою добычу за каждым стволом. Возможно, лес вёл свою охоту на людей.

Вокруг никого не было, только на противоположной стороне дороги что-то серое шмыгнуло в кустах, слегка шелохнув ветку. Всадник почувствовал зловещую угрозу, таящуюся в непроглядной тьме среди деревьев. Это было еще ни разу не испытанное чувство – не просто страх, а нечто более сильное, охватившее сразу все его существо. Глаза напряжённо всматривались в чащу, стараясь различить малейшие следы чьего-либо присутствия. Кто знает, что может скрываться в темноте? Рассвет наступит не скоро, а когда наступит, его, возможно, уже не будет в живых.

Всадник снова всмотрелся в обманчиво тихие заросли. Здешние края для него были дикие и небезопасные. Ничего не было видно, но десятника не покидало ощущение, что за ним наблюдают чьи-то глаза. Возможно, это глаза ужасного существа, не принадлежащего этому миру. Что в чаще таится? Поди угадай. То, что таилось под покровом ночи, запросто могло нести смерть неосторожному воину. В народных преданиях много говорилось о неуязвимых духах, рыскающих среди развалин, о вооружённых мертвецах, не ведающих жалости. А ну как и вправду высунется из-за зеленой стены какая нечисть, захохочет надрывным голосом, схватит за ногу да и стащит с коня, а то и вместе с конём уволочёт в дремучую чащобу. Разыгравшееся воображение рисовало картины одна кровавее другой. Он поежился: страшно ему от смутных мыслей. В довершение ко всем напастям луна спряталась за облаками, и густая тьма сразу окутала отряд. Всадник напрягал зрение, всматриваясь в тёмные заросли.

Ехавшие следом за ним нукеры негромко переговаривались между собой.

– Говорят, что этот Коловрат, весь поросший чёрной шерстью, вылезает по ночам из-под земли, разбуженный громкими разговорами или свистом, и убивает нас одного за другим.

– Всякое говорят. Я вот слышал, что он имеет бычью голову с тремя глазами.

Десятник резко повернулся в седле:

– Молчите, не то навлечёте на себя беду.

И как в воду глядел.

Их уже поджидали.

Это были люди Евпатия. Две тетивы тренькнули одновременно. Оба монгола, недавно ведущие беседу, разом свалились с коней. Раздался запоздалый предупреждающий крик. Степняки остановились. Ещё двое всадников слетели с сёдел. Испуганные кони шарахнулись прочь, волоча за собой своих хозяев. Пока монголы один за одним падали с коней, русские лучники, укрытые за деревьями, оставались невредимы. Монголы стреляли в панике, наугад. Однако они быстро пришли в себя. Перестроились и, вместо того чтобы спешиться и занять оборону, только прищипорили коней, чтобы скорее вырваться из ловушки.

Как говорит древний свиток: *«И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской»*.

Известия об очередных смертях были рязанскому воеводе на руку. Дурная слава леса заставит монгольские отряды обходить их стороной.

Однако, используя раз за разом свой страшный ритуал, Евпатий невольно ощущал всю тщетность прилагаемых им усилий. Убитые были враги, но все они были лишь марионетки в руках того, кто привёл их в русские земли и дал приказ убивать. Ему нужна была голова самого Батия. За ней, и только за ней он теперь и вёл охоту.

Слухи расходились быстро не только среди монголов, но и среди местного населения.

Говорили, что Евпатий воскрес из мертвых, чтобы отомстить за смерть своих близких. В чём преуспел, вот теперь монголы за ним и гоняются. Рассказывали, что он первым вскакивал на коня и начинал битву, что день и ночь не снимал доспехов и никогда не отстёгивал меча.

Воодушевлённые его борьбой, люди поодиночке и группами стекались под знамёна Коловрата. Теперь у него собралась небольшая армия. Тысяча семьсот бойцов. И не было среди них ни единого человека, у кого в семье от рук поганных не погиб хотя бы кто-то близкий. Ярость вела их в бой, и никакой кровью её было не утолить.

Было решено, что на первое время ополченцы и добровольцы поучатся в военном деле у опытных воинов, как держать в бою строй, чем встречать степных всадников, и другим воинским хитростям.

У боярина была чёткая цель. Она требовала усилий и действий.

Глядя на свои увеличивающиеся силы, Евпатию думалось: «Теперь берегись, Батый, доберёмся, всю душу из тебя, собаки, вытрясем!»

Суздальская земля, Владимирская, Рязанская – всё одно Русская. Здесь он достанет Батия, пусть придётся преследовать его до самого Киева! Правда, Евпатий уже знал, что так далеко идти не потребуется.

– Что ты задумал? – спрашивали его соратники, но Евпатий только плечами пожимал.

А замыслил он дело безумное и невозможное, а именно убить самого степного хана. Умрёт хан, и остальное войско разбежится. Сумасшедший по своей отваге и дерзости план сам по себе всплывал и формировался у Евпатия в голове. И он не боялся ни трудностей, ни риска в приведении его в жизнь.

Заминка была в одном: как и где осуществить его на практике?

Нужен был человек с хорошим знанием местности. Проводник.

Долго такого искать не пришлось.

Не чужой это был Евпатию человек, не в один поход они вместе хаживали. Бывало, хлеб и соль делили они между собой. Правда, давно это было. С той еще поры осталась у проводника нехорошая метка – выбила ему стрела левый глаз.

Войдя в шатёр, проводник снял шапку, сунул ее под мышку и перекрестился.

Евпатий перешёл к делу незамедлительно, едва поприветствовав собеседника, тут же спросил:

– Тебе знакомы эти места?

Проводник не привык тянуть с ответом, поэтому ответил без малейшего промедления:

– Как свои пять пальцев.

Евпатий едва заметно улыбнулся.

– Как думаешь, в каком лучше месте устроить засаду на Батю?

Вопрос Евпатия на самом деле был не так прост, воин это понимал. Шанс застать Батю врасплох может быть единственным, тут ошибиться нельзя, второй попытки не будет, да и за эту будет заплачено многими воинскими жизнями.

В этот раз он ответил не сразу, а после недолгой паузы, предварительно сдвинув брови к переносице и потеряв ладонью подбородок:

– Есть одно место, для засады удобное, да пройти им больше негде будет.

Евпатий с ходу ухватился за эту мысль, откинув прочь все другие возможные варианты. Ход операции, все её стадии возникли перед мысленным взором Евпатия и выстроились в чёткой последовательности. В голове ясно созрел план, позволяющий надеяться, что его довольно рискованное предприятие может оказаться и успешным.

Задача была тяжёлая, но непосильной не казалось.

Сначала соратники попытались отговаривать Евпатия от этого намерения. Возражали. Приводили доводы.

– Со столькими мы не справимся, – говорили они. – Тут надобно целое войско.

Но когда убедились, что Коловрат и не помышляет об отказе в своём неизменном упрямстве, то, покряхтев и посопев, решили все как один идти с ним.

На самом деле план был неплох, однако весьма и весьма рискован. Любая промашка в его исполнении грозила смертью Евпатию и всему его воинству.

– А хватит ли у нас для такой попытки людей? – переспросил воеводу один из его ближних людей, синеглазый и русоволосый.

– Больше воинов всё равно нет, да и взять неоткуда, а раз так, значит, хватит и этих.

Молодец медленно склонил толстую шею, без слов соглашаясь с Евпатием.

Даже своему злейшему врагу он бы не пожелал столкнуться лицом к лицу с сотней таких, какие были в отряде Евпатия.

А боярин продолжил:

– Попытка не пытка, не удастся достать здесь степного хана, значит, вместе с верными воинами окончу я жизнь, мстя за позор и страдания рязанцев. И будут тогда про нас кощунники в былинах петь да мужики рассказывать бабам на посиделках.

Гибель его действительно не пугала, может, ему и придётся умереть, ибо таков удел всех смертных, но он умрёт с оружием в руках, как подобает мужчине, не показывая врагу спину. А отдать жизнь за отчизну – что может быть для русского богатыря почётнее.

Однако даже опытный в ратном деле воевода не мог предвидеть, какие трудности ждут их на пути к намеченной цели. Точно знал он лишь одно. Евпатий Коловрат не станет удирать.

В последующие несколько дней Евпатий провёл большую работу по сбору, сортировке и анализу информации.

Выведав путь, которым двигалось татарское войско, они обогнали его и устроили засаду в том месте, которое указал проводник. Не обманул одноглазый – дорогу знал хорошо, по лесу шел не плутал, наизусть зная все повороты и тропки, будто топал у себя в огороде. Партизаны ещё в сумерках прибыли на место и удобно расположились вдоль дороги, по которой должны были пройти монголы.

Настроение у всех поднялось, потому что каждый видел преимущества занятой ими позиции.

Евпатий решил разделить свои силы и укрыть отряд надёжных рубак в ближайшем перелеске, чтобы в двух местах ударить по монголам. Знал, что степняки слабы морально.

А тут ещё и с погодой повезло. Зимняя метель сыграла им на руку, заметя все следы и одурачив вражеские передовые разъезды. Снег падал на землю большими пушистыми хлопьями, падал спокойно, ровно, будто во сне. За ночь навалило снегу коням по брюхо...

Оставалось лишь ждать.

Обычно спокойный и сдержанный, Евпатий в этот раз нервничал. Сегодня он хотел встретиться с Батыем лицом к лицу и рассчитаться за разорение родной Рязани, за родных и близких, за сожжённый город, за грабежи и убийства, за осквернённую Родину. Он то и дело осматривал своего боевого коня, проверял, легко ли выходит из ножен острый как бритва меч.

Наконец долгожданный час настал.

Запыхавшийся разведчик донёс, что орда приближается.

Монголы шли спокойно, как по уже покорённой территории, не ожидая большого сопротивления. Только многочисленные конные разъезды сновали в поисках врага.

– Отлично! Теперь главное – не спугнуть! Чтобы раньше времени не заподозрили, – потёр руки Евпатий. Глаза его блестели тем же металлическим блеском, что и его верный меч, до поры до времени укрытый в ножнах.

Через минуту весь отряд стоял в напряжённом ожидании, готовый по первому сигналу двинуться на врага.

Возможно, в последний раз на Евпатия преданно глядели обветренные лица молодцов, привыкших к делу, а не к словам, из тех отчаянных, что лезут по ночам в терема посадских женок, да пьют, пока держатся на ногах, да славно дерутся в кулачных боях. Из тех, что не предадут и не отступят.

– Смерть, други мои, дело не страшное, – говорил он им. – Все мы однажды умрем, да, как говорится, не в одно время. Ну а куда мы все живы, будем до капли крови биться... Стоять насмерть и до конца. Тогда побежит враг. Поскольку не будет у него иного выбора.

Он прекрасно представлял, что бой предстоит нешуточный.

– Как думаете, побьем врага? – спросил Евпатий, обращаясь к дружине.

– Побьём так, что пух и перья полетят! – отозвался могучий всадник, выдвигаясь вперёд.

– С тобой, Евпатий, сам черт не страшен, – отозвались в толпе нестройные голоса. – Не оробеем.

– Выстоим. Чай, у себя дома...

– Немало их. Работы непочатый край! Но ничего, где наша не пропадала! – Молодой воин, широкий в плечах, задорно тряхнул головой. – Может, они от одного нашего вида ошалеют да разбегутся?

– Тебя увидишь, точно побежишь. Смотри, сам стал на лешего похож, одним своим видом их всех распугаешь, – в тон ему отшутился Евпатий.

Прошло ещё минут сорок в напряжённом ожидании...

– Всё в порядке! Втягиваются, ничего не подозревая! Сейчас мы научим их жить! – доложил разведчик, бесшумно вырастая за спиной командира.

Вокруг всё странно вдруг затихло, будто образовалось мёртвое поле.

Вдруг непонятный нерусский говор и равномерный стук заполнили собой оставшееся пространство. Двигались они размеренно, ничего худого не опасались. Впереди шел большой конный разъезд из лучших всадников Батыя. За ним, прикрывая обоз, двигались конные тумыны. Замыкала колонну гвардия из числа тысячи лучших бойцов, в её задачу входила защита ханской жизни. Из всей огромной монгольской армии именно они были отобраны за мастерство владения оружием и непоколебимую верность. Арьергарда не выставляли, поскольку враг мог ждать только спереди.

На всём белом снежном покрывале не видно было и малейших подозрительных следов, намекающих на присутствие врага. Успокоился хан, посчитав, что отстали грозные духи от него, вернулись в свои леса и вновь впали на морозе в свою долгую спячку, насытившись монгольской кровью. Ничего не ёкнуло у него в груди.

До темноты оставалось ещё несколько часов.

Нетерпение всех партизан, притаившихся в засаде, достигло высшей точки.

Вдруг несколько всадников справа и слева с воем завертели на земле. Колонна, не ожидавшая нападения, в ужасе заметалась, не понимая, кто и откуда стреляет. В этот момент раздался грозный посвист богатырский, от которого лес расступается, а добрые кони от страха на колени падают. Не успел он отшуметь, как раздался боевой рёв рязанского отряда: «Бей, руби!» Это сам Евпатий Коловрат напустился с товарищами на татар.

Возникли они, как из снежной пыли, в своих горящих на солнце кольчугах и ринулись на передовые полки вооруженных до зубов татарских всадников, не считаясь с их числом. Червлёные щиты алели густой яркой кровью.

Отряд русских воинов ураганом налетел на монголов и окончательно смял их ряды.

Всех, кто оказался на пути конной русской лавины, просто снесло: коней, всадников, пехоту. Впереди всех, рассыпая удары направо и налево, мчались трое. Глазами они выискивали Батю. Молодой широкогрудый воин с голубыми глазами бесстрашно врезался в самую гущу монгольского войска, сшибая врагов грудью своего мощного скакуна.

Наконец-то сгоравшие от нетерпения партизаны смогли дать выход долго копившейся у них ненависти. Три сотни монгольских всадников полегли на месте, не успев глазом моргнуть.

– Наддай!.. Наддай! – кричал одноглазый проводник, широко разева рот. Топор взлетал и опускался над его мокрой, взлохмаченной головой.

Пошла между русскими и татарскими богатырями сеча жаркая. Сражались так, что воздух дрожал и звон от столкновения стоял оглушительный, будто столкнулись две стихии.

Сверкали мечи, сыпались могучие удары, слышались звериные хрипы, падали сражённые люди, дико ржали, вздымаясь на дыбы, озверевшие кони. Грозный вой смешался с неистовыми воплями, а стоны переплелись с проклятиями на разных языках.

Казалось бесконечным могущество русских бойцов, будто бы, даже погибая, они многократно рождаются заново. Ибо смело шёл один русский воин на десяток, а двое на сотню. Такое зрелище не для слабонервных. Видно, не люди это напали, а те духи лесные древние да грозные, и потому не боятся они простого оружия, и нельзя их убить, ибо они итак восстали после смерти.

Никогда татары такого не видывали, никогда с такой силой не сталкивались, и ужас объел их воинство. Оно превратилось в плотную, крутящуюся на месте толпу возбужденных коней и резко визжащих людей.

Неразбериха царил полная, некоторые отряды бросились врассыпную, завывая от ужаса. Страх воинов был неподдельный. Мистика часто обрастает паникой, и она разгоралась. Это было следствие ужаса, испытанного к бесконечным смертям. Испугаешься, когда группа озверевших русских дружинников рвётся на тебя с окровавленными мечами наготове, разрывая всё на своём пути в клочья.

Плотный строй монголов дрогнул, на мгновение расступился и пропустил русских богатырей.

Видя, что дело плохо, что испуганные бойцы его всё быстрее откатываются назад под напором русских богатырей, замыслил Батый взять у них языка. Чтоб увидели все его воины, что напали на них всего лишь люди, пусть и отважные, но всё же живые, в жилах которых течёт тёплая красная кровь, а значит, которых можно убить. Суеверный страх своих недалёких подданных Батый по-прежнему не разделял. И возвестил хан, что тому, кто Евпатия-богатыря или кого-то из его товарищей изловит и к нему приведет, одарит он по-царски. Ничего для героя не пожалеет. Пусть просит всё, что захочет.

Бросились татарские герои исполнять волю ханскую, да только многие из них сами нашли свою смерть от русских острых мечей. Тогда пустились они на хитрость. Видя, что близко подбираться к русским богатырям опасно, попытались они оплести их арканом прочным, свитым из волоса их степных кобылиц. И получилось!

Удалось завоевателям захватить пять человек из войска Коловрата, обессилевших от многочисленных тяжелых ран. Привели их к Батыю, и спросил их попиратель Вселенной: *«Какой вы веры, и какой земли, и зачем мне много зла творите?»*

Но они, окровавленные и обессиленные, чувства собственного достоинства не теряли и отвечали гордо хану: *«Веры мы христианской, слуги великого князя Юрия Ингоровича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингоровича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаи на великую силу – рать татарскую».*

Ни один мускул не дрогнул на жёлтом лице Батыя. Только в щёлках глаз блеснул опасный огонёк.

– Убейте их! – приказал хан. – И убедитесь, что кровь их такая же красная, как у наших батыров! Вонзите в них свои клинки, и вы увидите, что они также смертны!

Десятки сабель вонзились в тела русских воинов, и приняли они свою смерть как и положено героям.

Теперь, когда опомнились татары, численное преимущество стало сказываться.

Монголы уже заметили, что партизан не так уж и много, как им показалось вначале. Теперь они постепенно окружали отряд Евпатия, охватывая кольцом, отрезая от леса и не давая им укрыться в спасительной чаще.

В суете боя молодой синеглазый боец оторвался от своих друзей и дрался в одиночку, круша тяжёлой палицей немые монгольские головы.

– Хорошая драка, – сказал он весело. В эту самую минуту монгольский сотник привстал на стременах, взмахнул своей кривой саблей и изо всех сил рубанул замешкавшегося юношу по голове. Если тот даже и успел заметить движения, то уклониться ему не хватило времени. Он покачнулся в седле и упал лицом вниз. Испугавшаяся лошадь, потерявшая седока, рванула в галоп и ещё несколько десятков метров волокла за собой бездыханное тело всадника. Потом его нога выскользнула из стремени, и он остался лежать в снегу, а лошадь унеслась прочь.

Дела складывались всё хуже. Оказавшийся за спиной Евпатия монгол торопливо ткнул саблей в левое бедро. Надёжная кольчуга выдержала удар, но это означало, что отряд окружен. Евпатий с трудом заставил коня повернуться и опустил, прикрываясь, щит. Монгол на секунду замешкался, прикидывая, как лучше атаковать, – и этой заминки Евпатию было достаточно, он рубанул зазевавшегося степняка по лицу. Быстротой своих движений он мог поспорить с хищным зверем. Тот со стоном свалился наземь, больше признаков жизни не подавая.

До этого момента все шло точно так, как предвидели, только вот с концом ничего не вышло, осталось просто драться, и если не победить, то хотя бы подороже продать свою жизнь.

Не рассчитал все-таки силы своего удара Евпатий, и завязли его молодцы в монгольских построениях, так и не успев добраться до цели.

– Взять живьём! – раздался властный голос монгольского хана.

К Батыю быстрым волчьим шагом подошёл его шури́н, Хостоврул, на его голове поблескивал железный шлем. Он был знатный рубака, никто в поединке с ним устоять не мог.

– Не будет мне жизни на земле, если я не вырву ему печень и не брошу его труп на съедение собакам. Пусти хан, и я принесу тебе его голову, – сказал он, делая свирепое лицо. Сверхъестественного Хостоврул не боялся, не из той он был породы, и идея самому изловить боярина на глазах тестя показалась ему удачной, весь в нетерпении он готовился к бою.

Далеко не каждый кабан переросток, встретить шури́н Батыя ему на узкой тропинке, рискнул бы продолжить свой путь исходя из привычных жизненных принципов, то есть строго по прямой, а скорее, раскинув своими небогатыми мозгами, предпочёл бы обойти место встречи стороной. Одного веса в нём было примерно сколько и роста.

Плотные ряды телохранителей Батыя раздвинулись, и Евпатий увидел перед собой до зубов вооруженного исполина на рыжем белоногом жеребце. Тот смерил рязанского воеводу

холодным взглядом своих серых глаз и что-то проговорил, сопровождая недлинную речь знаком, показывающим, что он вызывает Евпатия на поединок. Один на один.

– Ну что ж, вот он я! – принял вызов боярин. Он был в себе уверен.

Хостоврул, устрашая противника, первым ринулся в атаку, собрав всю свою силу. Евпатий не отступил, и они сошлись грудь в грудь. Грохот от этой сшибки раздался такой, будто не два богатыря столкнулись, а две машины железных сошлись. Слишком распалился Хостоврул и мечом дубасил азартно, не давая рязанскому воеводе ни секунды передышки, но как ни старался, а так и не смог найти брешь в обороне Евпатия и вскоре начал выдыхаться и слабеть.

Тогда Хостоврул собрался с силами и выплеснул их в одной-единственной атаке.

Тяжёлый клинок Хостоврула устремился к Евпатию с такой скоростью, что человеческий глаз был не в силах уследить за ним. Однако меч Евпатия встретил клинок монгола ещё на полдороге и остановил, а потом сам так жажнул от души в ответ, что отрубил правую десницу Хостоврула по самое плечо. Упала рука татарина на снег, так меча и не выпуская, а следом за ней рухнул с коня и сам рассеченный гигант с таким грохотом, будто лавина сошла с горы. Сегодня был не его день. Пословица «за одного битого двух небитых дают» в этом конкретном случае теряла всякий смысл.

Лежал теперь шурин Батыя мёртвый перед своими бойцами, которые с удивлением и неверием смотрели на его поражение.

Так несравненный рубака нашёл свою могилу в чужих холодных землях.

– Наша взяла! – крикнул Евпатий и ринулся к Батыю. Но сорок огромнейших богатырей дружно заслонили хана, прикрывшись щитами и ошетилившись копьями. Брали они теперь числом, а не умением.

– Урагша! – издали они боевой клич монголов и кинулись на Коловрата. Только не вовремя для себя подвернулись они под руку русскому богатырю, ибо от них даже имён не сохранилось. Тело Евпатия уже покрывали дюжины глубоких ран, но он не отступил ни на шаг. Задыхаясь, шатаясь от нечеловеческого напряжения, Евпатий продолжал драться. Конь под ним был убит, и он всё шёл вперёд, по колено в крови, зверея, рубил поганых, добивал ползущих, не щадил раненых, и в глазах не было и намёка на страх.

Разных страшных людей повидал на своем веку Батый, а такого встретил впервые.

Гнев, наполнивший сердце Батыя, уже не имел предела. Заискились у него глаза, а лоб потемнел от великого гнева.

И всё же бой хоть и был решительный, но неравный. Телохранители плотной стеной окружили хана, и будто всё больше их становилось вокруг него.

Евпатий понял, что проиграл! Не добратья ему до монгольского хана, сколько сил ни истрать, сколько врагов ни убей.

Мало уже осталось его людей, уходили из жизни дружинники один за другим, падали мёртвыми в снега его друзья, да, видно, зря. Иная нужна на поганых сила.

Теперь, когда его покинули азарт и упоение битвой, он ощущал только боль, усталость и пустоту. Чем яростнее становилась атака, тем тяжелее становился меч, скоро наступит момент, когда рука, сжимающая его, ослабнет и оставит тело без защиты.

Тогда стал Евпатий собирать всех, кто ещё остался жив возле себя.

Когда татары отхлынули, на окровавленном истоптанном русле замёрзшей реки друг против друга стояли горстка израненных храбрецов и орда, несмотря на потери кажущаяся громадной.

Казалось, дай сейчас Батый приказ пойти в атаку, и они растопчут это маленькое войско, но Батый уже не хотел понапрасну терять своих людей. Уж больно много их осталось лежать бездыханными на этом поле.

Видя, что никак ему русских не взять, не сломить, приказал хан Батый своим инженерам собирать машины большие и дивные, называемые камнемётами. Далеко такая машина бросала огромный камень, не каждая стрела долетит.

– Я признаю его мужество, – сказал Батый о Коловрате. И послал к Евпатию гонца, сиречь парламентёра, который лестью пытался его купить, уговаривая устами медовыми сдаться.

Но отверг богатырь все уговоры.

Монголы ждали, когда на русских, потерявших много сил и крови, обрушится та накопленная усталость, которая в этой звериной рубке уходила на задний план. Когда она свяжет мышцы, когда все раны зануют и напомнят о себе, а мороз проберётся под одетые в кольчуги, разгорячённые тела, и горячий пот, струящийся по спинам, станет холодной влагой. Они ждали, выигрывая время и экономя силы. Ждали, когда русских воинов силы иссякнут. Когда даже щиты станут непосильной обузой.

Эта горсть рязанцев стояла прямо у хана и его орды на дороге, и обойти её было нельзя, да и негде. И вновь послал Батый с вопросом к воеводе. Чего он, Евпатий, хочет?

И получил короткий ответ – УМЕРЕТЬ!

Тогда в дело вступили лучники. Множество стрел татарских так замрачили свет, что не видно стало неба. Стрелы стегали с убойной силой. Иные застревали в мелких кольцах кольчуги, иные отскакивали от алых щитов, иные же были смертельны. Всюду лежали мёртвые, и всюду текла кровь, как вода, но продолжали стоять русские богатыри, не прогибались. Оставалось их всё меньше, но не было силы, способной сдвинуть их с места, тем более заставить бежать или сдаться.

Тогда, собрав машины камнеметательные, стали они метать в русских витязей камни, как из пращи. А камни такие, что восемь человек сильных с трудом могли поднять. Навели их на то самое место, где в рядах первых рязанских, прикрывшись от стрел щитом, находился Коловрат, и выпустили несколько камней огромных.

Похоронила холодная глыба базальтовая могучее тело богатыря под собой.

Умер Евпатий, только и успев выкрикнуть: «Рязань!!!» – боевой клич своего рода.

Но и после этого не разбежалась дружина. Встали они возле тела воеводы, намереваясь умереть там же, где пал их вождь.

Они стояли, похожие на живых мертвецов, в изодранных кольчугах с непокрытыми головами, обречённо сжимая в руке мечи.

И видел монгольский хан, что ничем этих храбрецов не сломить. И проявив неслыханное для него милосердие, *«отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых захватили в битве. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им...»*. На этом и заканчивает свой рассказ о деятельном рязанском боярине «Повесть о разорении Рязани».

Некоторые выдержки о Евпатии Коловрате из летописи и работ известных историков

«И один из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове вместе с князем Ингварем Ингоревичем. И услышал он о нашествии верного злу царя Батыя, и уехал из Чернигова с малою дружиною, и мчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустошенной: грады разорены, церкви сожжены, люди убиты.

И примчался в город Рязань и увидел, что город разорен, государи убиты и множество народа полегло: одни убиты мечом, а другие сожжены, иные в реке утоплены. Евпатий закричал в горести души своей и разгораясь сердцем. И собрал небольшую дружину – тысячу семьсот человек, которые Богом сохранены были вне города.

И помчались вслед за безбожным царем, и едва смогли догнать его в Суздальской земле. И внезапно напали на отдыхавшее войско Батыево, и начали сечь без милости, и внесли смятение во все полки татарские. Татары стали как пьяные или обезумевшие. Евпатий так бился беспощадно, что и мечи притупились, и выхватывал <он мечи> татарские, и рубился ими. Татары думали, что это мертвые воскресли! Евпатий на полном скаку сражался с сильными полками и бил их беспощадно. И сражался с войсками татарскими так храбро и мужественно, что и сам царь испугался.

И едва удалось татарам захватить пятерых тяжело раненных воинов. И привели их к царю Батыю. Царь Батый и начал выпрашивать: «Какой вы веры и какой земли? И за что мне много зла сотворили?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, слуги великого князя Юрия Ингоревича Рязанского, а воины Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингоревича Рязанского тебя, могучего царя, почтить, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу – рать татарскую». Царь же удивился ответу их мудрому.

И послал сына шурина своего – Хостоврула, против Евпатия, а с ним и много войск татарских. Хостоврул же похвастался царю, что живым Евпатия к царю приведет. И окружили всех большие силы татарские, желая захватить Евпатия живым. Хостоврул же вступил в единоборство с Евпатием. Евпатий, богатырь силою, рассек Хостоврула надвое до самого седла. И начал сечь войско татарское и многих известных богатырей Батыевых побил, одних надвое рассекая, а иных до седла раскроил.

Татары перепугались, видя, что Евпатий богатырь-исполин. И навели на него бесчисленное множество стенобитных орудий, и начали по нему бить из них, и с трудом убили его. И принесли тело его пред царя Батыя. Царь Батый послал за мурзами, и за князьями, и за санчакеями, и все стали дивиться храбрости, и силе, и мужеству рязанского воинства. И сказали они царю: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, ни отцы наши не поведали нам о таких. Ибо это люди крылатые и не имеющие <страха> смерти. Так храбро и мужественно они сражались: один бился с тысячей, а два – со тьмою. Никто не смог уйти от них живым со сражения!»

Царь Батый, глядя на тело Евпатия, сказал: «О Евпатий Коловрат! Здорово ты меня попотчевал с малою своею дружиною! Многих богатырей сильной орды убил, и много войск пало. Если бы у меня такой служил, любил бы его всем сердцем». И отдал тело Евпатиево оставшимся в живых из его дружины, которые были захвачены в бою. И велел их царь Батый отпустить, не причинять никакого вреда.

Князь Ингварь Ингоревич в то время был в Чернигове у брата своего, князя Михаила Всеволодовича Черниговского, Богом сохранен от злого того отвергающего Бога врага христианского. И пришел из Чернигова в землю Рязанскую, во владения отцов своих, и увидел ее

опустевшей, и узнал, что все его братья убиты нечестивым, преступившим Божеские законы царем Батыем» (*Повесть о разорении Рязани Батыем*).

«Одинъ изъ Князей Рязанскихъ, Ингоръ, по сказанію новѣйшихъ Лѣтописцевъ, находился тогда въ Черниговѣ съ Бояриномъ Евпатіемъ Коловратомъ. Мужество Евпатія. Сей Бояринъ, свѣдавъ о нашествіи иноплеменниковъ, спѣшилъ въ свою отчизну; но Батый уже выступилъ изъ ея предѣловъ. Пылая ревностію отмстить врагамъ, Евпатій съ 1700 воиновъ устремился въ слѣдъ за ними, настигъ и быстрымъ ударомъ смялъ ихъ полки задніе. Изумленные Татары думали, что мертвецы Рязанскіе возстали, и Батый спросилъ у пяти взятыхъ его войскомъ плѣнниковъ, кто они? *Слуги Князя Рязанскаго, полку Евпатіева*, отвѣтствовали сіи люди: *намъ вельно съ честію проводить тебя, какъ Государя знаменитаго, и какъ Россіяне обыкновенно провождаютъ отъ себя иноплеменниковъ: стрѣлами и копьями*. Горсть великодушныхъ не могла одолѣть рати безчисленной: Евпатій и смѣлая дружина его имѣли только славу умереть за отечество; не многіе отдалися въ плѣнъ живые, и Батый, уважая столь рѣдкое мужество, велѣлъ освободить ихъ. (Н.М. Карамзин).

Глава 4

Василько Константинович Ростовский

Когда разговор заходит о богатырях, то первое, что возникает в памяти, так это растиражированная миллионами репродукций картина Васнецова. На ней три великолепных героя гордо восседают на своих долгогривых боевых жеребцах, высматривая, не затаился ли где враг земли русской и не нужно ли кому прийти на помощь. Мужество, уверенность, спокойствие. На их лицах ярко выражена преданность Родине, готовность защитить её при необходимости или даже в том случае, если таковой не случится.

Гордость заполняет грудь от одного только взгляда на полотно.

Этих богатырей знают все, от сопливого мальчишки до заслуженного пенсионера. Но оказывается, были кроме них на Руси и другие герои. Реальные. И не было большего удовольствия у простых мужиков, чем спорить в свободную минуту за чаркой выдержанного мёда или кружкой тёмного ароматного хлебного кваса о том, у кого или за кем самые сильные, самые смелые, самые отчаянные, одним словом, самые крутые богатыри на Руси. Спорщики до сипа в лужёной глотке могли доказывать свою правоту, приводя примеры и расписывая достоинства героев, что вдвоём-втроем могли смело выйти на вражеское войско, а то и победить, разогнав врага мелкими группами по долинам и по взгорьям. Спор дело азартное, неуступчивое, но чаще всего он сводился к двум вариантам: Владимир или Ростов.

Мало кто мог тягаться в воинском искусстве с такими бравыми ребятами, как Юрята и Ратибор, что служили князю Владимирскому. Впрочем, собрав всю свою беспристрастность, можно было признать, что ростовские богатыри Тимоня Резанич, прозываемый Золотой Пояс, Нефедий Дикун и Тороп им ни в чём не уступают. И единственное, о чём можно было и не спорить, так это о том, что не было на ту пору славнее, удалее и сильнее во всех русских землях богатыря, чем Александр Попович. Это был богатырь из тех, о котором поют в песнях и рассказывают вечером у очагов жутковато-героические сказки. Он был виртуоз. Любимым оружием ростовского витязя была палица, и не было ни одного щита, что не разлетелся в щепы, встретившись с ней, не было ни одного богатыря, который бы выжил, попав под её прямой удар. И никакой шелом не мог спасти в этом случае своего хозяина, будь он хоть византийской работы, хоть русской. А раз так, то и первенствовал в спорах чаще всего Ростов, или, как теперь его величают – Ростов Великий.

Град Ростов, лежащий широко и свободно на берегу громадной чаши великого пресноводного озера Неро, был одним из старейших градов земли Залесской, Владимирской. Когда-то и вся волость звалась Ростовской, но давно уже уступил Ростов первенство свое в Северо-Восточной Руси граду Владимиру. Теперь кто из князей сел на владимирский трон, тот и старший среди всех северных князей, а значит, и хозяин.

Для Ростова это было печально, но он не захирел, не впал в дремоту и безвестность. По-прежнему город встречал приезжего путника криками петухов, мычаньем и блеяньем стад, людским столпотворением, горами товаров и задорными окликающими зывал. Слава его хоть и померкла, но город, великий и славный своей историей, все также гордо стоял, радуя глаз несказанною красою своих дворцов, волшебной неровностью девственно белоснежных стен церквей и простором боярских теремов, украшенных затейливой резьбой: то кружевною росписью по закомарам, то витыми колонками, то диковинными птицами и невиданными зверушками, а бывало, и сказочной вязью ветвей, перепутавшихся в дремучем лесу.

Народу жилось здесь вольготно. Всего было вдоволь у ростовцев, и земли плодородной, и дичью их Бог не обидел, и рыбы в избытке послал. Жили они себе, не тужили, шапку перед

соседями не ломали. Всё так же, как в прежние времена, многогласо шумел на главном городском торгу бойкий торговый люд, разнолицый и разноязыкий.

И те, кто беспокоился: не одряхлеют ли стены города, когда он утратит первенство своё? Не потускнеет ли его древняя красота перед лицом владимирских белокаменных храмов? Беспокоились зря. Не поблекли живые краски ростовских иконостасов!

Один из последних правителей Ростова, Константин Всеволодович, старший сын владимирского князя Всеволода Большое Гнездо, принадлежал к старинному роду суздальских Мономашичей. Он считал Ростов своим родовым гнездом и вознамерился было вернуть ему прежнюю славу и статус, но приложением усилий своих чуть было не достиг результата прямо противоположного. После небольшой, но кровопролитной борьбы за первенство в Залесской земле, окончившейся на поле под Липицей, Ростов вновь вышел на передний план. Правда, ненадолго.

Там, под Липицей, из-за нелепых амбиций встал брат на брата, а Владимир стал на ратном поле против Ростова, и давнишний спор о том, чьи богатыри сильнее, разрешился сам собой. Сошлись владимирские богатыри и ростовские грудью в грудь, глаза в глаза. А в таком бою пощады не жди. Вот и этот спор рассудился кровью. Убил в схватке богатырь Александр Попович и смелого Юрята, и горячего Ратибора.

Что ни говори, а много по вине Константина Всеволодовича пролилось русской кровушки, еще больше – слез вдовьих и сиротских. А оказалось, овчинка выделки не стоила. Константин, совсем недавно принявший всю полноту власти над землёю Залесской, очень нехотючи умер.

Князь был довольно молод, и никто не мог ожидать такого скорого конца. Шутка ли, только закончился передел, и вновь в одночасье остались Владимир, Суздаль и Ростов без головы. Кого сажать на пустующий стол, вопросов не возникало. Власть переходила к одному из его младших братьев – Юрию, которого Константин и выжал с этого места вопреки батюшкиному завещанию. Правда, была тревога, не пролилась бы новая кровь.

Но все беспокойства оказались напрасны. Юрий был владыка милостивый и справедливый. Он не собирался никому мстить. У владимирского князя были свои недостатки, но мстительность, злопамятность и вероломство были не из их числа.

Сам Ростов, чья слава вновь померкла, перешёл во владение старшему сыну Константина Василько, который был на ту пору ещё совсем ребёнок, ему не исполнилось и восьми лет. Возраст невелик, но пусть и номинально, он всё равно становился правителем. Теперь его именем вершатся все ростовские дела.

Смерть отца оказалась для Василько не единственным горем. Его мать, супруга Константина, немедленно постриглась над гробом мужа в монахини и через два года окончила дни свои в уединении монастырском.

Следующим неприятным сюрпризом явился отъезд из Ростова богатыря Александра Поповича со своими побратимами в Киев, на службу к князю Мстиславу Старому. Кумир и герой навсегда покидал ростовские владения.

– Не гневайся, княже! – сказал Попович на прощанье юному Василько. – Худа от тебя я никакого не имел и камня за пазухой не держу, а токмо оставаться здесь боле не могу! Прощай! Может, дай Бог, и свидимся!

В битве на Липице Александр убил обоих любимых богатырей Юрия Всеволодовича и теперь опасался, что великий князь Владимирский не простит ему смерти отважных витязей, а потому предпочёл отъехать в Киев. Этот выбор окажется губительным для него, и в 1223 году он бесславно сложит свою голову в битве на Калке, а вместе с ним погибнут и все его 70 богатырей.

Много лет Александр был верным слугой князя Константина, помогал ему и поддерживал во всех начинаниях. Когда он въезжал на княжий двор, в сопровождении своих товарищей

таких же габаритных, как он сам, в сверкающем на солнце золотом шеломе, со здоровенным мечом на боку, то буквально приковывал к себе все взгляды. Сразу было видно, пожаловал герой. Личный друг князя. Общай любимый. Человек, что стал при жизни легендой.

Неудивительно, что идеалом маленького княжича стали богатыри, коих он считал венцом творения. Он восторженно смотрел на Поповича, и если бы его спросили, кем он хочет быть, а такие вещи странно спрашивать у князя, пусть даже совсем юного, он бы, не задумываясь ни на минуту, ответил – богатырём, защитником земли русской. Ратоборцем!

Мечты, они у многих детей похожи, даже в том случае, если эти дети уже правители. Вот и мечта Василько Ростовского была похожа на мечты многих других мальчишек его возраста.

С самого детства он проникся воинским духом и начал готовиться к воинской карьере.

Даже когда в день похорон отца мать, прежде чем выйти на люди, сама, одев и причесав синеокого Василько, нежно прижала его к своей груди и, легонько погладив по волосам, прошептала: «Ты ещё у меня такой маленький, – и, перекрестив, выдохнула: – С Богом!» – он невольно отстранился, не потому, что не любил мать, а потому, что со всей серьёзностью своего юного возраста считал себя уже достаточно взрослым и не одобрял этой нежности, считая её излишней даже в такой момент. Будущему правителю и воину расслабляться и распускать нюни негоже. Он первым самостоятельно шагнул из дверей на широкое крыльцо. Пусть все видят, что княжич держится молодцом.

Сверкающие солнцем боевые доспехи дружинников, важные, исполненные собственной значимости бояре с жёнами, увешанными золотом и переливчатыми камнями всех цветов, епископ в золототканой ризе с серебряным крестом – вот и всё, что запомнилось ему с того дня.

После смерти отца наставником и опекуном совсем юного ростовского князя становится дядя – Юрий Всеволодович, великий князь Владимирский. Он заботится о детях брата как о своих собственных. Но наставник жил и трудился во Владимире и своих забот имел столько, что впору впятером нести: дети такого же возраста растут, да и государственные дела не отодвинешь, так что за Василько Юрий присматривал издалека, а для повседневного обучения княжичу дали пестуна.

Невысокий, неразговорчивый, с крючковатым носом, меченный бесчисленными шрамами, немного мрачный, грузный, но всё ещё могучий пестун по имени Никанор, подобранный для князя из ростовских дружинников, был ярым поборником ратного разрешения споров. Именно такой наставник и был нужен юному богатырю. Авторитетный, немногословный, он учил князя уму-разуму не только словом, но и делом, стараясь вырастить из мальчишка мужа храброго, такого, чтобы первым ратником в любом бою был. Гонял он Василько в хвост и в гриву, сразу показав, что значит суровая проза богатырских будней.

– Учись исполнять дело мужское сызмальства, чтобы не боялся ты ни врага лютого, ни зверя клыкастого.

И Василько, проявляя упрямство, терпел, не опускаясь до слёз и жалоб. Он старался изо всех сил соответствовать выбранному идеалу. И если что-то не получалось, он только вздыхал и говорил себе, что всё равно своего добьётся.

Мальчику многое пришлось увидеть своими глазами и пройти самому через то, о чем иные узнают лишь по книгам. Он учился не только метать копье, владеть щитом и мечом, бить белку в глаз из лука, а ещё ратному искусству вождения полков.

– Тут не только кулаком и глоткой надо брать, а ещё и головой необходимо соображать, – внушал Василько пестун. Накрепко запомнил Василько этот наказ.

Рос и мужал он быстро, к десяти годам был на голову выше своих сверстников, отлично управлялся с луком и всё чаще брался за меч.

Меч, который достался ему ещё от деда, вечно начищенный, сверкающий булатом, в богатых кожаных ножнах, украшенных золотом и дорогими камнями, настоящий богатырский меч был предметом его гордости. Тяжелое красивое оружие казалось опасным и хищным. Василько приказал повесить его над своей кроватью, и когда перед сном смотрел на него, то мечты уносили его далеко ввысь, и в его воображении возникали дикие всадники в мохнатых шапках на горячих конях, или стена каплевидных красных, как кровь, щитов, за которой, ошестинившись, как еж копьями, укрылись угрюмые бородатые ратники, или, что ещё лучше, грезился ему сам Василько на красивом гнедом жеребце, ведущий в бой дружину, перед которой бегут без оглядки жалкие враги. Виделись высокие стены чужих городов, и богатая добыча, и сильные гребцы, весело расплескивающие вёслами волны неведомого моря. Впереди мечталось о таком, что сердце выскакивало из груди, и он задыхался от восторга.

И когда он брал в свои ещё детские руки прохладную рубчатую рукоять клинка, то вправду чувствовал себя героем.

Василько, как вы поняли, не был изнежен. Солнце княжич встречал не в мягкой тёплой постели, а на прохладных берегах бескрайнего озера Неро, где учился плавать, грести, кроме того, он мог уже сутки не сходить с коня, если была в том нужда. Всё исполнялось по заветам великого князя киевского Владимира Мономаха, который писал когда-то, поучая детей: *«Да не застанет вас солнце на постели!»* А Никанор часто добавлял к этому:

– Запомни, князь: никто не может ленью добыть себе чести.

Время шло. Княжич рос. Стукнуло ему уже двенадцать лет, а ни владимирские границы, ни ростовские никто не беспокоил, страшно было врагам лезть на русскую землю, и начинало казаться, что так и будет всегда. А прожить серую, бесцветную, ничем не примечательную жизнь юному богатырю совсем не хотелось. И грызла по-мальчишески досада, что подвиг свой ему ещё долго не совершить. Тут и случись неприятность. Волжские булгары, позабыв про осторожность, разорили его город Устюг. А раз так, надо идти в поход. Щёлкнуть по носу зарвавшимся соседям, чтобы думали впредь, куда его совать.

Пришла наконец пора ему примерить бронь и выйти в первый свой поход в верховья Камы на волжских булгар. Может быть, именно ему, Василько, суждено оградить отцову вотчину и от булгар, и от других алчных и златолюбивых соседей?

Одного его на войну, конечно, никто бы не пустил, мал ещё, а потому владимиросуздалское войско возглавил его дядя Святослав Всеволодович, один из младших братьев Юрия Владимирского, но свои два полка: один полк из Ростова, а другой из Устюга, юный богатырь ведёт сам.

Гнедой конь в ожидании всадника уже нетерпеливо перебирал копытами. Под взгляды дружины Василько ловко взобрался в седло. И конь, будто чувствуя важность момента, словно прислушиваясь к желаниям того, кто сидит у него на спине, ступал медленно и размеренно, с достоинством, как и подобает княжескому скакуну. Князь держался молодцом, раскрасневшийся, в окружении воевод и бояр он первый раз покидал свой город, чтобы идти на войну. За ним следовало блистающее доспехами воинство.

Обещавший вылиться в хорошую войну конфликт грохотнул, обнадеживая, да и прошёл стороной, точно грозовая туча, отогнанная ветром. И хоть схватка казалась неизбежной, до хорошей войны дело не дошло. Откупились булгары. Но первый опыт синеокий ростовский витязь получил. Хотя и мал он был для солидного воина, но понял для себя главное, его удел – война, его место там, где полыхают походные костры и дурманяще пахнут под вечер неведомые травы, где перекликаются часовые и варится мясо в больших котлах. Его место в ратном стане, где долгие песни тревожат душу неведомой тоской, а после того как стихает гомон и усталые ратники улягутся спать, расходятся по своим местам, бряцая оружием, сторожа и смолисто вспыхивают факелы. Там, где хищное оружие в любой момент готово сбросить одежды ножен

и впиться своим колючим жалом в тело врага, где в первую очередь ценится отвага и честь, и такое понятие, как мужская дружба, не пустой звук.

Ушёл в поход мальчик, а вернулся мужчина.

1223 год был ознаменован грандиозным общерусским делом, если его так можно было всерьёз называть. На первый взгляд казалось, что князья наконец-то вспомнили о своем родовом единстве. На самом же деле князь Галицкий Мстислав по прозванию Удатный собирает по всей Руси князей с их дружинами, чтобы выйти в поход на нового, доселе ещё невиданного врага, обидевшего половцев. Объединить все силы, как это случалось ранее, хорошо, кто бы стал спорить, а вписываться в непонятную войну, чтобы помочь вечным своим врагам, – едва ли разумно.

И тут позиции владимирского и галицкого князей заметно разошлись. Мстислав Галицкий Удатный жаждет немеркнувшей славы, Юрий Владимирский заботится о спокойной жизни своих подданных и нерушимости границ своего государства. Ему самому сейчас нужен каждый воин. Борьба в Прибалтике с немцами для него куда важнее, чем влезть в ненужную драку между половцами и другими такими же степняками, не сделавшими ему пока никакого вреда, в отличие от немцев. Пусть славу Мстиславу добывают другие, пусть они «таскают для него каштаны из огня», там, в Киеве, их и так как семян в огурце. Превосходство над потенциальным противником многократное. Вот у него противник куда серьёзнее. Крестоносцы. Сейчас самое время умерить аппетиты Ордена братьев меча на территории, входящие в сферу интересов владимирских князей.

Однако политика дело тонкое. Остаться в стороне от дела, которое уже захватило многие умы, Юрий не может и нехотя вносит в него свой посильный вклад, отправляя в степной поход ростовскую дружину, которая будет представлять всю Северо-Восточную Русь.

Лучшего выбора нельзя себе даже и представить. Василько хоть и юн, всего пятнадцать лет, а рвётся в бой. А в такой толпе войска, где кругом одни волкодавы, он должен быть в абсолютной безопасности. Там, чтобы подраться с татарами вечером, нужно будет с утра очередь занимать. Да и Мстислав Удатный Василько не обидит, его отец стоял с ним в одном строю в бою под Липицей, как союзники выступали они против Юрия. Мало того, в Киеве осел, а значит, пойдёт со своим князем Мстиславом Старым в поход Александр Попович с дружиной, он за ростовским отроком и присмотрит, и уму-разуму научит. А при случае, может, и удастся Поповича обратно вернуть. Кому, как не ростовскому князю, это по силам?

Так что для Василько всё складывалось просто отлично.

Он должен был стать непосредственным участником небывалого исторического события, когда Русь, объединившись, уничтожает врага, демонстрируя всему белому свету своё единство, свою силу и свой потенциал. И былинные речистые сложат потом об этом легенды!

Но загад не бывает богат. Всё вышло иначе, чем планировалось.

Три Мстислава: Киевский, Галицкий и Черниговский, чувствуя за собой несокрушимую мощь своих полков, не стали дожидаться мальчишку и повели свои дружины прямо в степь на погибель. Дальше единство закончилось, и каждый из Мстиславов действовал по своему усмотрению. За что и поплатился. Двое из них головой. Третьему в панике удалось покинуть место сражения, растеряв по дороге остатки самоуважения. Не зря его прозывали Удатным, там, где одни потеряли жизни, он потерял лишь остатки своего небогатого разума.

Василько в этот раз тоже повезло. Что-то его задержало со сборами, и он к месту битвы запоздал. Невероятная весть о гибели всего русского войска застала Василько со своей дружиной под Черниговом. Обагрить меч в крови врага ему вновь не удалось, но именно здесь, под Черниговом, даже ни пролив ни капли вражеской крови, он совершил свой первый настоящий подвиг во славу земли Русской. Так иногда бывает.

А случилось вот что. Монгольская конница преследовала бегущих русских, преследовала довольно долго и далеко. Монголы понимали, что земля, лежащая перед ними, лишена защиты, и высматривали, за счёт кого лучше всего поживиться. Их хищный взгляд пал на богатые земли Чернигова. Они уже готовили веревки, чтобы вязать полон, и доставали мешки, которые вскоре должны были заполниться добычей, как разведка, а она у монголов работала всегда отлично, донесла, что около стольного Чернигова расположилась русская дружина, невесть откуда взявшаяся. Немного подумав, монголы решили в схватку не вступать и повернули своих коней, в поисках цели попроще. Так Чернигов был спасён.

Василько же мог лишь возблагодарить Бога за то, что удалось избежать столкновения. Весть о том, что случилось на Калке и какой противник идёт к их городу, уже донеслась до Чернигова, и понятен испуг жителей, когда на тебя надвигается такая сила. Витязи Василько были отважны и готовы встать, блистая грозой оружия, на пути степняков, но после того, что недавно случилось, они не могли не понимать, что за противника они должны остановить. Так что совершенно не лишнее поблагодарить Бога, когда враг отвернул.

Василько со своей дружиной возвращается в Ростов. Упрекнуть его было не в чем, но и славы, о которой мечталось, добыть юному богатырю вновь не удалось.

Но раз не вышло здесь, значит, надо искать её в другом месте. А тот, кто ищет, тот всегда найдет повод отличиться. И Василько отличается, правда, стоит сказать, что первые свои подвиги он совершает в конфликтах внутренних, где одни русские князья противостоят другим. Это называется – междоусобица.

В 1224 году он со своей ростовской ратью сопровождал князя Юрия в походе его на Новгородскую землю, а в 1226 году с ним же и вместе с братом своим Всеволодом идёт уже в Южную Русь, на помощь Михаилу Всеволодовичу Черниговскому против Олега, князя Курского.

Больше всего в этих конфликтах страдал простой люд. Богатыри, жалевшие и защищавшие свой народ, совершенно не щадили такой же русский народ, живший на территории другого княжества. Убивать не убивали, но для многих разорение было практически равно смерти. Витязи же смотрели на это со своей колокольни. В войне кто победил, тот и прав.

Внутренние княжеские междоусобия сопровождались неизбежными погромами и насилием над своим же русским населением, и от этого было никуда не уйти. То же самое происходило по всей Европе.

Зимой 1227 года Василько женился.

В невесты богатырю была выбрана дочь Михаила Черниговского, одного из самых влиятельных и влиятельных князей своего времени, звали её Мария Михайловна. Черниговская красавица, стройная, с большой темно-русой косой и большими темно-серыми глазами, чья красота, по словам современников, затмевала блеск отцовских сокровищ, ослепляла глаза и заставляла терять разум. Казалось, что с такой наружностью она окажется капризной и привередливой, но и тут Василько повезло несказанно. Мария Михайловна пошла характером совсем не в батюшку. Тот редкий момент, когда яблоко упало от яблони на рекордно длинное расстояние.

Желающих жениться на ней было через край, а дядя – владимирский князь только у одного.

И выбор был сделан в пользу дяди, самого могущественного князя Руси.

Союзы и альянсы в те времена создавались и распадались довольно быстро, но не было связи крепче, чем связь кровная или, на худой конец, родственная. Этим браком Юрий Всеволодович крепил связи Владимира с Черниговом. Брак, конечно, был политическим, однако в нём обнаружились обстоятельства, которые превосходили, на радость молодого князя, все расчеты.

Увидев невесту в первый раз, богатырь прибалдел. Первый же взор красавицы сжёг его сердце. Политические интересы отошли на второй план, сметённые пламенной страстью.

Василько влюбился. Кровь, и без того горячая, гулко ударила в голову, будто влил в себя несколько чар вина греческого. Василько чувствовал, что Мария обворожила, околдовала, очаровала его.

Послы и сваты скакали опрোметью туда и обратно, дело шло к свадьбе.

Свадебные торжества затевались с размахом, надобно было не уронить и чести Ростова, и оказать уважение черниговскому княжескому дому.

Возами везли из окрестных деревень съестной припас, варили пиво, доставали из медущ бочонки с вином и медом, в просторной горнице накрывали столы бархатными скатертями, на лавки набрасывали пушистые ковры.

Свадебный кортеж на убранных лентами с бубенцами конях подъехал к крыльцу терема. Невесту, радостно улыбающуюся черниговскую княжну, выводили из возка торжественно, под руки, а она словно и не шла, плыла.

Город сотрясаясь от счастья. Все, от простого горожанина и хлебопашца до ростовского епископа, от души поздравляли новобрачных. За пиршественным столом гости безудержно славили молодых:

– Жениху да невесте сто лет, да вместе!

А пир длился и катился, радостно расцветившая жизнь. На молодых сыпали льняное семя – от сглаза, осыпали рожью и вели на высокую постель из снопов.

И стали князь с княгинею жить, как умели, а умели они славно, душа в душу.

Теперь молодой богатырь не рвался на чужбины, а если приходилось отъехать по делам во Владимир, то все время грезил о Марии, о Маше: о том, как он приедет, а она выйдет ему навстречу на крыльцо, протянет к нему руки, приманивая радостным блеском глаз из-под опущенных ресниц. Щеки румянятся, грудь вздымается... Одно слово – счастье.

Год Василько наслаждается мирной жизнью с молодой красавицей женой в своём городе в палатах белокаменных. Только такое мирное счастье богатырю быстро наскучило, и он решил, что дома излишне засиделся и пришла пора совершать подвиги во имя любимой жены, семьи и Родины. Тут порядковый номер не имеет значения.

А потому, звеня кольчугой, он вновь садится в седло.

Чтобы не дать богатырю закиснуть, дядя посылает его, вместе с бывалым владимирским воеводой Еремеем Глебовичем, для наказания мордвы. Но снова не повезло, по случаю сильной непогоды, сделавшей дороги непроходимыми, сам поход был отменён, а ростовская дружина возвращена с дороги. Дороги уже тогда были одной из российских бед.

Ну где ещё проявить удаль богатырскую? Где стяжать себе славу ратную? Никаких масштабных войн в ближайшее время не предвиделось, одни местные конфликты. А в таких славу стяжать себе трудно. Но трудности на то и нужны богатырям, чтобы их преодолевать.

Проходит четыре долгих месяца, и ростовская дружина в составе владимирского войска вновь выступает на ту же мордву. Победа была полной. Пусть и не так грозен враг, пусть не так силен и страшен, но это его победа. Первая в череде дальнейших свершений. И легко и приятно было у Василько от этого на сердце.

Князя возвращались домой с многочисленным полоном, опустошив мятежный край, укротив его огнём и мечом и врагов побив много. Жизнь действительно была весёлой. Она казалась простой, немудрящей, как и сам характер богатыря.

А характер у Василько и в самом деле был простой, он не любил хитрить, ходить вокруг да около, предпочитая рубить сплеча. Не строил каверз, не плёл интриг и камня за пазухой не держал. Любил прямые пути. Слова своего никогда не ломал. А если и накатывало на него, то отходил быстро и зла не помнил.

К двадцати годам молодым людям свойственно задумываться о смысле жизни, для ростовского богатыря такие раздумья были излишни. Мир в его представлении был чётко ограничен на добро и зло, и он свято верил в то, что его миссия – сражаться, сколько хватит сил, на стороне добра.

Таким, как он, легко было жить и легко умирать, если придётся.

В мире, по законам которого жил ростовский богатырь, в мужчине в первую очередь ценились решительность и храбрость, сила и отвага. Трусость и слабость презирались. Ибо с этим миром можно разговаривать только на языке силы. Поэтому и в дружину Василько набирал людей все сильных да веселых.

Верные люди окружали князя всюду: и дома, и в походе, и на пиру. Многие из них готовы были, не задумываясь ни на одну малую секунду, погибнуть за Василько. Князь же, зная это, искренне ценил их и никогда не был с ними жаден – щедро раздаривая им военную добычу.

Одним словом, любим был Василько и народом и властью, в смысле собратьями своими князьями и родственниками. Не найдёте вы о нём бранных слов, даже если приложите усилия и терпение. Его ценили не за какие-то выдающиеся подвиги, а за бесшабашную смелость, за наивность и молодость.

Летописец Ростова посвятил своему князю такие строки: *«Был же Василько лицом красив, очами светел и грозен, храбр паче меры на охоте, сердцем легок, в бою храбр, в советах мудр, разумен в делах, кто ел хлеб его и пил с ним чашу, тот уже не мог быть слугой другого князя. Очень любил Василек слуг своих»*.

Васильку, как видно из слов летописи, были присущи лучшие черты несколько идеализированного русского князя, защитника родной земли: воинская доблесть, справедливость, послушание старшим и беззаветное служения Родине.

Но ведь без этого ни одна приличная легенда не складывается.

А дальше вновь пошла междоусобица.

В 1230 году пришлось ростовскому богатырю принять участие в совместном походе Юрия и Ярослава Всеволодовичей против своего тестя Михаила Всеволодовича, князя Черниговского. Чернигов был выбран в качестве противника неслучайно. Интересы Юрия Всеволодовича и Михаила когда-то должны были пересечься, и пересеклись они на Киеве. Лучшего способа, чтобы вразумить черниговского князя, чем демонстрация силы, ещё никто не мог придумать.

Повод для агрессии был легко найден. В Чернигов переехало много новгородских врагов брата Юрия, Ярослава, которых Михаил до времени приютил у себя. *«Сам Великий Князь Георгий (Юрий Всеволодович) оскорбился сим криводушием»*, – отметил в трудах летописец.

Что удивительного может быть в очередном междоусобном конфликте? Обычная рутина. Князья вновь куют крамолу, опять грызутся между собой из-за властолюбия и алчности, а земля родная стонет под копытами богатырских крепкогрудых коней, с одинаковым упорством крушащих и города и пашни. И продолжить эпически: истекает кровью земля Русская от княжеских распрей.

Но это можно сказать, только не подумавши. На первый взгляд действительно ничего особенного. Но... В этот раз все лучшие силы Владимирской Руси, включая новгородцев, организовано вышли в поход на одного из сильнейших князей юга Руси. Как будто это была репетиция, проба сил. Черниговская дружина на Руси числилась не из последних. Да и сам Михаил пусть трусоват, пусть скандалист и провокатор, но ресурсом обладает большим. Нет в Южной Руси сейчас князя крепче. Для удовлетворения амбиций или чтобы поглумиться, владимирский князь мог бы выбрать себе цель и попроще. Только ему это не нужно. Большой политик был владимирский князь. И рука у него длинная – давно уже протянулась она к Киеву. Довольно долго Юрий Всеволодович обкатал у себя в голове одну нехитрую мыслишку и подо-

шёл к её исполнению со всей глубиной и основательностью, соответствующей его характеру. Для начала нужно было показать соседям, за кем сейчас на Руси настоящая сила.

Это не князь на князя сейчас идёт, а вся земля Владимирская выступила на Чернигов. Стоит Михаилу уступить или отступить, и авторитет Юрия вырастет до небес. Владимирский князь делает заявку на главенство не в Залесских землях, он там и так полновесный хозяин, а во всей земле Русской от края до края. Пришла пора не Киеву быть старшим среди городов, даже пусть и номинально, пора передать старшинство во Владимир, куда давно уж перенесены из Киева и сила и слава. Только град Владимир сейчас способен объединить русские земли в одно целое. Только он готов постоять за честь русскую и прекратить пожар междоусобицы, что постоянно полыхает в Южной Руси, от Киева до Галича.

«Власть надобна, дабы соединить, совокупить воедино всю землю Русскую! – думал Юрий Всеволодович. – Пора, пора быть владетельным государем в своей земле!» И брови сдвинулись грозно.

Почему такой удар был нанесён именно сейчас, а не раньше?

За ответом далеко ходить не нужно. Не один владимирский князь сейчас пристально рассматривал Киев, Михаил тоже нацелил своё цепкое, как у коршуна, око на мать всех городов русских, мечтая сесть на великий стол, и уже готов был открыто вступить за него в борьбу. Ему вообще не жилось спокойно, беда была в том, что делал он всё зигзагами, непоследовательно, а потому не всегда верно мог рассчитать свои силы. Нынешний случай был не исключением из правил.

Князь Юрий занял интересную позицию. Едва перейдя черниговские границы, он со своими полками остановился и спустил с поводка псов войны. Теперь дело за братом Ярославом, которого Михаил боится пуще огня, и за молодыми богатырями, один из которых и есть Василько. Юрий знал, кому доверить нанести и потом как следует растеребить черниговские раны.

– Ты смотри, не очень там, – напутствовал Юрий своего брата Ярослава, но в голосе его не слышалось ни веры в то, что брат его услышит, ни убедительности. – Знаю я тебя. Тебе волю дай, ты до самого Чернигова дойдёшь, а для этого ещё время не пришло.

Расставшись с братом, Ярослав начал действовать так, как он привык, решительно и жёстко. Чтобы продемонстрировать черниговскому властителю всю серьёзность своих намерений, владимирские войска сжигают цветущий Ршенеск. А князь Михаил ведёт себя крайне странно. Вместо того чтобы выйти навстречу врагам и защитить родную землю, он по привычке прячется, отправляя на передний рубеж боярина Ивана Боша с подвойским Андаем. Вот и ещё одна странность. Что же это за должность такая – подвойский, что его срочно бросают грудью на амбразуру? А должность эта самая мирная. «Подвойский и подвоинский (*стар.*) – так называли и великокняжеского слугу, ходившего вместе с бирючами на торг «народ кликать» к князю и «звонить вече» и участвовавшего в торжественных царских выходах с посохом в руке, и судебного пристава при великокняжеском и наместничьем суде, производившего вызов ответчика».

Что вообще делает этот человек на переднем рубеже? Шашкой махать ему по должности не положено. Тут торжественного царского выхода не дождёшься, тут его кроме Василько с богатырским мечом в руке и пламенной жадой подвига в груди никто не ожидает. А встреча с богатырем Василько в чистом поле для подвойского смерти равна, что вообще-то и случилось. Тут посохом не отмахнёшься! А взыскать с него – себе дороже встанет.

Так что пока владимирский князь с полками стоял в Уполозах, как бы прикрывая границу, Ярослав отправился со своим войском и новгородцами к Серенску, а его племянники Константиновичи вышли на Мосальск.

Справедливость штука странная. Порой бывает так, что куролесит один, а расплачивается за это другой, и вроде по справедливости. Вот и в этот раз вышло так же. Серенск сполна

ответил за все каверзы и интриги Михаила. Говорят, что Ярослав по примеру своего отца Всеволода Великого приказал вывести всех жителей за городские стены, после чего сам город сжёг.

Возможно, и Мосальск ждала та же самая участь, но тут ростовского богатыря ждало хоть какое-то сопротивление. Ретивый попался старшой у городской дружины, пока головы не проломили, не почувствовал, за кем ныне сила. Испытав прилив горькой безысходной храбрости и понимая, что надолго её не хватит, боярин Боша с горсткой своих людей вышел навстречу ростовской дружине. Скорее всего, с этим он поспешил.

Будучи человеком действия, Василько не стал ждать, когда противник найдёт его, а стал активно разыскивать его сам. Он был безогляден и храбр, а его глаза горели ненасытным желанием кого-то догонять и драться.

Будь его воля, война бы продолжалась и продолжалась.

Вот оно, его время. И потому весело нёс его по бархатному ковру полей белый, вычищенный до блеска горделивый конь, и летели из-под копыт в разные стороны и душистый пырей, и кудрявый клевер.

И вот вдали завиделся враг.

Выехавшие из крепости всадники стояли дружной массой, и только сумрачный боярин Боша на своём тяжёлом, как и он сам, коне стоял отдельно, поблескивая на солнце кольчугой.

Василько, ни секунды не размышляя, насколько отстал от него отряд, устремился вперёд совершать подвиг. Сердце стучало так громко, что заглушало даже грохот копыт.

Дружинники противника тоже увидели одинокого вооружённого всадника, они рассмотрели его внимательно, прикрываясь ладонями от солнца. Тот шёл прямо на них, даже не придерживая коня.

Серенские гряды медленно пустили коней ему навстречу, то ли не ожидая серьезного боя, то ли со спеси своей не помыслив путем, явно рассчитывая на лёгкую добычу. Ехали они размеренным шагом, не начиная разгон. А куда торопиться, когда безумец сам навстречу летит.

Один из них, тот, что был боярин, постепенно выдвигался вперёд, первым решил встретить врага.

Кмети скакали, чуть поотстав, и весело кричали что-то непотребное.

В этот момент показалась и дружина Василько.

Отворачивать любой из сторон было поздно. Сотворилась малая сшибка.

Боярин, в кольчатой рубахе и шишаке, грозил богатырю, размахивая мечом, сам при этом загораживаясь от него щитом.

Силы были не равны.

С первого же удара Боша понял, насколько всё печально. Это были бойцы из разных лиг, и боярин сразу подвлял. С таким витязем тягаться ему было не по силам. Став бледным как полотно, он пристально взглянул в синие глаза богатыря, и сердце упало в нем, словно подбитое, но было уже поздно. От такого пощады не жди.

Выгадав удобный момент, Василько изо всей силы вонзил меч снизу вверх, вложив в удар всю силу скопившегося гнева. Боярин Боша весь подался вперед, схватившись за грудь, и темно-алая кровь хлынула из него в смятые рыжие травы. Василько вырвал меч.

Боярин начал тяжело заваливаться вбок, обвисая на шее коня.

Вот что такое настоящая война: ты встречаешься с врагом лицом к лицу и повергаешь его наземь!

Остальные всадники, растерянные таким скорым исходом и ошалелые, разворачивали своих тяжёлых коней и, трусливо вбирая голову в плечи, срывались с места.

Василько сам не верил такому оглушительному успеху.

– А! Обоср...сь, воины! – Он заржал весело и радостно, как молодой жеребец.

– Победа!

Он отер меч и убрал его за ненадобностью в ножны.

Вот и всё! Дело было сделано. Укрошен Чернигов.

Михаил воевал так бездарно, что оставалось только руками разводить. Поход закончился разорением и опустошением его волости. Как он собирался защищать своё княжество от врага? Да если так воевать, земли растащат по частям, моргнуть не успеешь. Такая война порождала соблазн легкой наживы.

Кмети, приободрясь, орали дурным голосом песни, озирая победно щедрую черниговскую землю.

Забыв про родственные узы, владимирцы сбили Михаилу весь авторитет. Надрали задницу. Говорили, что Михаил от испуга свихнулся вовсе, говорили, что запил здорово. Что просил Юрия унять меч и увести рати.

Одним из условий мира было: вся новгородская оппозиция должна была покинуть Чернигов.

Пировала на радостях дружина. Торжествовала победу шумно. Славил князя. Заморские вина и мёд, янтарное сусло стояло на столе.

– Здрав будь, княже, во веки веков!

Василько улыбался:

– Испугался, тестюшко. Да оно и лучше так-то: ни к чему кровь проливать. Черниговцы не половцы. Тоже нашего, русского, корня... Попужали, и хватит.

Долго после этого сидел Василько без дела. Некуда было ему свою силу и отвагу приложить, мир и покой стояли в земле Владимирской.

О богатырской славе мечтал Василько. А многого ли достиг?

– Ныне, князь, не твоё время, – успокаивали его воеводы.

– Но оно скоро наступит, – говорили они ему. И как в воду глядели. Осенью стали доноситься тревожные вести, что снова собираются зловещие тучи, что копиться у границ вражья сила. Грядет гроза жестокая. Она уже смела с лица земли болгарские города, выжгла Мордву и теперь готова идти на Европу. А между ними и этой самой Европой лежит Русь, и обойти её вряд ли получится. Тем более наша слава пришлым – что бельмо в глазу.

Все русские князья, от Муромы и Рязани до Углича и Ростова, это понимали. Надеялись лишь на то, что зимой монголы, а именно они были этим врагом, нападать не станут.

А на чём зиждилась такая уверенность? Или это средневековые публицисты поздним числом приписали эту зыбкую надежду князьям для красного словца или пущего трагизму?

Князья лучше многих знали, что степняк он может и зимой нагрянуть, если приспичит. Заветы их предка Мономаха у многих были ещё на памяти. Половцы, например, не стеснялись, приходили в любое время года, и их зимние набеги всегда доставляли больше забот. Так с чего было думать князьям, что монголы глупее их давних соседей, которых они не так давно распотрошили в пух и прах, вытеснив из любимых ими степей.

Да только ждать – это одно, а столкнуться с противником в настоящем деле – это совсем, совсем иное. Враг был силою велик и нагрянул вероломно.

Скакали скорые гонцы, загоняя коней из Владимира в Кострому, Ростов, Тверь, Углич, несли по городам гонцы весть о вторжении.

Всадник, что остановил своего коня на княжьем дворе, соскочил со своего скакуна, отвесил низкий поклон князю и передал ему грамоту от владимирского князя Юрия.

Приезд гонца в момент нарушил установившееся в Ростове душевное равновесие, где всё дышало любовью и миром безмятежной жизни. Так в дружный ростовский дом пришла беда. Василько сломал печать и развернул пергамент: Юрий Всеволодович Владимирский призывал его с дружиной. Нужно было выступать на защиту своей земли.

Было известно, что идут монголы через рязанские границы.

Быть великому сражению – было первой мыслью, промелькнувшей в голове Василько. Запылало его сердце. Давно он уже ждал, не пошлёт ли Господь ему достойного супротивника.

Получив известие об угрозе, Василько стал собирать не только свою верную дружину, а и вообще всех, кто может держать оружие в руках. Если врагов не остановить сейчас, они сожгут города и веси, вырежут или угонят скот, одним словом, уничтожат его род с корнем.

– В лепёшку расшибусь, а не допущу, чтобы красоту родного края поганила орда!

И закрутилось. Всё это время Василько вертелся как белка в колесе.

Дело кипело. На поварне булькали котлы с варевом, у коновязей высились горы свезенного с пригородных слобод сена, слуги как ужаленные бегали от поварни к теремам. Ратный поход непростое дело, если не судить о нем по досужим байкам. Сейчас ошибёшься, а потом за ошибки спрашивать будет не с кого, поэтому Василько совался всюду, всматривался и вникал во все мелочи сам, грелся у дворовых костров, ел из котлов вместе с кметями и сам осматривал возы с припасом.

Только ратники, которых созвал князь, мыслили лишь о возможном походе.

Голодные всадники ежечасно въезжали на княжеский двор, спешиваясь, бросались к котлам с дымящимся мясом, к огненным щам и каше. Узнавая своих, громко переговаривали, делились новостями.

Пришла пора выступать. Тут – старшая дружина боярская, и простые кмети и молодшие, народ собрался боевой. Долгогривые мохнатые кони храпели, натягивая поводья.

Мужчины расправляли плечи, от возбуждения то и дело хватались за оружие, гордо осматриваясь по сторонам. Где во всём свете найдётся сила с такими молодцами справиться?

– Едешь? – спросила-сказала Мария, вглядываясь в лик молодого князя, который не ответил ей, только кивнул.

– С Богом!

– Долгие проводы – лишние слезы! – весело произнёс на прощание князь. Он действительно верил в этот момент, что расставание их будет недолгим.

Молодой богатырь явился пред людьми в красном, расшитом серебряными завитушками корзне, застегнутом на плече золотой запоной, в пушистой собольей шапке с алым верхом.

Он взмахом руки подозвал дружинника:

– Коня под седло!

– Уже осёдлан конь, княже!

– Веди сюда.

Ему подвели коня. Подпрыгнув с медвежьим проворством, он вскочил в седло.

Громкий голос фанфар оповещал о выезде князя с дружиной. Провожая героев, врата детинца распахнули, как рот удивлённого ротозея.

Воротятся – нет? Неведомо!

Князь Василько, как и подобает вождю, ехал впереди под алую хоругвь. Он вольно сидел в седле, приспустив поводья, и улыбался. Каурый жеребец гордо вздымал голову, будто пытаясь соответствовать обстановке. Следом за ним дружинники, дружинники и дружинники. Народ подобрался крепкий, глядит смело. Такой мечом рубанёт, врага до седла раскроит. У многих ратников на груди горели золотые гривны – подарок князя за службу. Кони с хрустом копытами топтали снег. Замыкал кавалькаду небольшой обоз. Василько, как и положено витязю, привык воевать налегке.

За воротами в лицо ударил холодный ветер, взлохматив гривы коням, вскинув красные и синие плащи над головами дружины.

Защищать Ростов было больше некому.

В трудный для своей страны час оставил богатырь родной дом и прибыл к дяде своему, великому князю Владимирскому Юрию Всеволодовичу, на реку Сить, где тот собирал полки против врага, разоряющего землю Русскую.

Места, где князь собирал войска, были самым воплощением дикой природы: пустынные и малонаселённые, скрытые от посторонних глаз густыми лесами.

Сейчас здесь было многолюдно, как никогда не было до этого и уже не будет после.

День угасал. В лесу становилось все темнее, и все ярче разгорались на лесной прогалине искрастые костры. На нескольких из них готовили ужин. Весело потрескивали от жара поленья, и жадные языки пламени озаряли вечерний воздух и освещали лица людей.

Лагерь оброс хозяйством.

В княжьем шатре расставили питейные чаши.

За столом сидели: Юрий Всеволодович, его младший брат Святослав, племянники Василько и Всеволод, а также наиболее авторитетные и доверенные воеводы: Дорож (Дорофей Семёнович) и Жирослав Михайлович.

Все хмуро молчали, переглядывались между собой, ждали, что скажет правитель.

А князь Юрий был поглощён собственными бедами. Убогая обстановка вполне соответствовала мрачному настроению, в котором он последнее время пребывал. Забот, беспокойств, огорчений и опасений, выпавших на его долю, вполне хватало.

С теми силами, что сейчас Юрий собрал в лесах Сити, он мог в одиночку противостоять монголам. Князь умел улаживать дела без посторонней помощи. Но в этот раз он рисковал слишком многим, поэтому решил перестраховаться. Решил обождать брата Ярослава с его дружиной и новгородцами. Хотя можно ли назвать перестраховкой то, что он решил дожидаться лучшего полководца своего времени, ещё совсем недавно разгромившего крестоносцев и заставивших их платить ежегодную дань? В этом вопросе каждый выбирает для себя.

Итак, войска было собрано в достатке, и смысла сидеть в лесах больше не было, однако тревожные вести не позволяли владимирскому князю сдвинуть с места всю эту махину. Он боялся сделать опрометчивый шаг. Монгольский хан и так опережал его везде. Татары одолевали в каждом бою! И что еще страшнее – без боя! Они навели такого страху, что скоро города начнут сами открывать ворота, не дожидаясь нападения, просто откупаясь!

На первый взгляд, как и на второй, Юрий всё делал правильно, каждое его действие было верным и обдуманным, но каждый раз монгольский хан не просто выворачивался, а наносил такой удар, от которого Юрию было непросто оправиться. Его земля пылала, его родственники и любимые люди гибли. Что может хотеть в такой ситуации человек, если знает, что второго шанса у него не будет? Он хотел уничтожить Батюгу, сломать ему хребет собственными руками. Но пока инициатива была в руках монголов, и они не собирались её выпускать. Поэтому помощь брата, умеющего водить полки, была ему сейчас очень кстати.

Некоторые высмеивали опасения Юрия. Чего ждать, когда такая громада сил в твоих руках?

Пора начинать выдвижение навстречу татарам из непроходимых лесов.

Василько уже весь извёлся, мечтая лишь об одном – развеяться в горячем деле.

– Ну что мы сидим без дела? – досадливо приставал он к Святославу. – Сгинешь тут от скуки... Дядя, послушай! Об чём там Юрий думает?..

Однако ожидаемой поддержки не получал.

– Дай князю покой! – только и звучало в ответ.

Да и сам владимирский князь уже не раз обвинял себя в излишней осторожности, но останавливал себя тем, что он политик, а не ратоборец. Его задача сейчас – изгнать врага, а не пасть славной смертью в бою. И ещё, он как будто ждал какой-то пакости от монголов. Не мог понять, просто чувствовал, и всё. За время этой войны такое уже бывало не раз.

Он сопоставил данные, полученные от дозорных разъездов сегодня, с теми, что сообщили ему вчера. И хотя дозорные не обнаружили неприятеля на многие десятки верст, чувствовалось что-то неладное. Но что?

– Ну, ничего особенного... не наблюдалось? – пытал князь вернувшегося с дозора гридня.

Старший разъезда смотрел на князя, тараща от усердия глаза и не понимая, чего от него хотят.

Они сидели в такой глухомани, чтодвигающийся на них отряд врага трудно было посмотреть, да и местные бы сообщили.

– Уж как есть... Ничего... Тихо вокруг... – виновато сказал разведчик, силясь угадать, чего от него ждёт князь.

– Ну, ступай... отдыхай, – махнул Юрий Всеволодович рукой, прищуривая вслед глаза.

Ему чудился обман, но сложно сказать, какими неведомыми путями пришел он к выводу, что в скором времени монголы нападут и разобьют его войско, если к этому не подготовиться заранее.

Монголов ждали со стороны Твери, через Бежецк и Красный Холм, по кратчайшему пути. Вести о походе татар на Торжок и Тверь поступали регулярно. Ясно, что главные силы Батыя были там.

Пока собеседники молчали, он погрузился в раздумья, ломая голову, как обезопасить путь для войск брата Ярослава.

– Дорош! – окликнул он воеводу. – Поди-ка ко мне на минутку... садись поближе. Надо нам конный дозор до самих Боженок организовать. Уж больно мы стали беспечны последнее время.

– А что? – встрепнулся воевода. – Разве тревожно стало?... Или что? – Он повернул к Юрию Всеволодовичу голову, и глаза его смотрели настороженно и пытливо.

– На войне как на войне, всегда тревожно. Лучше перебдеть.

– Нам тут сидеть недолго осталось. Не хотелось бы, чтобы сейчас нас здесь накрыли. Тем более что нам придётся разделить силы.

– Для чего это? – не удержавшись, спросил Святослав брата.

– Для того чтобы выйти отсюда, нам нужны полки Ярослава и новгородцы. Объединившись, мы сметём врага, разобьём вдрызг. Тут уже Батыю нас не перехитрить и не сломить.

Услышав про Ярослава, Святослав, как боевой конь, встал на дыбы. Он полководец заслуженный, бывалый, не раз и не два водил он в сражения владимирские полки, стяжал славу ратную, но как только доходило до серьёзного дела, так Юрий тут же вызывал Ярослава и ставил его во главе войск. Святослав себя хуже не считал, а потому было вспылil, но Юрий укоротил брата взглядом.

Не время сейчас меряться достоинствами, одно дело делаем.

– Говори, как сам мыслишь!.. – строго посмотрев на брата в упор, спросил он.

– Нужно выдвигаться сейчас. Сил уже достаточно. Ударим внезапно, пока не ждут. Пока не знают, откуда ждать главного удара. Когда придёт Ярослав, мы уже отгоним врага от Владимира! А он будет гнать его от Переяславля и Твери!

– Согласен. Надо выдвигаться навстречу, – с неожиданной решительностью сказал Юрий.

– Но... это будет иначе, чем ты представляешь. Поэтому для начала выдвигаться мы будем навстречу Ярославу!

Юрий уже разработал план, который должен был вводиться в действие поэтапно. В этом крылась суть успеха. Князь выстраивал свои доводы спокойно и основательно, объясняя воеводам суть грандиозной стратегической операции, которую собирался предпринять. Он излагал свой план языком военных реляций, который, как ни странно, не выглядел в его устах неуместным.

План был довольно дальновидный. Всем своим видом князь показывал сидевшим вокруг него людям, что он прекрасно понимает, что происходит и куда всё выведет, что ничего в этом необычного или страшного нет, что он много думал и теперь имеет точный и безошибочный план спасения страны. Младший брат Святослав невольно проникся уважением к нему. У Юрия было много талантов. Бояре-воеводы тоже удовлетворённо кивали головами. Споров не было.

Василько, вместе со всеми испытывавший сильное волнение, не выдержал.

- Слушай, Юрий Всеволодович, дай я вперед проеду, – попросил он.
- Хорошо, – отвечал Юрий сдержанно. – Ты точно готов?
- Мог бы и не спрашивать, – пробасил Василько, и в голосе послышалась нотка обиды.
- Только смотри там в оба. Сейчас многое от тебя зависит. Выступишь вместе с братом.
- Зря вы меня, дядя, обижаете. Прямо богохульствуете. Не подведу. Не впервой!

Василько был один из тех немногих, кто готов к самостоятельному выполнению непростых задач. Один из тех, кого не запугаешь, кто сам всегда готов топтать вражеские поля и попирает вражеские святыни. На то и богатырь. Да и дружина Василько была одна из тех, что вызывала зависть у соседей, при этом внушая им же опаску.

Вместе с братом Всеволодом и его ярославскими полками они вели три тысячи воинов, готовых к смерти и бессмертию. Василько буквально излучал безграничную уверенность в своих силах, и эта уверенность передавалась его бойцам.

Русские войска готовились перейти в наступление.

Покидая общий стан и выдвигаясь навстречу Ярославу, Василько уже ясно представлял расстановку сил.

Весело и в лад бьют копыта коней, взметывая снежные вихри, и проносятся мимо занесённые белою пылью снегов поля и утонувшие в сугробах, притихшие, попрятавшиеся деревни, кадящие из-под заваленных крыш тонкими седыми струями дыма. Пошла дистанция между противниками сокращаться.

Настроение было самое прекрасное. Ещё несколько дней, и русские рати, устремившись на неприятеля, погонят поганных обратно в свои далёкие степи. И тем, кому удастся вырваться живыми из русских пределов, будут денно и нощно благодарить своих неведомых нам богов за то, что им так повезло.

Так размышлял богатырь.

– Я не дам им выбросить меня из своего дома!

Он сам выдвигается на них. И он будет стоять насмерть.

Василько и Всеволод расквартировали своих воинов в районе Бежецка, в деревнях Божонки и Могилицы, где сходились дороги на Новгород, здесь ни Ярослава, ни Батыя пропустить не было возможности. Деревни были до отказа набиты ратными людьми, так что было даже немного тесновато.

Они ждали встречи. С кем? Сейчас молодым богатырям было всё равно. Они одинаково готовы встретить как друга, так и врага. Сил хватало.

Правда, встреча вышла совсем не так, как они на то рассчитывали.

В нескольких десятках километров от Василько на кошке сидел другой богатырь, или, точнее сказать, батыр, и размышлял о том же самом предмете, что и его русский собрат, но с противоположной точки зрения.

Батыра этого звали Бурундай, и был он темником монгольского хана Батыя. Его задачей было разбить Юрия Всеволодовича и принести его голову хану на серебряном блюде. С блюдом было проще, с головой всё обстояло значительно сложнее.

Дать приказ легко. Выполнить гораздо труднее. А выполнение подобного приказа больше напоминает самоубийство. Но в монгольской армии не имели привычки рассуждать и обсуждать приказы ханов или, уж боже сохрани, спорить с ними. Тем более что за спор, что за невыполнение наказание было одно – смерть, и никакие смягчающие обстоятельства рассматривать не подлежат. Да, если посмотреть со стороны, то и выбора у темника, как и у его хана, нет никакого. Не зря сам Батый без сна и отдыха мчался сейчас с послушными его воле всадниками, чтобы опередить киевского князя Ярослава Всеволодовича и не дать ему соединить свои войска с новгородскими.

Испугать до почечной колики Новгород, чтобы боялись из ворот нос показать, а потом встретиться один на один с яростной дружиной Ярослава, еще куда ни шло, а вот оказаться зажатым Ярославом под стенами Новгорода – совсем иное. Лучшее, чего можно ожидать в этой ситуации от киевского князя, – это то, что он просто утопит монгольского хана в одном из новгородских болот. А так глупо расставаться с жизнью Батюю совсем не хотелось.

Поэтому хан спешил. Но Торжок задержал его, и он опоздал. Теперь нужно было поворачивать коней и наблюдать, как справится со своей задачей Бурундай.

Преимущество Бурундая было лишь в одном, он твёрдо знал, что рассчитывать на чью-либо помощь он не может и нужно справляться со всеми трудностями собственными силами. Которых не так и мало. По крайней мере, так думает Батый, а значит, с этой точки зрения будет и спрос.

Вторым и, пожалуй, главным его преимуществом было то, что местонахождение главных сил Бурундая оставалось русским неизвестно, тогда как он знал всё о нахождении их полков. Сейчас расстановка сил напоминала шахматную партию, где весь исход решал один неосторожный ход. И вот Юрий, первым взявшись за фигуры, этот ход сделал. Назвать его ошибкой язык не повернётся, но для Бурундая эти действия русского князя стали единственным шансом на победу. И он решил идти ва-банк. Всё или ничего! Пан или пропал! Победа или смерть! Со щитом или на щите! Отступит, и его всё одно ждёт смерть, только уже не на поле боя, а жуткая, от рук ханского палача.

Бурундай принялся прикидывать, как ему избавиться и от князя Гюрги, и от ростовских полков. Кое-что он уже придумал! В таких делах самое важное – найти уязвимое место. И он, кажется, его нашёл!

– Сейчас или никогда, – пробормотал он.

У Бурундая созрел план. Ну конечно, как он сразу не сообразил! Замёрзшая река – идеальная дорога для его конницы, и выведет она его как раз между Божонками и Ситью. Оттуда, разделив русские войска, можно напасть на одних со спины, когда не ждут, а потом заняться ничего не подозревающим войском самого князя Юрия, пребывающего в депрессии. Одним словом, суть плана состояла в том, чтобы предпринять серию внезапных ударов, выбрав при этом направление, откуда эти удары меньше всего ждут.

Божонки – важнейший стратегический район. Стоит его захватить без шума, как победа будет обеспечена.

Гениальное решение! Довольный собой, Бурундай прямо сиял. Великая вещь – тактическая смекалка. Настроение у темника было превосходное. Сейчас он ни перед чем не остановится.

Теперь, чтобы всё прошло успешно, нужно было позаботиться о том, чтобы до русских не дошла никакая тревожная информация.

«А вот времени у нас в обрез, – размышлял про себя темник. – Если хоть один из местных жителей по счастливой случайности доберётся до русского стана, проявив свой патриотизм, то пиши пропало. Тогда всё может сложиться иначе. И уже его самого русские зажмут в этих проклятых снегах. Так что времени терять нельзя! Надо направить удар на ключевые объекты, развить инициативу. Главная особенность этой операции в непредсказуемости наших передвижений. Противник даже не догадывается, где мы появимся в следующий момент. Кто не рискует, тот не пьёт кумысу! А он дурака не свалит! Главное, не дать врагу опомниться! Надо спешить!»

– Седлайте коней! – крикнул он сотнику, ожидавшему приказа.

– Может, пора отдохнуть? – попробовал увещевать Бурундая сотник всем видом своим показывая, что вообще считает это передвижение вредной затеей. – Люди устали, им нужен отдых. – В его голосе прозвучала неприкрытая усталость.

– Да ты чем думаешь, головой ли? – разозлился Бурундай.

– Кто отдыхает меньше, тот и запрягает того, кто отдыхает больше! Не дожидайся, пока русские запрягут нас. Тогда сено будешь есть ты, а не твой скакун.

И тотчас темник послал своих нукеров резать всех подряд, кто попадётся им по дороге, чтобы никто не смог пробраться в русский стан и предупредить о том, что приближается гроза.

К нему наконец пришла уверенность успеха. Он даже улыбнулся, а улыбка Бурундая никогда ещё ничего хорошего не сулила.

Предвидеть грядущего не может никто, вот и Василько не мог предвидеть неприятных последствий, что вытекали из раздумий темника, его мысли были направлены в более радужном направлении.

Василько мечтал, когда он вернётся с войны победителем, в чём он ни на секунду не сомневался, провести по главной улице Ростова пленных монголов, чтобы горожане, из домов своих повыскакивавшие на диво это поглядеть, увидели воочию, что не зря их князь в поход собирался, не зря на страшного врага дружину водил. Пусть посмотрят, пусть поглазеют без опаски на тех, кто недавно напугал их до смерти. Сам бы он с дружиной ехал сзади, показывая всю мощь и красоту русского оружия, перед которым никому не устоять, ни мордве, ни немцу, ни монголу.

Пока Василько мечтал, враг подбирался всё ближе.

Свой тыл молодые князья считали безопасным и не проверяли, тогда как на западное направление в разведку ежедневно высылались конные разъезды, которые тщательно выискивали врага или друга. Навстречу мог попасться и Ярослав.

Недооценили они Бурундая. Но что делать, даже богов иногда застигают врасплох.

Беда всегда приходит не с той стороны, с которой её ждут. Так вышло и в этот раз.

Под сенью соснового леса, осадившего своими тёплыми острыми вершинами зимний туман, в унылых утренних мартовских сумерках, в которых всё сгушалось и плыло, неторопливо приближались монголы к русскому стану.

Главной задачей темника было не потревожить спящих русских раньше времени и надеяться, что уставшие от ночной вахты, кутающиеся в свои плотные плащи дозорные окунулись в сладкую дрему. Вряд ли они будут пристально оглядывать дорогу под самое утро, да ещё себе в тыл, откуда и угрозы не ждёшь. Боясь выдать себя неосторожным звуком, мягко подкрадывался вражина, и только тяжёлые чёрные птицы, просыпаясь по своей природной тревожности от любого шороха, могли его увидеть, но донести тревогу до отдыхающих ростовских витязей не могли.

Единственное, чего не учёл коварный Бурундай, это того, что русские стояли не единым войском и накрыть оба отряда разом никак не выходило.

Хотя, скорее всего, монголы были об этом осведомлены, но по сложившейся традиции предпочитали бить врага по частям. Надеясь, что когда одна часть войска будет вдрызг разбита, вторая предпочтёт ретироваться без боя, спасая свои жизни. А бить бегущих всегда легче.

Они просто не знали русских богатырей, для них бросать брата в беде было не принято!

Так вышло, что первый удар на себя приняла ярославская дружина Всеволода.

Селение, в котором находились русские воины, было уже практически окружено.

Камень не катится с горы с такой скоростью по горному откосу, с какой налетела на деревню ордынская конница. Поднявшаяся снежная пыль сплошной тучей заслонила небо. Из этой пелены выныривали злобные твари. Они что-то кричали на непонятном языке, и мёрзлый снег резко визжал под копытами их коней.

Сумятица и смятение начались в русском лагере. Горящими стрелами и факелами вёртки всадники в мохнатых шапках поджигали легко воспламенявшиеся крыши ветхих строений, выгоняя бойцов на мороз, лишая укрытия. На фоне зарева воины без брони и кольчуг, в белых полотняных рубахах, расшитых красным нитяным узором, метались группами и поодиночке. Кто-то, не заботясь о том, чтобы задержать неприятеля, побежал по направлению к лесу.

Сам Всеволод выскочил на улицу без кольчуги в одной белоснежной шёлковой сорочке, рукава на сильных руках завернуты по локоть, в руках секира. Юный и гордый, он должен был продержаться до тех пор, пока Василько соберёт дружину, рассыпанную горохом по деревне, и посадит в седло. Первый из татар, кто приблизился, свалился лицом в снег и отдал душу своим богам. Второй удар страшной секиры пришёлся по рёбрам косматого всадника.

Гридни, видя, как сражается их князь, вставали вокруг него плечом к плечу, выдерживая натиск. Но монголы, почуяв запах человеческой крови, словно безумные демоны, отчаянно пытались прорваться сквозь их ряды к сердцу маленького русского отряда. Небо дрожало от звона клинков. Один из них всё же прорвался к князю, рубя направо и налево, как безумный. Удар сабли рассёк Всеволоду шею, но в это мгновение один из дружинников нанёс татарину смертельный удар мечом в грудь. Когда Всеволод опустился на снег, напор татар усилился.

Такой бой, с численно превосходящим и хорошо организованным противником, не может продолжаться долго.

Совсем скоро от ярославской дружины осталась лишь небольшая горстка храбрецов, которая продолжала мужественно сражаться там, где был убит их князь. Они не искали спасения, понимая, что если и удастся кому-то вырваться живым, то наверняка самым везучим.

В Божонки примчался всадник без кольчуги и седла, в натальной рубахе на неоседланной лошади, и выдохнул одно лишь слово:

– Напали!

Этого было достаточно.

Облачаясь в броню, пристегивая к поясам мечи, хватая луки с колчанами, сдергивая со стенных крюков кистени, стали выбегать во двор бойцы. Много времени на сборы не потребовалось.

– Скорей по коням! – гаркнул князь.

Уже сидя в седле, Василько обратился к дружине:

– Война без павших не бывает. Знали мы, что на сильных врагов идём. Или умрём здесь с честью, или вернёмся домой со славой! Иного не дано! Я с вами!

– Ты наш князь! – дружно откликнулись воины.

– Там, где твоя голова ляжет, там и мы свои сложим. – И ринулись на врага.

– Скорей!.. Скорей!.. – кричал Василько, непрерывно оглядываясь и прищипывая жеребца.

Звенел и хрупал снег под копытами.

Его лютая дружина, ни бога, ни чёрта не боящаяся, была вовсе не подарок. Этого полка не зря страшились в битвах. Народ собрался боевой. За князя своего любого врага разорвать готовый.

Когда поганные, казалось бы, уже праздновали победу, их самих настиг неожиданный удар.

Боевой клич ростовской дружины, разорванный порывом ветра, накрыл монгольскую стаю. Был он больше похож на звериный рык, и монголы на какой-то момент оцепенели от ужаса.

Это Василько спешил, как мог, на выручку брату, ещё не зная, что тот уже погиб.

Вновь закипела большая драка. В густом пекле битвы русские шишаки перемешались в общую кучу с татарскими мохнатыми шапками.

Заметались мечи, со свистом разрезая густой морозный воздух. Секут вражеские тела и вышибают из них дух вон. Звереть дальше было некуда.

Кровь за кровь!

Чуть отставшие от конницы пешие ратники уже включались в схватку, прямо с короткого марша.

Противник, не ожидавший такого поворота, дрогнул, но спины не показал, а развить успех русским полкам было уже нечем. Резервов больше не было, все, кто мог, включились в бой.

Может быть, Василько не был великим полководцем, но вот воителем он был преславным.

Как могучий богатырь из древней легенды, он прокладывал себе дорогу острым мечом среди всего этого хаоса. Копыта его коня ступали по обезглавленным телам.

Железные булавы, ударившись о его грудь, разлетались со звоном на мелкие кусочки, словно стекло. И не было такого щита, который бы не пробил его меч.

Оказываясь в самом центре людского месива, он звездил по головам не успевших избежать столкновения вражеских всадников. Зычным своим голосом он призывал бойцов не жалеть кривоногих степных бесов. Он был красив, отважен и силен. Один только его вид вызывал у татар ужас. Как перезрелые арбузы, трескали вокруг него охваченные страхом нерусские лица.

Видя это, Василько расхохотался, откинувшись в седле, как мог хохотать только бог войны. Русая борода сверкала на солнце. Жила на виске от напряжения вздулась, как канат. Страшен был в этот момент лик Василько, и попятились монголы.

Но как бы ни был страшен русский богатырь, а и его ожидала вскоре печальная участь. Рано или поздно внезапность и большое численное превосходство должны были сказаться и сказались.

Ещё сверкали на поле красные щиты, говоря, что есть еще кому продолжить бой, есть кому постоять за честь Отчизны, но их становилось всё меньше и меньше. Один за другим падали мёртвыми наземь ростовские храбрецы, полные необузданной природной мощи и сурового гнева. Полегла почти вся храбрая дружина Василько, одни уснули навсегда со стрелой в груди, другие – изрубленные татарскими кривыми саблями. Сам богатырь, хоть и был весь изранен, оставался жив. Меч у него в руках по-прежнему сверкал, наводя ужас. Не остывая, в запале бойцовском, ростовский витязь рубил, колол, крошил. Вид его был действительно жутковат. Руки Василько в запекшейся крови, лицо в царапинах, кольчуга помята, в нескольких местах она висела звеньями, открывая бреши, шлем наискось надрублен мечом.

Несгибаемый он был человек, гнулся только в молитве перед богом, врагу же было его вовек не согнуть.

Вот уже и конь под ним был убит, а только и пешего Василько татарам взять было не под силу.

Обступили его враги, блистали их шлёмы, сверкало оружие. Секли они его саблями острыми, а он отражал их удары, перегородившись щитом. Но раны и напряжение боя уже давали себя знать. Дышал богатырь тяжело, воздух со свистом выходил изо рта. Глаза застилал пот, катившийся со лба ручьём, утирая его огромной ручищей, чтобы не мешал, Василько упрямо продолжал драться. Скольких врагов порубил он мечом вокруг себя, не сосчитать, да притупился, зазубрился верный меч. Богатырь был уже не так быстр, движения становились тягучими и заторможенными. На жилах, на упорстве, он стоял как скала. Удары становились реже. Скоро уже и щит был за ненадобностью отброшен.

Брызгая слюной, визгливо выкрикивая угрозы, топтались монголы, возле огромного ростовского героя стараясь, однако, держаться на безопасном расстоянии, опасливо выжидая.

Только человеческие силы даже у самых сильных богатырей, увы, не беспредельны, и они незаметно, капля за каплей, покидают бойца вместе с медленно вытекающей на снег густой алой кровью.

Видя, что в честном бою богатыря ещё долго не удастся одолеть, коварные татары решили воспользоваться проверенным в таких случаях методом.

Аркан в умелых руках – мощное оружие, а увернуться от него израненному бойцу не хватит ни сил, ни ловкости.

Как малого, беспомощного ребёнка спеленал славянского гиганта по рукам и ногам крепкий татарский аркан, повитый из верблюжьих сухожилий, не вырваться уже богатырю из его крепких объятий. Опустился он на снега белые под небом тёмным.

Хоть и не ждал этого Василько, а угодил он к недругам в плен.

Бросились к нему татары, радуясь своей долгожданной победе. Словно собаки на раненом вепре, повисли они на нем, повалили на землю и стали бить кто рукоятью меча, кто ногой. Монгольские воины бесновались вокруг поверженного богатыря, который теперь казался не таким огромным, не таким страшным, как это было всего несколько минут назад.

Свирепый и грозный, как хищник, он был теперь беспомощен. Верёвки сковывали его прочнее, чем железо. Чтобы на свободу не дай бог не выбрался.

Ходили слухи, что шестьдесят нукеров распорол Василько, прежде чем опутали его степняки тугой петлёю.

Монгольские солдаты хоть и злы были, а вождей противника без особого приказа не убивали, стараясь взять живыми. Решать, кому из князей жить, а кого казнить, было не в их власти, а на этом поле не было никого, кто бы мог решить судьбу Василько. По его доспеху и его поведению было видно, что это совсем не простая фигура. А судьбы князей, угодивших в монгольский плен, решал только Батый.

А раз так, нужно доставить пленника хану.

Через некоторое время приволокли полуживого от полученных ран богатыря прямо к стопам Батыя.

Всё это время ростовский князь не принимал из рук врага ни пищу, ни воду.

Батый смотрел на него, раздумывая.

– Здравстуй! – твердо выговаривая русское слово, промолвил монгольский хан. Лицо его было суровым и надменным.

Хана удивило, что человек, который стоял перед ним, даже сейчас выглядел несломленным. Веревки прочно обхватывали руки богатыря, из расстегнутого ворота рубахи на могучей груди виднелся шнурок от нательного крестика.

Как же хотелось татарам, чтоб такой великолепный богатырь, как Василько, обладавший огромным авторитетом среди своих соотечественников, принял их обычаи и воевал вместе с ними. Разводить политесы было некогда, и Батый перешёл сразу к сути дела, чего тянуть.

Два толмача, до того находившиеся за спиной Батыя, придвинулись ближе.

– Переходи в мой стан, коназ! Будь мне другом, и я буду другом тебе! Возьми себе жену татарку! Какую хочешь возьми! Таких у тебя нету! Роди детей от татарской жены! Будешь одним из первых витязей у меня! Будешь снова править в своём Ростове! В противном случае примешь ты смерть лютую за всех моих людей, что ты положил!

То, что ситуация была безнадежна и помощи ему ждать неоткуда, Василько знал с той самой минуты, когда арканная петля повалила его на снег. Он уже приготовился к смерти и пощады от врага не ждал.

Богатырь живёт недолго, а честь и бесчестье – века. Да и любому смерду на Руси честь, почитай, дороже добра! Ну получит он жизнь из рук хана, ну сохранит за собой Ростов, зато от его доброго имени не останется и следа. Если только он перейдёт в стан врага, перестанет быть мужчиной.

– Зазорно мне, богатырю русскому, склонить свою голову перед нечестивыми. Убейте меня, я за жизнь не цепляюсь, это не самое дорогое, что у человека есть!

– А что же есть дороже?

Монгольский хан сузил глаза и злобно уставился на русского князя, в них появился недобрый блеск.

– Честь! – Василько взглянул на повелителя степи. – Я давал клятву защищать свой народ, а у мужчин слово и дело не расходятся.

– Ты умрёшь страшно, – проговорил хан отчётливо. – А город твой мы сотрём с лица земли, потому что защищать его будет некому.

– Упаритесь! Вы с одним богатырём еле справились, а с Ярославом придут сотни.

Толмачи переглянулись, и один что-то коротко сказал другому на своем языке.

– Ты похваляешься, что можешь сделать всё. А вас уже не так много и осталось. Вам не потянуть. Самим бы ноги унести, так что не пугай. А жизнью моей ты волен распоряжаться, как хочешь!

Толмач, сидевший от хана по правую руку, испуганно повел глазом, но перевёл. Задрожал Батый, слушая этот благородный ответ, и вновь вспыхнула в нём ярость и обида. Не привык хан, чтобы пленники так с повелителем Вселенной разговаривали.

– Мечтаешь о том, чтобы уничтожить меня? – сказал он, с трудом скрывая душившую его ярость. – Так знай, ты будешь молить о смерти, но мы не дадим тебе умереть легко.

Ничего ему Василько на это не ответил, стоял себе спокойно.

– Ну что же, это твой выбор. Принимай его, – сказал хан и сделал знак палачу, в упор глядевшему на Василько круглыми желтоватыми глазами, страшными тем, что они ничего не выражали.

Тот вразвалку на своих кривых ногах обошел вокруг богатыря и изо всей силы ударил Василько пропахшим лошадьё кулаком в лицо. Витязь гневно посмотрел на него, из носу потекла тонкой струйкой кровь. Палач неосторожно приблизился к пленнику, надеясь увидеть в глазах его испуг, но увидел лишь ярость. Злые глаза богатыря блеснули под ресницами, помедлив немного, он поглядел на палача и, разлепив спекшиеся губы, будто выплюнул:

– Пес!

Руки богатыря были связаны, и единственное, что он мог сделать, это плюнуть обидчику в харю.

– Неуж и вправду не боится? – удивился Батый. – Или злоба ослепила?

В этот момент Василько, извернувшись в руках нукеров, крепко державших его, ударил палача головой в лицо.

Палач от неожиданности что-то тоненько взвизгнул не по-русски и изо всех сил ударил в ответ богатыря сапогом в живот.

Тут налетели другие, повалили богатыря на землю, пинали его ногами.

Палач норовил ударить побольнее. Сам он все еще хлюпал и отхаркивался кровью, сплёвывая крошево зубов.

Как говорит Лаврентьевская летопись: *«Они же (монголы) скрежесали на него зубами, желая насытиться его крови»*.

Сутки с перерывами пытали богатыря, и сам он потерял всякое ощущение времени. Тело становилось все менее чувствительным к боли, а монголы старались высечь из него новую искру страдания.

Василько видел, что люди эти давно уже перестали быть людьми, и не могли они простить русскому витязю, что он был единственным человеком среди них: гордым, честным, готовым сражаться за красоту этого мира для себя и для всех людей. А главное то, что он и сейчас был сильнее их. И это бесило!

Василько знал, что ему больше не жить на свете. Единственное, чего он боялся, так это того, что его соратники в решающий час расплаты не будут беспощадны к этим степным выродкам, что сердца их могут растопиться жалостью, и тогда они, эти выродки, снова их обманут и задавят все живое на Русской земле. А еще он думал о том, что будет с детьми, когда его убьют, и жалел жену.

Стойко держался Василько, терпеливо снося выпавшие на его долю муки, не было на свете таких сил, чтобы заставили его умолять о пощаде. А такое поведение заслуживает уважения всегда как у друзей, так и среди врагов.

– Не сломить вам русских богатырей! – торжествуя прохрипел Василько, и лицо его растянулось в страшной улыбке. – Скоро задавят вас всех! Дьяволы узкоглазые!

Когда измученные палачи пришли к Батыю за указаниями, что делать с отважным богатырём, какой предать жуткой смерти, тот выслушал их и мрачно молвил:

– Он хотел умереть как мужчина, так зачем отказывать настоящему мужчине в его желании. – И отпуская их, жестом повелел: – Пусть умрёт как воин.

Умели русские богатыри принимать смерть достойно. Не посрамив. Так что даже их злейшие враги уважали их и после смерти.

А что сказано об этом случае в документах?

Немного. *«И много мучившие его, смерти предаша, повергоша его в лесу Шернском».*

Там и было тело Василько найдено сыном священника и привезено в Ростов. Что это за лес и где он находится, так до сих пор и неясно. Супруга князя, дети и весь честной ростовский народ встретили с горьким плачем тело любимого князя и погребли его под сводами соборной церкви. Летописец записал увиденное им так: *«Рыдало народа множество православного, зряще отходящим отца и кормителя сирым, печальным утешение велико, омраченным – звезду светоносную зашедшую».*

С горькими слезами погребли ростовцы своего князя. Осиротели!

Жена Василька – княгиня Мария Михайловна после убийства мужа татарами основала в память супруга в километре от Ростова Спасский на Песках Княгинин женский монастырь, в котором сама и была погребена в 1271 году. А храм стоял как напоминание местным жителям о доблестном защитнике Отчизны, о том, что такие мужчины бывают не только в легендах.

Это факты. А кроме фактов, есть и легенды. Одна из них, которую до сих пор можно услышать в Ростове Великом, если сам повезёт, говорит о том, что несломленного пытками русского богатыря удалось привезти в Ростов ещё живым. Монголы выкололи ему глаза, нанесли множественные увечья и раны, сильно кровоточащие, но могучий организм не сдался, терпел, и умер Василько только в стенах родного дома. В Ростове. Как и положено богатырю.

Самого героя похоронили со всеми полагающимися почестями в Успенском соборе под спудом, какая честь даётся не каждому. А в церкви Входа в Иерусалим, что расположена в звоннице Успенского собора, можно и сейчас увидеть икону с изображением князя Василько, почитаемого как местного святого.

Так что жива память о герое в русском народе, жива!

В итоге ростовский богатырь получил то, к чему так стремился, – бессмертие!

Выдержки из летописей и работ известных историков

«Въ 1212 году, Маія 23, были постриги у Константина Всеволодовича сыновьямъ его, Васильку и Всеволоду»
(Н.М. Карамзин).

«1218 год. Великій Князь Константинъ – изнуренный, можетъ быть, недугами – довольствовался сожалѣніемъ о несчастныхъ; строилъ церкви, раздавалъ милостыню и съ восторгомъ лобызалъ святыя мощи, привозимыя къ нему изъ Греціи. Не задолго до кончины своей онъ послалъ старшаго сына, именемъ Василька, княжить въ Ростовъ, а другаго, Всеволода, въ Ярославль, приказавъ имъ жить согласно, быть во нравахъ подобными ему, благотворить сиротамъ, вдовицамъ»
(Н.М. Карамзин).

«1219 год. Князь великий Юрий послал брата своего Святослава со всеми войсками на болгар, а Ярослав переславльскій послал воеводу своего, а также и Василько Константинович послал воеводу со всеми ростовцами и устюжанами, князь Давид муромскій послал сына Святослава, а Юрий сына Олега. И съехались все на Волге на устье Оки, и пошли вниз в насадах и ладьях»
(В.Н. Татищев).

«Святослав, сжегши град и взяв имение многое и пленников, возвратился и пошел вверх по Волге, имея у себя весьма много раненых.

И Святослав, миновав болгарские насады, остановился на устье Камы. Тут пришел воевода Васильков Воислав Добрынич с ростовским войском и множество полона привел, который шел по Каме и многие города болгарские разорил и попленил»
(В.Н. Татищев).

«Князь великий Юрий, желая болгар более покорить, стал сам собираться, чтобы весной с большими войсками идти. Но болгары, уздав о том, прислали послов с просьбою о мире. Только князь Юрий им отказал, требуя от них ежегодней дани, чего болгары никак учинить не хотели. И так, отпустив послов, зимою стал собираться и послал в Ростов к племяннику своему Васильку, чтоб он с войсками сам пришел в Городец, как только лед вскроется, а сам пошел на Оку. Тогда пришли к нему другие послы болгарские. Но Юрий их отпустил, не учинив мира, потому что оные были не от Великого града. Василько, придя в насадах со всем своим войском, остановился у Городца и к стрюю Юрию прислал с известием. И по оному Юрий сам пошел в Городец к Васильку. Тогда пришли третий раз послы от болгар из Великого града со многими дарами и преизящными вещами. Князь же Юрий, послушав просьбы их, учинил с ними мир на прежних договорах, каковы учинены были при отце его. И взяв от них клятву, послал к болгарам своих послов привести князей их к клятве, а сам возвратился во Владимир»
(В.Н. Татищев).

«1222 год. Василько Константинович по совету стрья своего ездил в Киев к деду Мстиславу и был в Чернигове принят с честью. Оттуда возвратился в Ростов»
(В.Н. Татищев).

«1224 год. Князь великий Юрий, уздав о том, тотчас собрав все свои войска, братьев и племянников присовокупив, пошел сам, с ним Василько Константинович и шури его князь Михаил Всеволодич черниговский, и пришел в Торжок. А новгородцы, убоявшись, послали к нему двух знатных бояр просить, извиняясь, чтоб он послал к ним сына своего, «и мы его с честью держали, но он, не захотев быть в Новгороде, уехал». И просили, чтоб прислал к ним снова сына»
(В.Н. Татищев).

«1224 год. Князь великий Мстислав Романович, послал ко всем князям русским, червенским и северским, а также и к Юрию Всеволодичу, созывая всех на съезд со всеми их войсками, объявляя им про столь великого и свирепого народа нашествие к странам русским, представляя: «Если ныне совокупною силою их не удержим и половцев не обороним, а половцы им поддадутся, тогда нам всем тяжелее будет». На оное все согласились и обещали по крайней возможности больше войск собрать и немедля прийти, но многие, не желая пашен оставить, с малыми войсками шли. Юрий Всеволодич, собрав малое войско, послал племянника своего Василька Константиновича ростовского только с 800, и то по настойчивой просьбе Васильковой, который просился, чтоб ему в воинстве со старшими обучиться.

Василько же ростовский, идучи, не поспел с полком своим. И уздав, что князи уже от Днепра пошли, остановился у Чернигова. И так не только Бог его спас, но Чернигову и Киеву многая помощь учинилась, ибо татары, уздав, что войско русское у Чернигова стоит, не смели приблизиться и пошли обратно на побег»
(В.Н. Татищев).

«1227 год. Юрий Всеволодович, видя племянника своего Василька Константиновича в возрасте, по завещанию отца его послал с боярами своими в Смоленск, Чернигов и к другим князям под видом свидания выбрать себе невесту, где полюбится. Он же избрал дочь Михаила Всеволодича черниговского, шурина Юриева, Марию и о том возвестил стрью своему.

1228 год. Тогожь лѣта, мѣсяца Сент., Великий Князь посла на Мордву Василька Костянтиновича и своего мужа, Еремея Глѣбовича, воеводствомъ съ полкомъ, и бывшимъ имъ за Новымъ (Нижнимъ) Г. на предѣлѣхъ Мордовскихъ, пославъ Гюрги взрати ихъ, не дасть имъ воевати, зане погодья имъ не бысть: бяхуть бо дождеве велми мнози день и ночь. Того жь мѣсяца (Генваря) 14 день Великий Князь Гюрги и Ярославъ и Костянтиновичи, Василько и Всеволодъ, идоша на Мордву, и Муромский Князь Гюрги Давидовичъ, вшедъ въ землю Мордовскую, Пургасову волость пожгоша, жита потравиша, и скоть избиша, полонъ послаша назадъ, а Мордва вбѣгоша въ лѣсы своя въ тверди; а кто не вбѣгль, тѣхъ избиша наѣхавше Гюргеви *Молодіи* (Отроки или Дѣтскіе) въ 24 день Генваря»
(Н.М. Карамзин).

«1230 год. Василько Константинович ростовский с братиею выпросили у стрья своего великого князя Юрия Кирилла, игумена рождественского, в Ростов в епископы и послали его в Киев. Которого митрополит Кирилл, поставив, отпустил в Ростов»
(В.Н. Татищев).

«1231 г. Апреля 25 князю Васильку Константиновичу ростовскому родился сын и нарекли его при крещении Борис, а княжеское Ярослав»
(В.Н. Татищев).

«1231 год. Князь Ярослав переяславльскій с племянниками своими Константиновичами пошел с войсками на князя Михаила черниговского. И войдя в землю его, сжег город Ршенск и стоял под Можайском. Все жита и овощи потравил, опустошил и села пожег, возвратился, не взяв Можайска и не учинив мира. Тут был убит боярин его Иван Боша да подвойскій Андай, и других много побито»
(В.Н. Татищев).

«1235 год. Ярослав Всеволодич, собрал новгородцев и, взяв помощь от племянников Константиновичей, со всеми своими переславскими войсками пошел на Михаила. К Киеву идучи, область Черниговскую, где не было кому оборонять, разорял и, тяжкие откупы с городов взяв, пришел к Киеву. Сам сел на Киеве, а в Новгороде оставил сына Александра и, одарив, новгородцев отпустил»
(В.Н. Татищев).

«1237 год. Марта 4. И учинили бой на реке Сите; продолжая, русские весьма храбро бились, лилась кровь, как вода, и долгое время никто не хотел уступить.

Георгій палъ на берегу Сити. Князь Василько остался плѣнникомъ въ рукахъ побѣдителя»
(Н.М. Карамзин).

«Василька Константиновича ростовского взяли живого и вели его до Шеринского леса, принуждая его к принятию веры их. Но он не послушался их, и татары, муча его, смерти предали»
(Н.М. Карамзин).

«Сей достойный сынъ Константиновъ гнушался постыдною жизнію невольника. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбію и голодомъ, онъ не хотѣлъ принять пищи отъ руки враговъ. «Будь нашимъ другомъ и воюй подъ знаменами великаго Батѣя!» – говорили ему Татары. Герой Василько. «Лютые кровопійцы, враги моего отечества и Христа, не могутъ быть мнѣ друзьями, – отвѣтствовалъ Василько: – О темное царство! есть Богъ, и ты погибнешь, когда исполнится мѣра твоихъ злодѣяній». Варвары извлекли мечи и скрежетали зубами отъ ярости: великодушный Князь молилъ Бога о спасеніи Россіи, Церкви православной и двухъ юныхъ сыновей его, Бориса и Глѣба. Татары умертвили Василька и бросили въ Шеренскомъ лѣсу»
(Н.М. Карамзин).

«Потом княгиня Василькова Мария и епископ Кирилл, послав по пути татарскому, нашли тело Васильково и, принеши, в Ростове погребли. Сей князь Василько был телом велик, лицом красив, очи светлые, храбр в воинстве и силен, весьма знающим был многие писания, рукоделия и хитрости, милостив ко всем и незлопамятен, виновных, наказуя словами, прощал. Убиен был в 29 год от рождения его. Все люди, а особенно служащие, весьма печалились о нем и до смерти не могли его забыть, и даже никто не хотел из них другим князям служить»
(Н.М. Карамзин).

«Сей Князь былъ искренно любимъ гражданами. Лѣтописцы хвалятъ его красоту цвѣтушую, взоръ свѣтлый и величественный, отважность на звѣриной ловлѣ, благодѣтельность, умъ, знанія, добродушіе и кротость въ обхожденіи съ Боярами. «Кто служилъ ему», говорятъ они: «кто ѣлъ хлѣбъ его и пилъ съ нимъ чашу, тотъ уже не могъ быть слугою инаго Князя». Тѣло Василька заключили въ одной ракъ съ Георгіевымъ, вложивъ въ нее отысканную послѣ голову Великаго Князя»
(Н.М. Карамзин).

Глава 5

Всеволод Юрьевич Владимирский

Виноватые без вины виноваты за это особо.

Для чего старательно скрипело гусиное перо летописца, заносающего по статьям в хрупкие скорлупки свитков все наши прошлые поражения и победы, успехи и скорби, беды и горести, триумфы и радости? Почему, окуная перо в густые чернила из медных тяжёлых чернильниц, неспешно выводил он в ряд ровные, словно отчеканенные буквицы, в которых заключены подвиги безумной храбрости, кровавые сечи, чудеса далеких земель, судьбы людей, вообще все эти истории седой старины? К чему и зачем тонким узорочьем рукописей тщательно и с упорством фиксировать труды и подвиги давно уже исчезнувших людей? И какой смысл имело то, что они содеяли? Для кого, собирая по крохам неустойчивую память, он писал, как сталивались страсти и вожделения и чья гордая власть в итоге одолела, о реках пролитой крови, о коварстве князей? О том, как проносятся в вихре закрученной пыли всадники, осенённые тенью ратных знамен, и как рушатся там, где они промчались, империи, о том, как одни княжества склоняют голову перед другими, и о том, как звенит слава героев? Что защищают, что оберегают и сохраняют они в своих ветхих летописных свитках?

Для чего они нам нужны, эти славословия густобородых книжников? Наполнить смыслом деяния князей и епископов и на века обессмертить подвиги воевод и героев? Или просто удовлетворить любопытство?

Каждый может выбрать ответ по себе. Но одно лишь бесспорно, прошлое незримо живет в этих исписанных кириллицей желтых страницах, далекою памятью предков, уснувших в земле. Исполненное глубокого таинственного смысла, говорит оно в нас голосом крови, и разумнее знать, понимать его, чем не знать и не понимать совсем. Знать, остались ли ещё святыни для нас, от чего мы не отступим, если придется? Знать, ради чего раньше шли герои на подвиг и на муку? В чем нас никакими силами не согнут, даже если навалятся гуртом... От многих роковых ошибок избавит нас знание своего далекого прошлого, потому как в развитии человеческого общества не бывает процессов, которые происходили бы сами по себе и которые бы не повторялись спустя столетия, даже на ином уровне. Вот почему бесполезно пристально вглядеться в документы, оставленные нам предками, а не пренебрегать ими. А ведь правильно оценивая прошлое, есть возможность лучше понимать происходящее, и тогда яснее станет будущее. Как говорили древние, не хлебом единым жив человек. Однако мало кто из людей задумывается над этими вещами сейчас, мало у кого возникает желание разобраться в каракулях прошлого или минувших времен небылицах. Но, порой глядя на старинные рукописи, хочется удостовериться, что справедливость всё ж таки есть и что с каждого, кем бы он ни был, спросится потом по делам его?!

Конечно, в одной повести на все вопросы ответить не удастся, но чтобы получить ответы хотя бы на некоторые из них, попробуем полностью погрузиться в историю. А это значит, нас ждёт ещё один богатырь.

Из всех персонажей, о которых шла речь в этой книге, тот, о ком я хочу рассказать сейчас, наименее известен, хотя история его короткой жизни, безусловно, заслуживает внимания. В какой-то момент его личная трагедия слилась воедино с трагедией множества людей и стала неотделимой частью беды, случившейся с целым городом, и может быть, именно поэтому осталась в тени. Хотя скорее личная драма князя переросла в драму целого княжества. Но я хочу рассказать историю молодого витязя, положившего жизнь на алтарь Отчизны, не обрывочно, как она выглядит в старинных летописных свитках, а целиком, и попутно снять с княжича груз

нелепых обвинений в бездеятельности, трусости, а даже в предательстве, которыми походя наградили его некоторые наиболее горячие, но поверхностные и недобросовестные историки. В своих обвинениях они порой были так щедры, что «сеяли не горстью, а из целого мешка». Напридумывали сплетен и сами в них уверовали. Каждый при этом, конечно же, придавая своим словам научность и вес, ссылаясь на прочитанные им документы, в которых, по их же словам, царила неизъяснимая путаница – в одном сказано так, в другом эдак, и, отчаявшись в ней разобраться, они, оправдывая себя, приняли на веру то, что ближе их восприятию, ну и дальше развили и углубили, как могли, не стесняясь в эпитетах и выражениях.

Но у эдаких мастеров, если по правде рассудить, и невинный за виноватого легко сойти может, только вот концы с концами им свести никогда не удаётся. Если бы прошлое могло увидеть то, что с ним сделали сейчас такие вот деятели, оно непременно бы содрогнулось.

Но, как говорится, Бог с ними. У них своя история, у нас своя. Цитируя одного известного автора, скажу, что мы будем судить нашего героя «не по мертвой шелухе внешних кажимостей, а по глубинной сути желаний и страстей».

Можно было бы начать это повествование так: когда-то давно, во времена незапамятные жил молодой витязь, – но это будет больше похоже на сказку, у нас же жанр иной, а потому, соответствуя его канонам, начнём историю несколько иначе. В 1212 году в семье владимирского князя Юрия родился мальчик. Первенец. Может быть, именно поэтому княжеское и крестильное имя он получил в честь его деда Всеволода Большое Гнездо, который, по свидетельству автора «Слова о полку Игореве», мог веслами своих дружин расплескать Волгу, а Дон шеломами вычерпать. Вот какого масштаба был человек! Но и он был не вечен.

Братьев (сыновей Всеволода), что, сохранив наследие, усердно продолжили развивать дело отца, дружно преумножая его деяния, было двое: Юрий (отец нашего героя) и Ярослав. И дело не в том, что у Всеволода Великого, или Старшего, не было других детей, как раз были, и много, аисты носили ему детей регулярно, за что он и получил своё прозвище – Большое Гнездо, но почти во всех делах старшие братья управлялись вдвоём, изредка привлекая к решению проблем третьего брата – Святослава.

Благодаря неустанному братскому труду выросла мощная держава Всеволодовичей, и не каждое европейское государство могло тягаться с ней в одиночку. Владимирский летописец на страницах своей истории попытался оставить в назидание грядущим потомкам картину счастливых дней, в которых пребывала его земля под властью князя Юрия. И это справедливо. Владимирский князь блистал всяческими талантами и, как никто другой, заслуживал величайшего восхищения, как современников, так и потомков. Далеко князь глядел, радел за Русь. Неслучайно историк с берегов Туманного Альбиона Джон Феннел подметил: *«Своей стабильностью Суздальская земля обязана мудрой политике или счастливой звезде своего великого князя – Юрий крепко держался в седле в течение всего этого периода»*. Крепко стояли его города: Суздаль, Ростов, Переславль, Ярославль, Углич, но всех превосходнее и краше была великолепная столица – Владимир. Буквально на глазах рос и преображался этот город. Опоясался, как поясом, рвами глубокими, оброс валами высокими, украсился дивными белокаменными храмами и церквями, что высились в нём, чего стоили одни только Золотые ворота – огромная каменная арка с крепостным сооружением и надвратной церковью. Да и сам княжеский дворец славился убранством, вызывая восхищение иностранцев. Город уже давно стал настоящим культурным центром Белой Руси. Далеко по земле прошел слух о Владимире. Торговая площадь, куда прибывали со всех концов света купцы, вечно шумела многолюдием.

Да, было на что в этом прекрасном городе посмотреть. И самым прекрасным зданием в толчее изузоренных дворцов, просторных гриден, вечно теснящихся друг к другу клетей, деревянных и каменных церквей, стройных до изящества колоколен был величаво стоящий златоглавый Успенский собор, самый большой из всех храмов. Простой, могучий, совершенный по форме, он как нельзя лучше подчёркивал величие богатого города.

Даже вечно чем-то недовольные, две исконные колыбели русской демократии и своеволия, Псков и Новгород поклялись ходить под рукой великого князя и его брата, признавая первенство Владимира. Казалось бы, уж на что был велик авторитет Киева, но и он не мог соперничать с первым городом Белой Руси. Киев безнадежно дряхлел, и лидерство его было теперь лишь номинально, исторически привычным. Мельчая от частой смены князей, земля киевская давно стала переспелым плодом, готовым упасть в руки любому удачливому победителю, только тронь его, и такой победитель наконец нашёлся. Сейчас на златом киевском престоле сидел, по праву победителя, залесский князь Ярослав, брат Юрия, и появилась надежда, что он сможет вернуть городу былую славу – великой, легендарной, невозвратимой киевской старины. Вот по всему и выходило, что владимирский стол был на тот момент самый высокий стол на Руси. Неспроста зачастили и во Владимир на княжеское подворье степенные послы от короля венгерского и польского, гордые ромеи от самого византийского патриарха. Ждут приема у князя шустрые послы князя Волынского и Галицкого, а германский император шлёт сюда щедрые дары в знак своего уважения и дружбы.

Никто, будучи в здравом уме, не хотел всерьёз нападать на это государство и дерзать вступить в великую борьбу с князьями владимирскими, ибо устрашающая храбрость воинов гармонично сочеталась со стратегическим умом правящего там князя. Правда, до ратных подвигов и походов воинских князь Юрий, надо сказать, был не большой охотник. Сам он полки водил редко, предпочитая оставаться в столице и контролировать всё оттуда, доверяя войну братьям, хотя на вооружение тратился регулярно и делал это рассудительно, но щедро, то есть не скупясь. Чтобы войска шли в бой, ошетилившись железом, – не жаль серебра! Ещё его батюшка понимал, что покой от врага испокон века был в надежном и сильном войске, которое надо сытно кормить и которому нужно хорошо платить. И князь Юрий платил, ибо было чем, ведь славился князь не только храбростью своих воинов и собственной мудростью, но бессчётными богатствами. Было в его сокровищнице всё, что только можно пожелать: и золото, и серебро, лежали там и камни драгоценные, равных которым по красоте не знал свет. Изумруды светились зелёным мягким светом, каплями крови рдели рубины, сверкали всеми цветами радуги алмазные россыпи, а рядом с ними лежали сапфиры, и яхонты, и аметисты, светясь радостными огоньками. У каждого камня своя душа. А рядом кожаные мешки с немецкими артугами и восточными дирхемами, тусклые груды гривен-новгородок и связки соболей, куниц и бобров. Серебряные кубки, достоканы, чаши, чары и блюда русской и цареградской работы стояли на открытых полках, в нишах стен. Прямо сказать, ломилась казна от сокровищ. И монету владимирцы чеканили сами, чтобы цену она имели наибольшую. И судя по тому, что количество жителей в княжестве с каждым годом прибавлялось, действовал Юрий Всеволодович в верном направлении. Вот что бывает, когда политика с экономикой идут рука об руку и личное не ущемляет общее, когда князь свой народ не грабит, не тянет из него последнее! Юрий хорошо усвоил науку, преподанную ему отцом. Одни правят государством только потому, что другие работают, производя полезные вещи. Если не будет их, этих людей, тружеников, крестьян, работников, не будет и государства и некем станет управлять. И нет иной, большей правды на земле. Владимирский властелин уже давно понял, что понуждение вкупе с изобилием товаров иноземных не сотворят блага стране.

Так что нет ничего удивительного в том, что жили владимирцы счастливо, радовались, трудились, ничего не боялись. Жили, не прислушиваясь тёмными ночами с опаской к конскому топоту, спали спокойно, будучи уверены, что не дотянутся до них острые половецкие мечи, не пустят по миру, не накинута волосяной аркан на шею и не угонят в степь. А потому и налоги из них необходимости выбивать силой не было, сами исправно платили дань. А чего было и не заплатить когда по две-три, а то и по пять молочных коров мычат во дворах, а к ним овцы да гуси, куры, свиньи – без счёта! И мужик во дворах все ражий, красный лицом, здоровый, веселый, кормленный! А девки, те ведра дубовые в гору несут, словно лебедушками

плывут! Да и женки крестьянские, простые, деревенские, в церковь или на праздник все в жемчугах да в серебре выйдут! А раз всё хорошо и сытно, то в любой избе, особенно по осени, путника накормят, напоят и на ночь приютят!

Одним словом, хороша была жизнь в государстве Владимирском, и шла она ровно, от одной летней страды до другой, по годичным кругам, не жизнь, а просто праздник какой-то. Казалось бы, живи и радуйся, так нет, всегда найдутся люди, которым чужое счастье стоит поперёк горла.

Но оставим разговоры о том, как всё хорошо было раньше, всё это ещё присказка, не сказка, как говорится, сказка будет впереди. Ибо грядущего никто не ведаёт, даже мудрецы дерзают объяснять детально лишь совершившееся, что, и почему, и какие причины способствовали, и где и какая оплошность, и главное, кем была допущена. А о том, что должно произойти, размышляют исходя из прошедшего опыта да на основе накопившейся мудрости, а также анализа и статистики. Вот и выходит, что прогнозы верны только при наличии сходных обстоятельств, а бывает и так, что никакой опыт не помощник в точном определении этого самого будущего, о чём говорит и народная пословица, в плане того, что соломки бы подстелил. Да и наша история служит подтверждением того, что планировать наперёд необходимо, а вот знать, что из этого выйдет, никогда нельзя. Началось всё поздней осенью 1237 года с беды, и неслась эта беда к Владимиру от самых границ от рязанских, мчалась, загоняя и нахлёстывая коней без остановок. А случилось вот что. Рязанского князя Юрия Игоревича готовились атаковать несметные орды кочевников. Принесла их нелёгкая под зиму завоёвывать соседей. С весом Владимирского государства на международной арене хан, ведущий орду, считаться не спешил, для него незыблемости границ не существовало. Была за ним такая сила, что рассчитывал он всерьёз и мир своею мощью потрясти, и соседей всех покорить. Враг был опасен и настолько превосходил силами, что рязанский князь срочно обратился за помощью, о чём и слал грамоты своему другу и соседу.

Владимирский князь Юрий отнёсся к угрозе всерьёз, он уже знал, что копытами коней чуждых завоевателей раздавлена и растоптана в пыль Волжская Булгария, пленена Мордовия. Он раньше других понял, куда будет направлен следующий удар пришельцев, и потому возводил во Владимире новые укрепления. Только беда пришла раньше, чем ждали. Вывод о том, что нужно сейчас делать, напрашивался сам собой, но в одиночку принимать решение не хотелось, а принимать его нужно было спешно. Как говорится, промедление смерти подобно, особенно в таких случаях. Потому созвал Юрий княжий совет, и грамоты с призывами о помощи были явлены думным боярам незамедлительно. Не первый раз собирались бородатые мужи в этих палатах, но впервые за долгие годы повод был так серьёзен, что дальше некуда, а посему все они сейчас были неразговорчивы, входили тихо, рассаживались по отполированным лакам, вдоль стен, молча поглаживая бороды. У каждого было свое место. Юрий не заставил себя долго ждать, присутствующие разом встали, приветствуя его поклоном. Князь уселся в обитое бархатом кресло, насупясь, будто выпил горького настою, окинул взглядом думцев. На столе, шипя, медленно горели свечи... В палате повисла напряженная тишина.

Молчание несколько затянулось.

– Почто притихли, бояре? – обратился к советникам Юрий Всеволодович.

– А чего говорить, о коварстве степняков давно ведомо.

Бояре ждали, что скажет сам Юрий, не пытаясь прочесть его мысли и угадать тайное, а то, что он уже что-то про себя решил, они не сомневались. Затем и послал, не совета слушать, а обсудить мысли, в голову ему пришедшие, и дать указания. Как говорится, один ум хорошо... И это было верно. Юрий, великий князь Владимирский, глава Руси, с густою русою бородою, умными усталыми глазами и ранними промелями седины, решил не дожидаться, когда противник нападет на Владимир, а немедленно, всеми полками выступить на Рязань.

– Ратей ныне не собрать по-быстроу. Зима, – молвил задумчиво один из бояр по имени Дорож.

– Да, – согласился с ним князь. – Быстро силу собрать не удастся. Но и друга в беде оставлять негоже. Противник уж больно силен, одним рязанцам не сдюжить, а дальше наш черёд. – Он был человек весьма рассудительный. – Я вот что думаю. Нужно собрать тех, кто есть под рукой, и отправить к Коломне, где стоит со своими полками коломенский князь Роман, а уж оттуда они вместе пойдут к Рязани. А там уже, соединившись с Юрием, они любую орду остановят.

– А ежели что пойдёт не так? – спросил боярин Пётр Ослядюкович.

– Так и мы ждать не будем. В Москву отправим гарнизон, а сам я буду остальные дружины поджидать да собирать войско воедино. Если потребуется, оно выступит в след. И брату моему Ярославу в Киев гонцов пошлём, чтоб шёл сюда со своей дружиной без промедления.

Так как возражений не последовало, оставалось привести план в действие, а главное – решить, кто поведёт войска в помощь рязанскому князю.

У князя Юрия Всеволодовича было три сына: Всеволод, Мстислав и Владимир. Вот он и решил всех их задействовать в столь трудный для Отчизны час. При себе во Владимире он оставил Мстислава, в Москву под присмотром воеводы отправил младшего – Владимира, а самую ответственную задачу, вести полки на Рязань, поручил Всеволоду как старшему сыну. С каждым из сыновей Юрий послал бояр доверенных, воевод опытных. Всеволоду в помощь он дал знаменитого воеводу Еремея Глебовича. Воевода был прям, честен, надёжен. Одним словом: соответствовал.

Что сказать о старшем сыне князя? Всеволод был ростом невелик, но крепко скроен, в плечах и груди даже шире, чем надо. Руками был способен гнуть тугой лук, как тростинку, а стрелял из него так, что стрелы догоняли друг друга в полёте. Да и бойцом был искуснейшим, с детства учился искусству боя у отчаянных головорезов, которые закрывали границы владимирские и не пропускали через них никого, кто осмеливался пересечь их самовольно. Несмотря на свою молодость, Всеволод успел уже кое-чего повидать. Княжил в Новгороде, ходил на мордву, болгар, Чернигов. Может быть, это только легенда, но Всеволода любили все: любили смерды, любили старые слуги отца, любила дружина, любили иереи и монахи, а простые кмети, так те за своего князя готовы были в огонь и воду, или, говоря иначе, готовы были любому глотку перегрызть. Молодые дружинники, оберегатели княжича, всюду следовали за своим господином, и только смерть могла освободить их от этой службы. И Всеволод с лихвою оправдывал всеобщую любовь к себе. В бою был до удали смел, а на пирах щедр и хлебосол. В себе был уверен настолько, что одним взглядом заставлял встречных уступать ему дорогу. Врагов Всеволод никогда не боялся и в данном конкретном случае поддерживал решение отца, считая, что не честь богатырская взаперти сидеть да за стенами городскими прятаться, а нужно ехать в чисто поле, пересчитать силу татарскую. Всеволод любил отца, быть может, больше всех прочих детей, любил горячо, безоговорочно принимая все его недостатки и слабости (например, отсутствие тяги к бранной славе), которых, стоит отметить, было совсем немного.

Получив известие о том, что Владимиру грозит война, начали прибывать на двор князя Юрия витязи из ближайших городов. Здесь во Владимире собирались сейчас герои, а не рекруты, нагнанные из-под палки. Все они добровольно съехались ратное своё умение выказать. Сформировал Всеволод добротную кавалерию, тяжёлую, бронированную. Опытные, отважные, закалённые в сотнях сражений, готовы они были за ним идти в огонь и в воду, и жизнь готовы положить хоть здесь, хоть в странах неведомых.

Быстро густели ряды кметей. Совсем скоро княжий двор наполнился ржаньем коней, гомоном и лязгом оружия. Бояре Москвы и Суздаля первыми привели своих людей вместе с ополчением. Сила была собрана, пришла пора выступать.

На прощанье Юрий, обняв и поцеловав сына, сказал:

– Смотри там! Дуром не пропади! Не лезь на рожон с татарами. Горяч ты больно! Тебе надлежит оборонять землю. В том твой крест!

– Не впервой, отец! – легко улыбаясь, возразил тот. – Не пропаду! Не посрамят себя владимирцы.

А кругом гомонили гридни, кони красиво перебирали ногами, всхрапывая, гнули шеи, натягивали удила, и скрипел под их копытами снег.

– Ступай! – молвил Юрий. И досказал уже вслед: – С Богом!

Нарочито пышно выехал Всеволод со своей дружиной за Золотые ворота: пусть видит люд владимирский – не испугался он Батыевой орды.

Толпа любопытных теснилась и толкалась. Звонкие голоса детей, ржанье коней, топот тысяч ног, звон колоколов собора, огненные языки факелов, их отблески на стенах сливались в одно тревожное, бодрящее и возбуждающее впечатление.

– Сила! – прищелкивали языками мужики, оглядывая бесконечную вереницу конных ратников.

Разобравшись по сотням, войско двинулось к Коломне. Была середина декабря, мороз под вечер крепчал, пар курился белым дымом над вереницами ратников, закутанных в овчинные тулупы и шубы, курчавая шерсть на конях заиндевела инеем, и они с шумом отфыркивали лед из ноздрей. Снежные вихри секли в лицо. Метель завывала дурными голосами, то слышалось в её вое, как хохочет леший, то преобладали визгливые и печальные голоса ведьм, будто пугающие владимирские полки, отговаривая идти. Но теряясь в лесах, исчезающие порою в струях метелей, пересекая поля, от города к городу, от деревни к деревне, упрямо двигались полки на помощь Рязани. Дневали среди пути у костров, ночевали в лесах, кинув на еловый лапник попону, а не по избам и не по теремам боярским; ели кашу из котлов, спешили. Пешие ратники, в полушубках, валенках и лаптях, красные от мороза, толкаясь и наступая друг другу на лапти, упорно продвигались вперёд, обминая скрипучий снег.

– Пошевеливайся, мужики. Иди шибче! – торопили конные дружинники.

Князь Всеволод в который раз оторвался от войска с небольшим отрядом и скакал далеко впереди. Был он молод, нетерпелив и верил в свою счастливую звезду. Конь играл под ним и тихонько ржал, Всеволод горячил его легкими ударами тонкой сыромятной плети. А вокруг шумно качались ели.

А в это самое время где-то там, за Рязанью, уже по дорогам ползли на мохнатых низкорослых лошадях ордынские всадники, закутанные в тулупы. Уже убивали князей, грабили и жгли деревни враги, гоня скот, уводя вереницами полоняников, оставляя за собою по дорогам Рязанщины трупы тех, кто пал от злобного удара сабли. И прятались жители в погреба, и уходили в леса, и угоняли скот подальше от завидующих раскосых татарских глаз.

Только в Коломне получили печальное известие, что дальше им идти незачем, что Рязань взята и разгромлена.

Прослышав про разорение Рязани, кипела гневом вся Всеволодова дружина. Теперь уже знали они, сколь страшная Родине грозит опасность, но не боялись ее, а рвались отомстить. В свиной рулет свернуть неприятеля. Беда была в том, что после падения Рязани ситуация в корне изменилась. До этого момента всё было просто и ясно, как день. Князья Всеволод и Роман, объединив свои силы, шли к Рязани, а там под руководством князя Юрия Игоревича Рязанского они должны были встать плечом к плечу на пути монголов и разбить их. Но князь Юрий погиб, Рязань сгорела, и что делать дальше, было пока непонятно. Кто будет руководить собранной ратью, тоже оставалось загадкой.

Войска, собранные в Коломне, не представляли собой единого целого. Роман не готов был признать первенство более молодого Всеволода. Всеволод не собирался подчиняться Роману. И проистекало это не из глупого упрямства или гонора, это была неосознанная им самим привычка к первенству и влиянию. Как-никак он был старший сын владимирского вла-

стелина. Тем более и виды на дальнейшие действия между молодыми князьями разошлись, а разногласия захватывали коренные вопросы тактики и стратегии. В политической жизни, как и повседневной, большинство людей привыкло видеть и трактовать факты односторонне, в свете собственного опыта или полученного знания. Из этого никоим образом не следует, что все они более или менее не правы. Каждый может оказаться прав по-своему. Но война такой правоты не признаёт. На войне от принятия того или иного решения их зависят судьбы и жизни десятков, а порой сотен тысяч людей. Поражением в войне и собственной независимостью можно заплатить за одну единственную ошибку. Рязанский князь, например, расплатился за собственную горячность и нетерпение головой. А посему, прежде чем действовать, нужно было крепко подумать. Если растратить лучшие силы бесполезно, тогда и Владимирской Руси конец.

Роману представление о силах орды подсказывало, что надо укрепляться в Коломне и оборонять город, а заодно перекрыть путь на Владимир, Всеволод же предпочитал продолжать работать по заранее выстроенному плану, идти совместно на Рязань и бить монголов там, на пострадавшей уже территории.

Когда взгляды диаметрально расходятся, конфликта не избежать, беда в том, что рядом нет ни кого, кто бы мог выступить третьей стороной и своим авторитетом разрешить ситуацию. А договариваться необходимо было здесь, на месте, между собой.

Особенностью их спора было то, что никто из них – ни князь Всеволод, ни князь Роман, ни даже опытный воевода Еремей Глебович, не знали всю полноту обстоятельств, которые следует принимать во внимание, и потому не могли сделать правильные выводы. И в споре они все время оперировали догадками и обострёнными чувствами, заполняя ими незнание дела. Разговор был долгим и трудным. Эмоции преобладали, поэтому, сразу уйдя от сути обсуждаемой проблемы, они вступили в словесную перепалку.

– Я и мои люди сгорают от нетерпения вступить в схватку с врагом, – произнёс Всеволод, он был лишён всяческой изворотливости и рубил напрямик.

– Тебе лишь бы самолюбие свое потешить: вот, дескать, я какой сильный, да грозный, да храбрый! – с военной прямоотой, пренебрегая всяческим этикетом, язвительно говорил Роман. Он был несловоохотлив от природы, это вошло у него в привычку. – Эх, князь, – сказал он с упреком. – Ты хочешь удаль свою показать, а надо бы разум и дальновидность.

– Думай как хочешь! А только мои ребята теперь так злы, что кого хочешь в ключья разнесут! – распаляя себя, отвечал Всеволод в тон.

– Да ты не слушаешь меня!.. Не пришёл ещё час. Если мы слепо кинемся на татар, результат будет один. Наша гибель. И что в том проку! – попытался осадить его Роман. Но Всеволода было уже не унять. Он не хотел сдаваться так вот, вдруг и сразу! От сказанного однажды отступать не любил.

– Я расскажу тебе историю, которую мне однажды рассказал мой дядя, Ярослав. Однажды князь Святослав Черниговский решил атаковать противника, разорвавшего его земли, хотя врагов было в десять раз больше. Он был уверен в том, что победит, но его дружина сомневалась. Тогда он остановил отряд возле церкви и сказал своим людям: «После того как я посетую святыню и помолюсь, я брошу жребий, вот эту старую монетку. Если выпадет орёл – мы победим, если решка – проиграем. Судьба держит нас в руках». Святослав вошёл в церковь и молча помолился. Выйдя, он бросил монету. Выпал орёл. Его дружинники так рвались в бой, что легко выиграли битву. «Никто не может изменить судьбу», – сказал ему один из доверенных бойцов после битвы. «Конечно, нет», – ответил ему Святослав, показывая монетку, у которой с обеих сторон был орёл.

– Пойми, Роман, люди сами вершат свою судьбу!

– Ну что же, – Роман, поймав нить разговора, не хотел уступать, – твою притчу я понял, только вот я не хочу, чтобы было так, как в моей истории. Правда, будет она совсем короткой. Слушай. Схватил волк козла и поволок в лес. А коза вслед ему кричит: «Муженек, а муженёк!

Вот уходишь ты из дому, а скоро ли вернешься?» – «А это как дела пойдут, – отвечает козел, – может, и совсем не вернусь». Вот и с нами может то же случиться, коли сами на рожон полезем!

Спор между молодыми горячими князьями мог бы затянуться, но у Романа был аргумент, который перешибить было нечем, а не считаться с ним Всеволод не мог, ведь он был разумным человеком. Коломенский князь наотрез отказывался вести свои полки под Рязань или куда бы то ни было в другое место, навстречу орде, а решительно настаивал на обороне города. Он доказывал, что именно здесь нужно ставить заслон татарам. И в этих словах и доводах был определённый резон. Больше, как на Коломну, врагу было двигаться некуда, заболоченный практически безлюдный лесной массив к северу от Оки, по обе стороны реки Пры, был абсолютно не приспособлен для прохода больших масс конницы, а тем более большого обоза и стенобитных орудий. Вряд ли татары их бросили прямо у стен Рязани за ненадобностью. Единственный удобный путь к центру Владимирского княжества, в сердце которого и должен был быть направлен удар, лежал по льду Москвы-реки и Клязьмы, этот путь и запирала амбарным замком Коломна. Здесь, в стратегически важном пункте, на скрещении речных путей, и стояли сейчас русские войска и ждали подхода неприятеля. Сам город, на случай если войска потерпят неудачу в поле и будет необходимость укрыться за стенами, был достаточно укреплен. Стратегически Роман мыслил правильно, эмоции не довели над ним или были отброшены за ненадобностью, только трезвый расчет. Тут и не захочешь, а призадуматься.

– Я выслушал тебя, – твердо сказал Всеволод, не глядя в лицо собеседнику, но чувствуя на себе его хмурый взгляд. – То, что ты сказал, дает мне богатую пищу для размышлений. Возможно, я действительно не был так дальновиден, как ты.

Даже если Всеволод и был раздосадован, всё одно, после длительного обсуждения, поколебавшись с минуту для приличия, он вынужден согласиться с таким решением. Атаковать в одиночку орду было глупо, княжич это понимал, и, несмотря на обидные и несправедливые вещи, которые оба наговорили друг другу, они с еще большим рвением принялись каждый за свое дело, забыв все обиды. Главное, остановить врага.

Величайший русский историк Н.М. Карамзин, сочиняя свой эпохальный труд, не мог обойти это событие стороной. И, конечно же, каждое слово, сказанное им, было правдой. Но кто ожидает услышать правду с первого раза?.. Обдумав окончательную формулировку, Николай Михайлович приготовился к тому, чтобы сделать первый росчерк, обмакнул перо в чернильницу, и оно, прильнув к бумаге, закрипело, выделявая завитушки и оставляя на память потомкам короткую запись: *«Батый близ Коломны встретил сына Георгиева, Всеволода. Сей юный князь соединился с Романом Ингворовичем, племянником Юрия Рязанского, и неустрашимо вступил в битву, весьма неравную»*. Скупое, но точно. Да и что говорить, большие историки любят большие кровопролития, о малых упоминают вскользь, вот и Карамзин с высоты своего авторитета не разглядел всей значимости произошедшего.

Битва должна была произойти на широком заснеженном поле, способном вместить большие конные массы. Обе армии вышли на исходные позиции.

От мерного шага копыт татарских коней поднялась туча снежной пыли, заслонившая собой рыжее солнце. Уже слышно было лязганье доспеха тяжелой конницы.

Пришла пора готовить генеральный бой с многочисленной Батыевой ордой.

Выстроились в шеренги на поле пешие ратники, видно, как подрагивают копейные острия и реют стяги над рядами полков. Одетые в толстые кожаные доспехи с металлическими пластинами, бойцы опирались на длинные копья, ожидая своего часа. Каждый знал, за что будет драться и за что умирать, если придется. С лиц исчезло благодущие, медленно загорались гневом глаза, появились выражения суровости, озабоченности и ожесточенности, изо рта вырвались маленькие облачка пара. Такие лица бывают у людей, готовых кинуться в холодную воду с криком: «Была не была!»

Владимирская дружина стояла возле своих заседанных коней, держа руки на поводу, и представляла собой великолепное зрелище. Вой у Всеволода были один к одному – высокие, широкоплечие, закованные в брони, способные не только выжить, но и взять верх в большинстве вооруженных столкновений. Они знали друг друга не только в лицо, но как брат брата по тяжелым боям. Среди них нет места тем, кто дорожит своей жизнью. Тренированные, опытные, они знают, что такое поле боя, они знают, что значит стоять до конца, их не страшит численное превосходство врага. И голой рукой их было не взять. Великой силой жизни и красотой несгибаемого мужества веяло от них. Это была гордость русского войска. Они могли заставить уйти сердце в пятки у кого угодно.

Прямо под развевающимся лазоревым стягом с изображением спасителя, на белолобом с подпалинами коне восседал сам князь Всеволод. Длинный красный плащ, застегнутый у правого плеча литой золотой пряжкой, опускался до пят, скрывая до блеска начищенный доспех. Рука Всеволода застыла на бедре, вот-вот готовая выхватить оружие. Конь грыз удила. Молодой князь находился в состоянии натянутой перед выстрелом тетивы. В каждой жилке играла кровь, и хотелось борьбы. От нетерпения даже сводило пальцы ног.

Рядом с ним на крупном гнедом жеребце, с пятнами ржавого цвета, Еремей Глебович, воевода представительный, высокий, большеголовый, крепкий, со щёгольской бородой. Был он вояка не только храбрый, но к тому же толковый и ответственный. Голову боярина давно уже обнесло сединой, а по летам и опыт был немалый, но накопленное с годами благоразумие не мешало ему в случае необходимости действовать храбро и даже героически. За свою долгую жизнь он загнал в тела людей столько железа, что мало кто мог сравниться с ним. Сейчас, когда он пристально глядел туда, где показались татарские всадники, его лицо горело возбуждением. А всадники всё прибывали, и вскоре их стало невозможно сосчитать.

Настал час битвы, трубачи приложили медь к губам, подавая сигнал к бою. А такой сигнал равносильен приказу, он для настоящего бойца руководство к долгожданному действию.

– Дружина-а! – торжественно загудел Еремей и услышал в ответ у себя за спиной шелест обнажаемых клинков – звук, который невозможно было ни с чем спутать.

– Только победа! – прокричали ратники в ответ.

С другой стороны поля, разрывая барабанные перепонки, ударили барабаны. Враг быстро приближался. Степняки подняли украшенные конскими хвостами бунчуки, заменявшие им штандарты. Раздался протяжный, переходящий в вой боевой клич: хур-ра! Подстёгивая себя яростным воплем, тысячи всадников на одинаковых вороных конях налетели ястребами на русский строй, отскочили и, словно меч гнева, снова бросились вперёд. Так повторялось раз за разом, и наскоки их становились всё злее. Кони, оскалив широкие зубы, отчаянно храпя, обдавали русских витязей горячим дыханием. Стрелы свистели, визжали и пели над их головами и с долбящим звуком били по щитам. Кривые сабли металась вокруг.

Строй держался, и проломить его, казалось, нет никакой возможности. Ничего нового не изобретая, монголы пустились на традиционную хитрость. Враги, пытаясь выманить конную дружину из строя, начали отходить, чтобы затем, пользуясь важным преимуществом подвижности и скорости, ускользнуть из-под удара, подставив распалённого азартом врага под атаку своей тяжёлой кавалерии. Кое-что из того, что они задумали, удалось.

И в жизни героев бывают часы ослепления. Видя отход противника, Всеволод, зверея, широким полукругом выдернул из ножен голубо сверкнувший, обоюдоострый меч с широким лезвием и, страшно крикнув: «Бей, рубай!» – вихрем помчался на дрогнувшую орду. Большая это была неосторожность со стороны Всеволода. Но ничего не поделаешь! Молодости свойственны горячность и порывистость. А молодой командир хотел в деле доказать свою храбрость и отвагу. Он предпочитал быть в гуще боя, рубя мечом врага, при этом зорким оком охватывая общую картину сражения. Его конь, подчиняясь воле хозяина, несясь вперед, прижав уши и задрал хвост.

– Ура-а!.. – дружно подхватили гридни, повеселевшие от зрелища собственной силы.

Монголы же, не обогащая военную мысль ничем новым, действовали по старым проверенным шаблонам, которые в очередной раз не подвели, всё складывалось как задумывалось, но ни одна битва не бывает похожа на другую. В этот раз они не рассчитали, и в глубоком русском снегу невысокие монгольские лошадки не были так проворны, чтобы вынести своих седоков. Русская конница, на мощных, привыкших к таким условиям боевых конях, оказалась расторопнее. Разбрасывая копытами снег, она догнала и, не сбавляя хода, врезалась в авангард конных лучников. Те попытались отступить к главным силам, засуетились, заметались, но только мешали друг другу, и многие из них попали под удар копий, которые, казалось, сами выбирали себе жертву в месиве тел, да и мечам вокруг работы хватало. Монголы были явно не из тех, кто хорош в честной драке, они схватились за сабли, но не могли противостоять атаке тяжелой кавалерии, и всё потому, что искали они всегда жертву, а не драку. Вот и сейчас татары, пытаясь перестроиться в боевой порядок, метались, топчя своих, извергая проклятия и стоны, падали, в смертном страхе роняя оружие, руками прикрывая шеи и головы от безжалостных ударов кованых мечей, с не знающей усталости методичностью опустошавших их ряды. Дружинники просто разрывали врага на куски, разваливая лихим ударом до сёдел, сшибая врагов в снег с коней, а то и валя прямо с конями. Битва была их жизнью, и они сражались как сами боги. В несколько минут татарский передовой отряд был разбит и растерзан в мелкие локутья.

Возможность победы перестала быть чем-то невозможным. И несметные, казалось бы, числом монголы начали прогибаться. Казалось, что для победы не хватает ещё совсем немного. Увидев, что дружина обратила врага в бегство, окрыленные успехом, к ней присоединились лёгкая конница и конные стрелки. Одним словом, в общем возбуждении боя утратилось чувство соседа. Остановить развившееся наступление Всеволод уже не мог. Русские полки по-прежнему управлялись отдельными предводителями. В итоге этого импульсивного и несогласованного броска вся конница оторвалась от своей, не успевшей поддержать её пехоты, которая хоть и вышла для поддержки из-за своего укрытия, но за конницей ей было никак не угнаться. Теперь даже в случае неудачного исхода атаки пехота и ополчение всё равно бы не смогли прийти на помощь своим, и монгольские полководцы это использовали.

Во фланг, отрезая русскую конницу от пехоты и беря её в окружение, ударила лёгкая монгольская кавалерия, а в довершение всего дружину Всеволода встретила кавалерия тяжёлая. Сшиблись грудь с грудью кони, щиты столкнулись со щитами. Грозно громокая железом, будто железные бочки, столкнулись всадники, и звон пошел от секущихся мечей. Падали замертво наземь и ратники Всеволода, и ордынцы. Шла жестокая кровавая сеча с обоюдными шансами на победу. Соппротивление по мере подхода татарских туменов все возрастало, а враг бросал навстречу новые и новые силы. Бойцы Всеволода будто тонули в море врагов. Надежда на разгром и бегство противника с поля боя в панике, захватившей всё войско, растаяла. Мало того, теперь прорваться туда, где сражалось ополчение и остатки дружин с князем Романом, было невозможно. Дела складывались неважно. Всюду, куда ни помотришь лесом стояли желтые татарские бунчуки.

На Всеволода набросились сразу двое. Кони плясали. Всеволод развернул коня передом к сопернику и, бросив его вперед, отработанным движением яростно рубанул вкось. Клинок столкнулся с клинком, раз, и два, и три. Рука у Всеволода онемела, как вдруг противник вскрикнул от неожиданности, в его руке оказался сломанный меч. Всеволод, вывернув коня, перегнувшись, хватил, остервенясь, татарина по голове – и тотчас у самого потемнело в глазах от удара по шелому. Второй нукер, в островерхом железном шлеме, воспользовался моментом и уже готов был нанести последний удар.

– Берегись! – услышал Всеволод крик, только было уже слишком поздно, чтобы оказать сопротивление. Остановить клинок он успел бы разве что взглядом.

Но еще до того, как крик полностью отложился в мозгу Всеволода, кто-то налетел на второго татарина сбоку и снёс его мускулистой грудью своего коня.

Этот кто-то был воевода Еремей.

– Горяч ты больно, князь! – На лице его было написано облегчение, хоть он и старался выглядеть грозным. Этот юноша не погибнет по его вине, и Еремею не придется до конца дней своих тяготиться виной за его гибель.

– Не бойсь, боярин, крепка ещё на плечах моя голова! – отмолвил с ухмылкой Всеволод. Безопасность перестала иметь для него значение, а о смерти он не думал, давно уже поняв, что в любом месте его безопасность определяется только его ратным умением.

Но на лице воеводы не отразилось даже тени улыбки, как это бывало ранее.

– Погляди на шелом свой. Погляди! Поберёгся бы! Видишь, вмятина? Пропадешь ты – и мы все пропадем. Без головы тело – ничто, – прокричал ему в самое ухо Еремей, и в голосе слышалось нечто большее, чем обычное ворчание.

– Окружили нас! Беда! Рази мыслимо выбраться из этакого аду? – эти слова, едва различимые среди грохота, достигли ушей Всеволода. Это огорошило князя, впрочем, только на одну секунду. В любом деле всегда есть момент, когда нельзя останавливаться. И они уже достигли его. Сейчас на них кинутся со всех сторон с обнаженными саблями и копьями наперевес...

У Всеволода не было времени раздумывать, как поступить. С той решительностью, которая всегда была присуща ему в критические моменты выбора между требованиями необходимости и голосом самолюбия, Всеволод выбирал необходимость, а потому отдал приказ пробиваться вперёд, уничтожая всех, кто встанет у них на пути. Ориентиром к месту намеченного прорыва послужил туг из белых конских хвостов одного из монгольских полководцев, который он принял за место расположения самого Батыя. Добраться до полководца и обезглавить вражескую армию – это было последнее, что мог сделать Всеволод со своими бойцами, чтобы добыть победу на этом поле, и единственное, чем мог теперь помочь Роману и его людям.

И снова устремилась дружина в сечу. Навстречу ей двинулся некий муж с величественной осанкой, неумолимый и властный, как веление долга. Рыжая борода и усы, сильные, широко раздвинутые плечи, под кожей бугры мускулов, раздутые ноздри, позолоченный шлём с наза-тыльником, ястребиные колющие глаза сыпят зелёными искрами, – это был сам Кулькан, младший сын Чингисхана, от второй жены, красавицы меркитки по имени Хула. Нет, он не остерегался! Он не испытывал страха. Слава уже коснулась его чела и увенчала неувядаемыми лаврами. Несмотря на свою молодость, Кулькан был полководец опытный, воевал с мокшей, буртасами, арджанами и всегда побеждал. Закованный в железо, он сидел на белом коне, расшитые цветными нитями гутулы с круто загнутыми носками упирались в бронзовые фигурные стремена, накидку во всю её ширь раскидал ветер. Вокруг него десятки верных нукеров со свирепым выражением лица, внушающие страх любому противнику и готовые при первой необходимости отдать свои жизни за жизнь хозяина, они даже внешне были похожи друг на друга. Этот отряд был самой могучей силой после богов. Накинулись они коршунами на русскую дружину. Казалось, сопротивляться им бесполезно.

Снова засверкали мечи, зазвенели щиты, и полилась кровь, и повалились на землю трупы. Полководцы стали пробиваться навстречу друг другу, чтобы сразиться в поединке. Но князя плотно окружали гридни, а хана – богатуры. Рубка становилась все круче. И раз, и другой спас воевода Еремей в этом бою своего князя от смерти, но и сам вдруг схватился левой рукой за грудь и, почувствовав свинцовую тяжесть, грузно набок сполз всем своим крупным телом с лошади. Трудно и медленно он расставался с жизнью.

Видя гибель воеводы, Всеволод озверел. Он испустил клич, полный жажды мщения и боли за убитого, обрушился на остальных. Пощады не было никому. Фонтанами вокруг него била густая кровь. Встали на его пути телохранители, но и эти отборные головорезы не выдер-

жали под ударами его меча. Он рассекал их надвое, рубил до кости, крестя направо и налево, когда же преодолел их, то оказался прямо перед Кульканом и ринулся на него.

По той стремительности, с которой сабля блеснула в руке сына Чингисхана, можно было подумать, что он с одного удара снесёт противнику голову. Ударил он наотмашь, без хитрости, без ума, с одной только силой. Видно, Кулькан вложил в этот удар всю мощь, но лезвие ударило по поднятому клинку. Быстрота, с какой Всеволод нанес удар сверху по левой стороне шеи в ответ, с маху, сплеча была невероятной! Шар-рах! Один-единственный удар, и нет больше Кулькина. Горло его было рассечено до самых позвонков, и вопль хана, когда он закачался и начал падать, перешел в долгий булькающий хрип. В его глазах было изумление. Ночь опустилась на него и накрыла собою все. Зря Кулькан сунулся вперёд. Великий, бесстрашный, несравненный, он лежал теперь на истоптанном копытами снегу, неестественно распростёртый, и дух его отлетел. Раскрытые глаза пусто смотрели на великое небо, и в этих его глазах навечно застыла зима, еще более колючая, чем те, что приносили с собой ветры, дувшие из бескрайней степи. Говорят, что выпавший снег превратил его в большую белую гору, только золотой шишак шлема остался сверху торчать. Может, это было и не так, но улигэрчи, звеня струнами хура, в сказаниях, что сложили о его храбрости, рассказывали именно эту версию.

Смерть любимого сына Чингиза ужалила врагов в самое сердце. Это было самое страшное, что они могли увидеть на этом поле, то, чего никак и ни при каких обстоятельствах не должно было случиться. Они бежали, издавая вопль ужаса, ибо знали, что со смертью Чингизида пришла и их смерть.

А русские всадники, пользуясь тем, что не встречают больше сопротивления, уходили с поля боя. Разумеется, уйти ему дали без препон. Только стрелы изредка посвистывали над головой. Руки у большинства всадников от усталости висели как плети. Уставшие, окровавленные, озверевшие от крови и пота, они вырвались из битвы и, оглядев друг друга, были удивлены, что остались целы. Всеволод с остатками дружины уходил от Коломны волчьими тропами, спрямляя пути, продираясь сквозь сосновые боры, скакал так, как никогда не скачут победители. Как бы это ни было грустно, но он оставлял Романа и его людей один на один с татарской ордой, но большего он уже сделать не мог.

А в это самое время Батый уже начал выражать нетерпение, а его полководцы даже знака не подавали, что близок благополучный конец битвы. И вот, когда солнце поднялось за полдень, его ушей достигла весть, в которую он даже не сразу поверил. Гонец, подлетевший на взмыленном скакуне к Батыю, мешком вывалился из седла, бросился в ноги хану и завопил дурным голосом:

– Кулькан убит!

Кулькан убит?! Кулькан убит!!! Убит один из ближайших родственников самого Чингиза! Такого случиться не могло! Просто потому, что такого не случилось никогда!!! Мало того – витязь, совершивший это невероятное злодеяние, вырвался живым из окружения и покинул поле боя!

Схватив гонца за отвороты халата, Батый рывком поднял его на уровень лица и страшно прохрипел:

– Кто?

– Молодой владимирский князь! – Больше вестник ничего не мог сказать, только что-то невнятно мычал и сверкал белками глаз, да большего и не требовалось.

– Как вы позволили ему уйти, когда этот ублюдок уже был у нас в руках?!!

Убийство особы царственной крови – это самое отвратительное преступление, какое только можно вообразить!

Никакая победа теперь не могла исправить случившегося! Теперь Батыю нужна была голова Всеволода, только так он мог восстановить свой престиж перед войском. Убийца Чингизида должен понести кару на глазах орды, и никак иначе, и задача Батыя как можно скорее

решить этот вопрос. Иначе эта смерть аукнется ему самому, ибо такого не прощают. Можно было бы просто убить молодого князя, уничтожить, раздавить, но этим цель не будет достигнута. Он должен заполучить его целого и невредимого.

Неистовство захлестнуло его, и в холодных глазах будто взорвалось что-то.

– Достану, вырву печень и отдам собакам, а его зубы украсят уздечку моего боевого коня! – большего он ни сделать, ни придумать сейчас не мог.

Вести на поле боя разносятся быстро. Но даже известие о гибели сына Чингиза уже не могло спасти князя Романа Коломенского и его людей от неминуемой гибели. Они стояли до конца, но участь их оказалась печальной. Несмотря на самый героический отпор, русские полки потерпели поражение не столько в силу храбрости и умения татар, сколько из-за того, что единого руководства на поле боя не имелось. Много славных бойцов потеряла под Коломной земля Русская, но это ещё было только начало.

Пока монгольский хан метал громы и молнии, оплакивая сына Чингиза, и справлял по нему под Коломной пышную тризну, Всеволод возвратился во Владимир, исполненный большой тревоги, и принёс князю Юрию плохую весть.

– Отец, мы разбиты на Коломне! Надо посылать новую рать!

Всеволод вошел в хоромы взъерошенный, чуть растерянный. Рассказывая, как всё было, как ему удалось спастись, обо всех неувязках боя, он расчистил перед собой на столе место и ребром ладони чертил диспозицию, будто отделял своё от чужого, где кто был, как стояли полки, где вражеский стан, где тыл, и как надо было охватить, зайдя с фланга. Вывалив всё разом, он уставился в огонь, на танцующие языки пламени, обретая некоторое спокойствие.

– Прости батюшка, я действительно старался сдержать обещание. Я очень старался.

Юрий, сдвинув брови на переносице, слушал сына внимательно, глядя на скатерть, как на театр военных действий, только последние слова оставил без ответа.

Да и что мог сказать сейчас отец? Им предстояло не выяснять, кто виноват и почему, ибо на эти два извечных русских вопроса у каждого свой взгляд, а продолжать биться с врагом, ползущим по их земле. Может быть, это последний спокойный час на их веку, подумал Юрий Всеволодович.

Расклад сил был обоим ясен. Следующим городом на пути монгол была Москва, устоит ли она, обойдут ли её, и тогда придёт черёд Владимира. Оставив сына в городе с другим братом, Мстиславом, сам Юрий ушёл на край своего княжества в нехоженые места реки Сить собирать новое войско. Едучи туда, Юрий благословился у митрополита Митрофана. Теперь город покидал отец, а не сын, и уже без всякой помпы. На прощание он сказал Всеволоду:

– Бог знает, когда еще доведется свидеться, может, и никогда. Защищай город, если потребуется. Береги мать и жену. Сломимся, не устоим, и они нас погубят всеконечно! До последнего малого младенца истребят! Так что держись! А я соберу сотни, тысячи храбрецов, и мы изгоним степняков, завладевших нашим краем. – Юрий положил Всеволоду руку на плечо, хотел что-то сказать, но потом передумал, только осенил себя на прощание крестным знаменем. Больше им уже не суждено было встретиться.

После победы под Коломной хан Батый и его орды свирепствовали в свое удовольствие, опустошая многочисленные грады и веси. Москва лишь задержала орду, но остановить не получилось.

Подошёл враг к стольному городу Владимиру.

Вряд ли мы сегодня способны представить себе весь ужас горожан, следящих за приближением многоликой орды. А войско монгольское составляли народы неизвестные: кэрэиты, ойраты, найманы, тайчиты, тангуты, хунгираты, кипчаки, маджары, китайцы, кингиты, сиджиты. Усыпанные огоньками факелов, отряды медленно подползали к городу, словно мохнатые пауки из ночного кошмара, прокладывая себе дорогу к жертве. Ночью багровые сполохи пламени опоясали город. Над сотнями костров висели чугунные казаны, где варилась бара-

нина. Оттуда, снизу долетали на стены обрывки песен, лошадиное ржание и звяк металла. Владимирцы высыпали на стены. И даже храбрецам было от этого зрелища не по себе.

– Сила несметная! Как есть, не устоим. Шибко много поганых-то.

– Ой, и правда, хватит ли силенок? – Опершись о копьё, мужики сурово вглядывались в тревожную ночь и крестились.

Вооруженные всадники быстро проносились под стенами, о чем-то крича. Они были одеты в долгополые шубы бурого цвета, словно в медвежьи шкуры, на головах – низко опущенные меховые колпаки, а под ними блестели раскосые глаза.

– Будь они неладны, ироды, – невольно вырвалось у воеводы, глядевшего на врагов со стен.

Настало грозное время, время героической обороны. Жители, все, как один, вооруженные топорами, самодельными пиками, увешанные разным колющим и режущим оружием, вступали в ополчение и подымались на городские валы.

Монгольский хан тоже пребывал в раздумьях. Штурмом брать любой город радость небольшая. А Владимир не просто город: рвы, окружающие его, глубоки, на высоких стенах днём и ночью стоят зоркие воины, а сами стены так толсты, что сразу ясно, что пробить брешь будет неимоверно трудно. Таких крепостей монголам брать ещё не доводилось, хотя опыт уже был накоплен богатый. Рязань тому подтверждение. Однако можно было попытаться замкнуть кольцо блокады и взять измором. Но на измор могло не хватить времени. Ещё не все русские князья вступили в эту войну и могли появиться под стенами Владимира в самый неподходящий момент. Так что затягивать не стоило.

Началось всё как обычно. Монголы попытались уговорить владимирского князя открыть ворота самому, на добровольных началах.

Подъехавший верхом на коне к Золотым воротам важный татарин устрашающей наружности натянул левой рукой поводья, удерживая своего скакуна на расстоянии, недоступном для стрел, сурово посмотрел на стены из-под клочковатых бровей, дёрнул себя за кончик косички, вылезшей из-под малахая, и мясистыми губами что-то гортанно прокричал воеводе, взиравшему на него сверху вниз. Пожелтевший, видимо от времени, толмач, что находился рядом с ним, держась чуть позади, надтреснутым голосом перевел:

– Скажите своему князю, чтобы открыли ворота, и я проявлю милость к городу и всему его населению. Не то поступлю как с Рязанью, которая вздумала сопротивляться, – разрушу не только стены, но и срю валы, а жителей от мала до велика вырежу...

Однако переговоры зашли в тупик, не успев толком и начаться. Всеволод даже думать не хотел о них.

Вновь подъехал к воротам знакомый уже татарин, с очередным посланием своего хана.

– Я знаю, вы мужественные воины, привыкшие встречать противника обнаженной сталью. Но и не с такими, как вы, я справлялся; так выбирайте же из двух зол меньшее. Подобрю вам советую переговоры со мной вести, а не согласитесь на мои условия, так я вас уничтожу. Учиню в городе сечу великую, всех богатырей владимирских под меч склоню, и покатыт богатыри злато-серебро из Владимира телегами.

Угроза не прошла даром, но и в этот раз хан получил категорический отказ. Открыть ворота врагу Всеволод не считал возможным даже на уровне объяснения с самим собой.

– Своё, кровное отстоим с оружием! За нами вся святая Русь стоит. Отведаете ещё горячих пирожков! – прокричали со стен.

– Добром не хотите уступить, силой возьму!

По-хорошему договориться не получалось. Ответ не заставил себя ждать. У Батыя всегда в запасе были аргументы убеждения.

С высоты Золотых ворот Всеволод увидел того, кого он увидеть совсем не ожидал. Два дюжих дядьки волокли за собой по снегу его младшего брата княжича Владимира. Он мог

ожидать чего угодно, но такого... Вся его подготовка в ожидании любой провокации оказалась сейчас бесполезной. Всеволод был потрясен. Ведь Владимира все считали погибшим в схватке за Москву и уже оплакали.

– Брат жив? Как же оно получилось? – спросил Всеволод самого себя, продолжая изумлённо таращиться на пленённого брата. Сердце стрекотало кузнечиком, в висках стучало. – Проклятье, – повторял он снова и снова. Ему не хотелось говорить, и ему нечего было ответить на немые вопросы в глазах соратников.

Слух о несчастье мгновенно прошел по городу с такой быстротой, на которую способны только плохие новости, и толпы людей бросились к стенам.

– Смотри, ордынцы княжича ведут. – Мужики показывали пальцем, бабы в толпе ревели.

Батый был мастер на разные каверзы и вывести из себя мог кого угодно. Возможно, что коварством он превзошёл своих предшественников. Своим острым умом Батый давно постиг один важный жизненный урок: власть и могущество не только и не столько свирепый вид бойцов, искусно владеющих мечами, не только мужество и отвага. Даже самый гениальный полководец может столкнуться с равным себе.

Но у людей, у всех людей, даже самых бесстрашных и самых сильных, есть свои слабости, вот на этих слабостях и нужно играть. А победить врага можно не только силой. Подкуп, лесть, обещания, угроза, шантаж – всё может идти в ход, если нужно. К тому же хану хорошо было известно, что тот, кто дает обещания, не всегда их выполняет. Войны обычно перечеркивают все нормы морали, как говорится: горе побеждённому. И если победил в итоге ты, то предъявлять претензии в том, что его обманули, будет просто некому. Сам Батый легко мог солгать во благо. У хана был отважный, но безжалостный ум, и каждый, кто проявил слабость, становился добычей, и именно по этой причине его люди восхищались им. К сожалению, испокон веков большинство людей предпочитает быть ловкими или хитрыми, чем честными и прямыми, хоть и не говорит об этом в открытую. Тех же, кто остаётся честен до конца, чаще всего награждают эпитетом – недалёкий. Такие вот двойные стандарты.

Осунувшийся Владимир, всхлипнув, закрыл руками заплывший глаз, но тут же отнял руки. Всеволод молча рассматривал его раны, строя самые мрачные предположения о том, кто так искусно разукрасил его брата лиловыми синяками, багровыми кровоподтеками и пламенеющими следами от веревок на шее и запястьях.

Молодого князя поставили возле стены и приказали:

– Говори, чтобы открыли ворота, тогда мы помилуем всех. Уговори брата помочь тебе спастись.

Но Владимир только всхлипывал и молчал.

К нему подошёл вразвалку грузный человек, судя по всему, палач, он смотрел на юношу с мрачным оскалом, так обычно мясники смотрят на овец на бойне. Он был приземист и не очень молод, его кожа задубела на солнце и ветре.

– Мне нравится бить людей, – произнес палач хриплым гортанным голосом. – В том числе и этого. Один раз я даже разорвал на части человека раскаленными щипцами. Хотите, я вырву ему руку из сустава?

Сброд, стоящий по обе стороны от него и позади, рассмеялся.

– Да он же еще мальчик! Разве мыслимо дело за так человека губить! – всхлипывая, сказала молодая раскосмаченная баба.

– Ах так, сукин ты сын! – заревел буйволом со стены другой брат Всеволода Мстислав.

Чувствуя себя виноватым, Всеволод, укутанный толстым плащом, не переставая ходил взад-вперед и судорожно искал решение, но ничего на ум ему не приходило. То, что он испытывал, было нечеловеческое желание – сорваться с места, вскочить на коня и, подняв дружину в мечи, рвать, грызть, терзать эту орду. Эмоции взяли верх над разумом в очередной раз. Он

поведёт воев в бой, и они принесут на конце своего меча победу или вечный позор. Это было делом чести – делом жизни и смерти.

– Нужно спешно снаряжать дружину, идти на выручку брату. Может, удастся его спасти?

Отцов воевода Петр Ослядюкович, старый травленный лис, был один-единственный человек, не зачарованный и не убежденный трюками Батыя. Он уже довольно долго жил на земле, многое видел и знал.

– Куда ты собрался? – Его ровный голос был очень спокоен. – Это окажется ловушкой... Тебе чересчур наскучила жизнь, да? Не можешь дожидаться, когда распростишься со своей душой? Не пушу!

– Ты пошто каркаешь, подобно вороне к ненастью? – отрезал Всеволод, кладя руку на эфес своего меча. – Если это ловушка, они не заставят меня так легко сдаться. Ежели Бог подсобит – возьмет наша сторона, а ежели нет, с вами останется Мстислав...

Всеволод уже направился к лестнице, чтобы идти, но воевода положил ему на правую руку свою мощную длань, останавливая. Мощь, которая была во Всеволоде, зверем оскалилась ему в ответ, но рука воеводы, такими лапами не в труд удавить и медведя, стиснула его запястье толстыми пальцами. Крупный, светловолосый Петр Ослядюкович выглядел крепким мужчиной, он увлек Всеволода в сторону, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз.

– Остановись и выслушай. Ставка здесь больше, чем одна твоя жизнь. – Голос его звучал почти дружелюбно, а его круглые карие глаза с мольбой глядели на молодого князя.

– Ну, к чему ты сейчас-то клонишь? – спросил князь.

– Поверь, слова даются мне самому сейчас нелегко... я повидал на своем веку слишком много войн. Чего только не было! Ты коварства татарского не знаешь. Это ловушка. Монголам только это и нужно! Посмотри, сколько их и сколько нас? – Видя, как недоверчивый взгляд Всеволода становится ледяным и враждебным, Петр Ослядюкович уныло почесал бороду, нечёсаная щетина добавила десяток лет к его годам, но не убавила решимости... – Без твоих отрядов у этого города не будет шансов. Иль, по-твоему, стены городские нерушимы? Кто ж будет оборону держать? Лучше убей меня прямо сейчас.

Князь глянул ярым зраком. И не без досады поймал колючий, неуступчивый взгляд воеводы. Самого воеводу ни разобидеть, ни раззадорить на спор было решительно невозможно.

– Единственный способ пережить то, что происходит сейчас, – укрепиться на городских стенах. Степняки умеют руководствоваться умом, а не сердцем. И если одолеют они, то одолеют не нас с тобой, не только Владимир, но и всю Русь. Ты должен остаться... если не ради себя, то ради жены, матери, детей.

Всеволод вздохнул, чувствуя, как его ярость внезапно обратилась против него самого. Боярин был преданный слуга его отца, он желал ему добра.

– Я должен извиниться перед тобой, Пётр, – сказал Всеволод другим тоном, и не было в нём надменности и гордыни, и ясно было, он осознал, и такие слова были бесценны сами по себе.

Сейчас, глядя туда, где расположился станом враг, Всеволод думал: «Когда-нибудь, наверное, я сделаю ошибку, которая будет стоить мне жизни, но пока, слава богу, я жив. Тебе, Батыга хан, и твоим узкоглазым друзьям придется немного подождать, Нет, я прав, трижды прав, что послушал своих воевод!»

А монгольская конница ожидала, что вот сейчас ворота с треском распахнутся и оттуда на рысях вылетит грозная дружина с князем во главе. Тогда можно будет отсечь её от города, и дело сделано, ловушка захлопнется. Потерь при этом не избежать, но зато город окажется беспомощным перед ордой. Но ждали они напрасно.

– Не похоже, чтобы он поставил под удар собственную персону ради спасения твоей жизни... – Толмач перевёл Владимиру слова тёмника.

Получить то, что хотелось сразу, у монголов не вышло, но нужно было доиграть действие до конца. И хоть Батыю не нужна была смерть Владимира, он должен был продемонстрировать серьёзность своих намерений. Да и чем чёрт не шутит, может быть, увидев воочию гибель брата, владимирский князь не выдержит и, ослеплённый яростью, всё же кинется на врага, облегчив хану задачу.

Монгол сделал знак пальцем, двое степняков схватили под руки Владимира и поволокли в сторону. Было ясно, что монголы сдержат обещание и казнят княжича. Множество глаз устремилось с владимирских стен к месту казни. Стало напряженно тихо, так, что можно было услышать биение собственного сердца.

Высокий и широкий Мстислав покраснел, побурел даже. Супясь, он набычил толстую шею, засопел.

– Смирись, Мстислав. Мы бессильны, – только и сказал Всеволод брату.

Палач взглянул на хана, поднял с широким лезвием меч и шагнул к жертве. Всеволод, вздрагивая всем телом, беззвучно плакал скупыми, злыми слезами от беспомощности. Левой рукой он не переставая вертел свой крест. Ему хотелось закрыть глаза, дабы избежать зрелища, которое последует, но будто кто-то тихо говорил ему: «Нельзя, терпи, смотри». Он нес бремя командира – даже тогда, когда, как сейчас, ему это не нравилось и он должен был вынести унижение до конца.

Палач процедил какие-то ругательства и быстро повернулся к своей жертве.

– Хей! – выдохнул он, ударив мечом.

Раздался стон, жуткий животный крик... и всё смолкло.

– Нет! – воскликнул Всеволод. В который раз он оказался беспомощен перед коварством хана. Тяжкий крест, отец, оставил ты сыну своему! Все, что он запомнил, был кошмар, хотелось напиться до потери сознания. Ему больше не стать таким, каким он был. Отстраняя всех со своего пути, Всеволод обнажил голову и, пеший, направил стопы свои в церковь. Службы не было, но железные двери столь поспешно открыли перед ним, что Всеволоду почти не пришлось замедлить шагов у порога. Храм был пуст и гулок. По зимней темной поре горели свечи!

Князь опустился на колени перед алтарем. Осенил лоб крестным знаменем. И тут, когда он остался наконец один, наедине с Богом, охватило его отчаяние. Сердце его колотилось от угрызений совести, пытаясь вырваться из груди. Он жив, а брат мёртв, и он ему ничем не помог. Древние иконы на стене глядели на него строгими ликами, и в колеблющемся свете свечей казалось, что святые шептались друг с другом о какой-то высокой тайне, не высказываемой словами земного языка. Может быть, они осуждают его за малодушие? Может, сочувствуют?

– Помилуй мя, Боже, по великой милости твоей! – шептал Всеволод, погружаясь все глубже в бездну самоотречения. – И по множеству щедрот твоих очисти беззаконие мое!

Единственный, кто дерзнул нарушить одиночество князя, был владимирский епископ Митрофан. Высокий, сухой, красивый, Митрофан был человек уже пожилой, но сохранивший, несмотря на возраст, телесную бодрость и остроту ума. В проповедях своих он никогда и никого не упрекал и людей зря не корил, но все в его присутствии робели. Виски у него были уже совсем белые, а длинная седая борода ниспадала почти до пояса. Голубые глаза под седыми бровями глядели твердо, прожигая дремучую поросль бровей, а из-под них, как лучи от солнышка, разбегались по лицу продольные морщины.

– Вижу твою кручину, князь. – Митрофан покашливал и прятал руки в рукава долгого вотола на куньем меху. – Но помочь в этой твоей беде я не в силах. Одно скажу, ты сделал все верно. Единственное проклятие на тебе – это твоя собственная вина, не мучь себя понапрасну. Иной думает: и я бы на его месте высокое совершил, но окажись на нём, кто знает, как поступит! Рассуждать со стороны и осуждать всегда легче, – добавил он, ласково посмотрев на княжича.

– Душа болит! Я знаю, что сделал всё как надо, но от этого ни капли не легче, – вдруг сказал Всеволод. Он выкладывал все свои сомнения и колебания. Быть может, один только Митрофан и способен понять и успокоить муки его души.

– Душа у всех болит, да мы сейчас не душу свою убагаоустроиваем, а думаем о пользе дела, – простуженный епископ говорил медлительным глуховатым и приятным голосом и двигался не торопясь. – Тебе сейчас может показаться, что в душе твой побеждает мрак, но поверь, это не так, просто боль, беспомощность и гнев затмевают разум, а что будет с душой, зависит лишь от тебя одного.

Один старый отшельник, долгое время проживший в лесу, рассказал мне историю. Чтобы объяснить маленькому деревенскому мальчику, приносящему в скит еду, что происходит в человеческой душе, чтобы даже ребёнку было понятно, он представил всё дело так.

– В каждом человеке идет борьба, очень похожая на борьбу двух волков. Один волк представляет зло – зависть, жадность, предательство, тщеславие, унижение, ревность, эгоизм,глупость, ложь... Другой волк представляет добро – мир, любовь, верность, надежду, правду, доброту... Понятно тебе? – спросил отшельник мальчика. Тот на несколько мгновений задумался, а потом спросил:

– А какой волк сильнее? Кто кого победит?

Отшельник улыбнулся в ответ и сказал:

– Всегда побеждает тот волк, которого ты больше кормишь. Так и в твоей душе сейчас идёт борьба, князь, и победит то, что сам выберешь.

И он снова закашлялся.

– Болею, плоть немощна, – будто оправдываясь, сказал Митрофан своим простуженным голосом и продолжил – Я понимаю всё, что ты сейчас чувствуешь, и справиться с этим можешь только ты сам, хоть это будет и непросто. Я расскажу тебе одну притчу, надеюсь, ты поймёшь её правильно. К одному очень почтенному и уважаемому настоятелю пришёл монах и с опаской спросил: «Отче, что бы ты сказал, если бы узнал о моём падении?» – «Подымайся», – ответил настоятель. «А в следующий раз?» – «Снова подымайся». – «И сколько же так может продолжаться, когда я буду падать и подниматься?» И настоятель ответил: «Падай и поднимайся, пока ты жив! Ведь те, кто упал и не поднялся, мертвы!» Вот и скажу тебе: поднимайся, князь, ты нужен городу, Владимир надеется на тебя!

Свечи в кованом железном подсвечнике догорали, но служба терпеливо ждал, когда можно станет их переменить, не нарушая мудрой беседы, и только по окончании речи епископа поторопился водрузить новые взамен огарков.

– Иди с Богом! – Митрофан благословил княжича иерейским крестом.

Даже услышанная мудрость не всякий раз доходит так быстро, как бы хотелось. Главное, что разумное зерно упало в подготовленную почву. Вернулся в свои покои Всеволод чернее ночи, и если бы кто за ним следил, то услышал бы, как он меряет горничный покой большими шагами, от стены к стене, в поисках спасения. Он провел слишком тяжелую ночь, которая отразилась черными кругами под глазами. Слишком многое свалилось на него враз. Он больше не был тем двадцатипятилетним юношей в сверкающей броне, переполненный мыслями о славных делах. А епископ Митрофан всю ночь, не ложась, простоял на молитве.

Видя, что ничего у него не вышло, Батый распорядился начинать готовиться к штурму города. Походные мастерские принялись изготавливать по планам китайских инженеров изрядное число сверхмощных метательных приспособлений. Одни сооружались быстрее, для изготовления других требовалось время, но Батый ждать не собирался, он готов был бросить орду на стены уже немедленно.

Стража на стенах, постукивая от холода сапогами и похлопывая себя рукавицами, перекликалась. Глядя на расположившуюся под стенами орду, ратники обсуждали между собой перспективы:

– Народу у нас маловато, кто под Коломной погиб, других Юрий с собой на Сить увёл, а ремесленник, даже самый отчаянный, опытному гридню в бою не чета.

– Народу действительно немного. Но Владимир татарам нипочем не взять, такую неприступную крепость! Ты глаза разуй! Валы земляные высокие, стены рубленые, башни крепкие!

– А если таран? Господи, пронеси!

– Да ты что? Робеешь?

– А ты не допускаешь такого?

– Нипочем. Ни ворота, ни стены не пробьет.

Спор уже готов был разгореться. Говорили все громче, затейливо и длинно переругиваясь. Но тут на башню поднялся Всеволод в шубе и шишаке. Он шел и без всякого желания подслушивать слышал все, что говорилось... Похоже, везде воины говорили и думали об одном и том же. Один из ратников, узнав князя, покашлял, подавая знак другим, и сам тверже взял крепкое древко копья в руки. Разом смолкли голоса дружинников. До штурма оставались минуты.

Утром 7 февраля, как только рассвет посеребрил стены, ордынцы предприняли первую атаку. Темники, тысячники и сотники погнали воинов с лестницами на приступ крепостных стен. Враги были, как муравьи, многочисленны... приставив со всех сторон к стенам лестницы, отчаянные монголы, выкрикивая боевые ураны, бодро карабкались по ним наверх, но поскольку им не доставало сноровки и хладнокровия, значительная часть бросившихся штурмовать стену серьезно покалечилась, самых нахальных дружинники охаживали по лбу и по корпусу, спихивая вместе с лестницами вниз. Укрывшись за стенами, владимирцы и стрелами от врага отпихивались, и камни на татар со стен метали. Отбивались, как могли, стрел и камней не жалея. Несколько человек, пряча головы и мешая друг другу, лили со стен кипящую лаву. Внизу кто-то бешено орал и ругался. Штурм стал ослабевать. Прозвучал длинный сигнал серебряных рогов: великий хан приказывал отходить...

Всеволод не рассчитывал, что первый навал удастся так легко отбить, и ждал повторной атаки. Он всю ночь всматривался в позиции врага, меняя место своей дислокации, и до боли в глазах следил, не поднимается ли кто по стене на веревке. Но ничего особенного так и не произошло...

Рассвет расколол ночную тьму как яйцо, и вновь пошли татары на приступ. Ратные давно были все поставлены на ноги. Первая волна, устремившаяся в город, наткнулась на поток стрел. Татары отступали, но не уходили.

– Приготовиться, – выдохнул Всеволод. Воины опустили острия, толпа отхлынула и прихлынула вновь с угрожающим шумом. Ратники, ошетиленные копьями, занимая свои места, матерясь, лупили древками копий по чем попадая. На снег падали новые и новые враги.

– Они хотят войны, они ее получают. Пусть наслаются ею по горло.

Тогда попытались татары Золотые ворота пробить. Подтянули большие тараны и, раскачивая подвешенное на железных цепях к верхней перекладине бревно из ясеня, длиной пятьдесят локтей, с железным наконечником, обрушивали его на преграду. Да ничего у них и тут не вышло. Только щепы от тарана в разные стороны летели, а ворота как стояли, так и продолжали стоять. Наша взяла! Ничего монголы не добились. А чтобы отбить у татар всяческую охоту ломать ворота, полетели на таран бревна и камни, да опрокинулся поток кипящей смолы. Сразу повалил жирный чёрный дым, и под самой стеной завопило, заорало, завывло и заохало. «Скушай-ка вот это!» – подумал Всеволод с тихим злорадством.

И вновь отступила Батыева орда.

Наконец исчерпав скорее своё терпение, нежели силы, Субудай, главный полководец Батия, подумал: раз не выходит так, попробуем по-иному. В этот раз на приступ погнали хашар. Хашар. Слышится в этом слове что-то шуршащее, неприятное, парализующее, ползучее что-то. Может быть, это всего лишь предубеждение. Кто знает? Термин сам по себе безобидный и

в переводе с арабского означает «благотворительность». Что может быть лучше и достойнее. В Узбекистане и сейчас этим термином обозначается безвозмездная уборка территории силами граждан. Русский синоним – субботник тут подошёл бы как нельзя кстати и, возможно, был бы более точен, ибо благотворительность – действие для нас несколько иного рода. Но спорить в данном случае, что ближе, а что дальше, особенно нечего, почвы нет, на чём этот спор можно было бы отстроить. Да и зачем? Монголы, со свойственной им извращённой иронией, название оставили, а вот цель и назначение изменили, причём кардинально. От благотворительности осталось лишь одно название, а его синоним – субботник в данном случае выглядит просто кощунственно. Как издевательство. Хотя со стороны монголов так оно и есть. Из таких вот субботников Чингисхан создал страшное оружие, только о добровольности речи уже не шло. Теперь это были пленники из местных, которых гнали впереди монгольского войска, дабы они своим живым щитом прикрывали от камней и стрел идущие на штурм монгольские тумены. Это были смертники, жертвующие своей жизнью во славу побед Чингизидов. И спрашивать их мнение, хотят ли они с ними расстаться, пожертвовать ими ради победы, никто не собирался! Теперь хашар становился одной из основных технологий штурма любого города, эффективнее камней и порой страшнее любого тарана. Не каждый военачальник мог выдержать такую атаку.

Молодого князя в это утро ждало новое страшное испытание.

Погода с самого утра не заладилась. Мело так, что снег залеплял воинам, стоящим на стенах, глаза.

– Вьюга – это к добру, татары авось сегодня не сунутся! – толковали ратники, сменяя издрогших товарищей, крепко охлопывающих себя рукавицами.

Но и этот день не дал передышки. Уже выныривали из снежной пурги тёмные фигуры, движущиеся на валы. В этот раз что-то было не так, только не сразу разберёшь что. Осознание пришло не сразу, но оно пришло, те, кто двигался сейчас на них, были безоружны. Совершенно безоружны. И это были не татары! Это были русские люди. Лишь когда они приблизились ближе, стало ясно, что враги прикрывались ими, как живым щитом.

Ордынцы гнали толпу как скотину, сформировав её в плотное людское безответное стадо. Свистели бичи надсмотрщиков, гуляли по спинам отставших и зазевавшихся. Если кто из местных жителей пытался бежать, его тут же настигали бдительные стрелы ордынцев. Толпа измождённых и загнанных людей приближалась. Всеволод водил глазами, не понимая умом еще всей беды и с трудом перенося мысль о том, что уже совсем скоро предстоит принять решение, иначе эта атака обернётся большим несчастьем. Он зажмурил глаза: может, привиделось? Нет! Полон, обмороженный, слабый, медленно карабкается вперёд, прикрывая собой тучей нависавших за их спинами вражеских бойцов в бараньих шубах поверх броней. Это казалось нереальным, против всех правил: воинских и человеческих. А толпа была уже близко.

Ратники стояли оробелые, в облепленных снегом шлемах, смахивая снег с бровей и усов, ждали команды.

– Гонят к нам пленных. Эй, у котлов, не дремать, кипятите воду, смолу.

– Значит, станем по своим стрелять? – мрачно спросил кто-то. – Беда!

– А что делать?! – хрипло, все еще не справясь с голосом, вопросом на вопрос жестоко ответил князь.

Развязка была близко. Ременная плеть, подгоняя отставших, бьёт нещадно, поддерживая темп. Спотыкающиеся, втягивая головы в плечи, согнувшись пополам, бредут, обречённые, через сугробы, прикрывая лица, падают, встают, ползут на карачках, с хрипом выплевывая кровь, умирают в снегу, и вырывается из их ртов не то стон, не то плач. Так гонят стада скотины, да и то не так, к скотине относятся милосерднее, а это расходный материал. И видя их беспомощность, неимоверная жалость подкатывает комом к горлу и душист. Это же русские люди, такие же, как те, что он защищает сейчас, стоя на этой стене с оружием в руках. Князь

гнал от себя эти мысли, зная, что они ослабляют дух, а сейчас нужны силы. Пожалеешь их, и недолго тогда стоять обороне! И счастлив тогда будет тот, кого не убьют, а с арканом на шее погонят в дику степь! Что смогут они, ежели татарские рати на плечах измождённых пленников ворвутся в город! А тут дети наши, жены и старцы. Все самое дорогое. Вот такая вот клюква! Выбирай, князь! Ты волен сделать свой выбор, но не ошибись. Ответственность вся на тебе и грех на тебе!

Дымятся уже котлы с кипятком. Застыли в ожидании команды лучники.

Тянуть дальше было нельзя, подошёл этот горький миг, ибо когда толпа потечёт через стену неостановимо, помчавшимся испуганно стадом, то тебя и дружину твою растопчут, снесут, сомнут, и ты, не спасая никого, погибнешь сам и погубишь людей своих, или ты остановишь её сейчас, пока она, спасая свои жизни, не наделала бед. Трудно на это решиться, а необходимо. Сердце отчаянно билось. Всеволод загнал в глубину души все свои сомнения и сожаления и отдал приказ.

– Давай, – дрогнувшим голосом сказал князь и перекрестился. Тысяцкий с полным пониманием качнул шапкой. Он только и ждал княжеского слова.

И в этот раз удалось отстоять город, и Всеволод всерьёз надеялся, что всё ещё может быть хорошо и худшее уже позади, но нет, не может быть хорошо, когда кругом все так плохо.

Быстро уяснив для себя, что русский князь духом крепок, монголы в который раз изменили тактику штурма. Поначалу испепелю я вас огнем, а там посмотрим, решил хан Батый. С этого момента штурм не прекращался ни на минуту, ни днём, ни ночью.

Камнемёты и другие метательные приспособления в те три дня, что орда стояла под Владимиром, несравненными китайскими мастерами были уже построены. Бомбардировка началась в полночь. Будто бы целая сотня солнц разом вспыхнула над Владимиром, и грома огненных болидов обрушилась на город, сокрушая дворцовые хоромы, белоснежные палаты и жилые дома, фонтанами искр превращая ночь в день. Это заработали метательные машины, бросая через стены горшки с зажигательной смесью. Страшная это была беда. Ещё два дня и две ночи лился с небес каменный и огненный ливень, разбивая вдребезги стены, круша жилища и храмы. Даже месяц на небесах съежился, и оба рога у него обуглились. Лишь один собор Успенский не пострадал и стоял гордо, хоть стены его уже были черны от копоти.

В городе начались пожары, но жители бились с огнём с утра до ночи и гасили его.

Всеволод дошёл за эти дни до такого состояния крайней усталости, что из головы совершенно исчезли всякие, даже самые важные мысли, и осталось одно единственное желание, желание отдыха – отдыха во что бы то ни стало. Он уже не думал ни о том, что сказал бы сейчас отец, ни о сохранении собственной жизни, ни о любимой жене и детях. У него не осталось сил жалеть даже о смерти брата Владимира, – он думал только о том, когда же наконец этот ад прекратится, и о том, где ему можно будет хоть ненадолго приклонить голову.

Вновь подъехал к Золотым воротам монгольский всадник и передал ещё одно послание от своего хана, который обещал прекратить бомбардировку города при условии, что ворота немедленно откроются перед ним. И вновь Всеволод ответил ему отказом.

Да, стены града ещё стояли крепко, и видна ещё была их неуступчивая мощь, несмотря на всё усердие разнообразных машин, но чем больше на них давили, тем скорее обнаружился и изъян. Искал, искал Батый и нашёл-таки слабое место.

Все беды для Владимира начались с тарана, явившегося знаменем новой силы, которая должна сокрушить все существовавшие преграды. Вновь занялись инженеры китайские изготовлением машин. Не жалели они ни сил своих, ни времени, ни средств, и машина, да нет, не машина, а скорее настоящее чудовище достигло безграничных размеров и колоссальной мощи. Машина и вправду была хороша. Он один, этот таран, был больше всех прежних, вместе взятых. Когда машина была готова, велел хан немедленно пустить её в ход.

Ордынцы выкатили таран на деревянных колесах, обитых железом и с укрепленными сверху, для безопасности, крышами, под которыми располагались вооруженные воины. Рабы толкали тараны снаружи, за ними еще бежало десятка четыре невольников, на смену. Когда одни падали от стрел, на их место заступали другие.

Подтащили они его вплотную к стене, и заработал таран во всю свою силу, ударил раз, и другой, и третий, туда, где почуял слабинку. Будто гром сотряс небо и землю. Только пыль взметнулась после удара и осела. Переждав грохот, Всеволод хватанул ладонью горсть снега и сказал брату:

– Долго она может и не выдержать. Бери людей, если стена рухнет, нужно будет закрыть проход. А у нас и так трудности с бойцами.

Мстислав, кликнув гридней, кинулся к месту возможного прорыва, да еле успел.

С очередного удара пробил таран стену насквозь. Там, где стена с грохотом рухнула и образовался пролом аж в два квартала, и в нём сейчас стояли клубы серого дыма. Не успел он рассеяться, как монгольские воины, продемонстрировав необычайное для кавалеристов искусство перемещаться среди развалин, ворвались в город пешими. Первое, что они увидели на своём пути – исполинскую фигуру. Броня на богатыре была дорогая, да надёжная. Всю его широкую грудь закрывал щит, такой же огромный, как и сам владелец. Это и был Мстислав Всеволодович.

Преградил он путь степным воинам, встал на их пути, чтобы остановить, удержать эту стаю зверей диких, рвущихся в родной город. А чуть позади него, ощерившись мечами и копьями, стоял небольшой отряд, но по одному виду этих бойцов сразу было видно – элита. Храбрецы, от них исходила серьёзная угроза. Таких на арапа не взять.

Налетели на них степняки с разгону, чтобы смять одним ударом. Но отряд не отодвинулся. Не уступил дороги. Дружинники были исполнены решимости отстоять город и дрались так, как не дрался до них никто из смертных. А человек, что стоял во главе отряда, бился так умело и бешено, что низкорослые монгольские воины никак не могли к нему подобраться, не то что его скрутить. Весь залитый своей и чужой кровью, он был как волк, огрызающийся от нависших на нём собак. И тут кем-то метко выпущенная стрела, с тугим звоном пробив кожу, вошла в шею герою и застряла там, мелко дрожа. Брызнула из раны яркой красной краской кровь, заливая его кольчугу и панцирь. Зашатался воин и упал с грохотом, будто кто-то цепь на подъёмном мосту перерезал. Так пал Мстислав, младший брат Всеволода, а за ним и весь его отряд, до последнего воина сражавшийся над телом своего князя.

Когда наконец путь через пролом был расчищен, двинулся Батый со своими нукерами и нойонами в глубь города, который покорить стремился. Мчались всадники, грохоча копытами по улицам Владимира, а жители с отчаянием взирали на них. Теперь у хана не осталось ни малейшего сомнения в том, что город повержен.

Всеволода никакие мысли в этот момент не одолевали. С того момента, как Мстислав со своими гриднями ушёл защищать пролом, монголы, будто чуя, что защитников стен осталось совсем немного, усилили свой натиск. Здесь стена была самой низкой, перебраться через нее было проще всего.

Над стеной поднялась рука, и Всеволод нещадно рубанул по ней, рука исчезла, остался только крик. Враги лезли со всех сторон, они могли появиться на стене в любом месте и в любой момент. Когда первому из них удалось, взобравшись наверх, закрепиться на стене, он издал громогласный вопль радости. Правда, с этим он поспешил. Всеволод взмахнул мечом, и степняк, клацнув зубами и взвыв, откатился вниз, на его место тотчас выскочил второй. Монгол спрыгнул со стены, метя ногами в голову Всеволоду, в результате чего сам напоролся на подставленный клинок князя. Всеволод рывком выдернул клинок. Кровь пела в его жилах. Следующего низенького человека, спрыгнувшего со стены, он ударил в солнечное сплетение и добил, вонзив свой длинный клинок между третьим и четвертым ребром. Но пока он раз-

бирался с ними, нескольким вражеским воинам уже удалось достичь верха, лестница не была сброшена. Час от часу не легче!

Теперь монголы перебирались через стену неистребимым потоком, все бреши было не закрыть. Вот уже дюжина их стояла напротив того места, где оборонялся Всеволод.

Рядом с ним, зло щурясь, яростно рубился какой-то молодой кметь. Так, отбиваясь и обороняясь, они дошли наконец до бревенчатой стены. Выработавшаяся привычка заставила Всеволода расположиться спиной к стене. Татары отхлынули в сторону. Кметь сплюнул зло:

– Прижали. Не устоять нам. Уходи, князь. Я задержу.

Трое из дюжины подались к ним. Гривень выдвинулся вперёд, прикрывая отход князя. Только вот создать преграду между Всеволодом и врагом у него не получилось. Отправив к праотцам одного из нападавших, он и сам был сражён сильным ударом. Ещё мгновение он постоял, покачиваясь, а потом упал на колени, застонал и рухнул лицом вниз, пытаясь смягчить удар вытянутыми руками. Теперь Всеволод остался один.

Двое воинов-здоровяков, вооруженные мечами, вполголоса переговаривались на языке, который он не мог знать, но было очевидно, что они решили взять его живым. Взгляды были холодными, суровыми и пронзительными.

С деловитым спокойствием и обнаженными мечами надвигались они на него парой, собираясь продолжить бой. Один против двух вышколенных профессионалов – у него было не так много шансов... Учитывая, сколько их ещё ждёт своей очереди за их спинами.

– Попробуйте взять меня, сучьи дети!

Лучшая защита – атака. И он атаковал, чего никак не ожидали нападавшие. Его массивная рука напряглась и ударила в открытую шею первого врага, как только он приблизился. Тот согнулся, сдавленно вскрикнув, одна нога подломилась, и он опустился на колени. Второй узкоглазый дьявол уже бросился к Всеволоду, надеясь покончить с ним, ткнув его в пах, но промахнулся, потеряв при этом равновесие.

– Убью! – заорал Всеволод и, вкладывая всю силу своих могучих рук, ударил татарина мечом прямо в середину грудной клетки. Тот захлебнулся криком, и теперь два трупа лежали возле стены.

Двое повержены, но позади них активно зашевелились не участвовавшие до этого в схватке фигуры. Шедший сзади воин гортанно крикнул, что-то типа: «Хватайте сукиного сына!» И услышав этот крик, Всеволод понял, что хватит и пора уносить ноги, пока враги не перекрыли ему все пути к отступлению. Бежать. Это единственное, что ему оставалось.

Чтобы создать преграду между собой и врагами, Всеволод быстро опрокинул ударом ноги котёл с кипящей смолой, стоявший неподалёку, смола начала растекаться в том же направлении, куда он бежал. Он обернулся и, сняв факел со стены, кинул его в сторону растекающейся тягучей чёрной жижи. Бушующее пламя отбросило врагов назад. Он стремглав побежал вниз, перепрыгивая через четыре, пять ступенек зараз, и очутился на большой площади. Ветер нес дым. Повсюду царил разрушение. По улицам носились отряды смерти, вооружённые до зубов. Он услышал пронзительный крик и увидел перерубленную пополам женщину. У воина, убившего ее, был меч с клинком, длина которого была более метра. Тот не видел его, и Всеволод одним мощным ударом с плеча раскроил ему мечом шею.

– Варвары!

Нужно было собрать своих людей. Пробежав немного дальше, он оказался со всех сторон окружен сражающимися фигурами. Они дрались между собой с таким отчаянием, что отрубленные конечности падали, как скошенные колосья, а капли крови дождем стекали на землю. Ему повезло, он натолкнулся на ударный отряд своих гривней, который удерживал дорогу. Два десятка собранных на скорую руку бойцов стояли насмерть, и не было врагу пощады, как не было ни у кого из отряда мысли о сдаче в плен. Всеволод присоединился к ним. Теперь его

меч беспощадно и неумолимо бил и крушил направо и налево. Еще ни разу не сражался он с такой яростью, как сейчас.

Монголы всё прибывали, и русским было больше не под силу удерживать территорию. Всеволод быстро оценил обстановку. За ним осталась лишь горсточка воинов. Дела в городе приняли совсем плохой оборот, и одному человеку было не под силу что-либо исправить, даже такому, как он. Пришлось прекратить сопротивление. Единственное место, где Всеволод с оставшимися людьми мог укрыться, был детинец. Ухватившись за конскую гриву, Всеволод вскочил в седло топтавшегося неподалёку гнедого коня, потерявшего своего всадника. Конь осел на задние ноги, а затем безумным галопом понёсся, направляемый железной рукой своего нового хозяина. Наклонив голову и укрывшись за корпусом лошади, Всеволод направил гнедого к детинцу. Жеребец мощно рванулся вперед. Дружинники развернули своих коней и, грохоча копытами, последовали за ним.

Им удалось оторваться от преследования. Обморочно наваливаясь на непослушные створы, с треском захлопнули ворота, Всеволод сорванным голосом прохрипел:

– Засов!

И, только ощутив ладонями прoderнутый в кованые проушины дубовый брус, немного успокоился. Руки князя ещё лежали на засове, а снаружи уже колотили рукоятями сабель и что-то кричали. Это шла смерть. Проверив, хорошо ли заперты ворота, Всеволод, продолжая сжимать обнаженный клинок, угрюмо оглядел оставшихся. Восемнадцать человек. Все, что осталось от великолепной дружины. Кровь залила чешую их кольчуги, обоюдоострые мечи были испещрены зазубринами, но они ещё могли за себя постоять. Детинец оставался за ними, и это было своего рода свидетельство, что с Владимиром еще не покончено.

– Это все, что я могу сейчас удержать, – сказал Всеволод сам себе. И эту последнюю цитадель он без боя отдавать не собирался, хотя бои предвидел, и в очень скором будущем.

В то самое время, когда Всеволод был загнан в мышеловку, Батый вступил в город во главе отборных войск. К нему подъехал довольный Субудай на жеребце со зверской, как у злого духа, мордой. Его взмыленный конь тряхнул головой и звонко заржал. Субудай ухмылялся. То была волчья ухмылка. Он уже не первый раз обагрил свои руки кровью по локоть.

– Город в наших руках.

– Я тебе велел добыть коназа Всеволода! Ты не исполнил того!

– Мы долго за ними охотились... Сейчас он со своими людьми закрылся в детинце, мы не выпустим их живыми. Теперь он надёжно заперт, что даже в могиле не скрывается ему от праведного нашего гнева!

– Запомни, он мне нужен живым! Обязательно живым! Чтобы воздать полной мерой. – Напряженное молчание повисло между ними, каждый был погружён в собственные мысли, но видно было, что какой-то план созревает в голове Субудая.

– Повелитель, у меня есть одна мысль. В Успенском соборе, который защищает детинец, закрылись епископ и старая княгиня со всей своей семьёй. Взять их там будет непросто, этот собор надёжнее любой крепости...

По мере того как Субудай излагал свой хитроумный прожект на ухо Батыю, мрачный доселе облик хана понемногу прояснялся, покамест он не воскликнул:

– Делай то, что ты замыслил, и да поможет тебе небо!

Монголы, как по команде, разом отхлынули от ворот детинца, и к ним приблизился всего один-единственный человек. Он широко размахивал белой тряпкой и явно имел желание что-то обсудить.

– Великий полководец Субудай-богатур велел передать через меня послание. Вот что я тебе скажу, князь. Давай не будем усложнять ситуацию, выходи, и ты спасёшь, быть может, не только себя.

– Чего вы от меня хотите?

– Если не побоишься и готов будешь умереть ради своей семьи, что закрылась в соборе на площади, выходи сегодня, а если не выйдешь, я... твоих родных привяжу к конским хвостам и велю по всему двору дворца волочить, затем распну их на воротах, гвозди золотые в руки и ноги им заколачивая, а когда доберусь до тебя, то всё равно убью, а череп твой прикажу в серебро оправить и приторочу к своему седлу, для устрашения. В жизни выбора немного, но у тебя он есть. Поступи, как достойно поступать мужчине.

На такой поступок можно было решиться только от отчаяния. Шансы, что эта жертва уберезет его родных от мести, были поистине ничтожны.

– Я уже слышал подобные слова и знаю им цену. – Всеволод не сомневался, что никто не осудит его, если он сейчас не примет предложение монгольского хана.

– Хан поклялся всеми святынями. Я же могу пообещать тебе лишь то, что, если ты не примешь условия хана, ни твоя мать, ни твоя жена, ни ваши дети не доживут до утра – мои богатыри все сровняют с землей, похоронив их под обломками. Я вернусь через три часа. Подумай. Я буду ждать твоего окончательного ответа.

В который раз за последние дни Всеволоду предлагался непростой выбор. И всегда на одной чаше весов была жизнь его и его людей.

Один из дружинников не выдержал и сказал:

– Князь, ты знаешь этих людей... Они хотят обмануть тебя. Для них нет ничего святого. Если повезет, тебя убьют, как только ты появишься на улице, тогда тебе не придется умирать под пыткой. А если нет... Страшно подумать, что они сделают с тобой!

Выбор был страшен. И ни на какой счастливый исход тут даже надеяться было нельзя. Монголы были настроены решительно, из детинца не выпустят, а потому, что так смерть – что так. Но им не хочется больше терять своих людей, а сколько их тут ляжет, притом лучших из лучших, они представляют. Ему, Всеволоду, всё одно погибать, но представляется маленький, даже крохотный шанс спасти семью. Мать, жену, детей, да всех, всех близких и родственников, запертых сейчас в Успенском соборе. И всё это взамен за одну его жизнь, которую монголы возьмут и так.

Тут Всеволод вспомнил жену. Такую женщину не забудешь никогда, стоит лишь раз взглянуть ей в глаза. А он заглядывал в них не раз. Марина. Стройная сероглазая красавица с широкими и темными бровями, милыми ямочками на щеках, с нежным голосом, к которому хотелось прислушиваться. А смеялась она тем чувственным смехом, от которого потерял бы голову всякий мужчина. С годами княжна расцвела, округлела лицом, отчего ямочки на щеках стали еще соблазнительнее, раздалась в груди и бедрах. Всеволод до дрожи в скулах любил жену. И чувствовал, что не пойти на смерть ради неё уже нельзя. Он избрал свой путь и уже не переменит его. Он лишь просил Господа сподобить его принять горькую смерть достойно.

В этот раз Батый предложил обмен, от которого владимирский князь не мог отказаться, не было у него другого выбора. Он должен попробовать спасти их, всех живых, всех невинных и нежных, любящих и верующих, стойких и немощных. Пусть их гибель не ляжет пятном на его совесть.

Так, заглушив голос разума и доверившись обещаниям монгольского властелина, русские открыли ворота в назначенный час.

Молодой князь вышел без кольчуги и шлема, с непокрытой головой. Снял меч с ножнами, укладной нож и нарочито бросил их на снег возле ворот.

– Дело сделано. – Сабудай от радости ударял кулаком в ладонь другой руки. – Смотрите, что значит любовь. А мы-то тебя ждали.

Нукеры, нахрабрысь, взяли Всеволода за плечи. Жадные пальцы татар срывали с него верхнее платье, золотую цепь, украшения.

– Прочь! Князя не трожь, смерд! – выкрикнул он, расшвыривая нукеров.

– Не трать свои силы попусту. Тебе они еще пригодятся в твой последний час, – по-русски сказал ожидавший в стороне толмач.

Узнав, что Всеволод в его руках, повелел Батый привести его пред свое лицо.

В шатер хана Всеволод вступил уже отрешенно, принимая все, что уготовлено для него судьбою. Он шел со связанными руками между нукерами, раскачивая на ходу квадратными плечами и заметно прихрамывая.

Как шипели на него татарские вельможи!

Батый тучный, в лисьей шубе при сабле, рукоять которой была отделана жемчугом и рубинами, глядел на него глаза в глаза разгорающимся взором. Этот смиривший гордость свою храбрец-урусут, прямой батыр видом и статью, подарил ему самый редкий дар из даров, даримых властителю, – ощущение полноты власти! И были они одни в этот миг: сын Юрия Владимировского, принесший ему гордую голову свою и ожидающий милости или казни, и он, повелитель орды.

– Много послов посылал я за тобой, коназ, и ты не приходил, и никто не мог привести тебя. А нынче ты сам пришел ко мне, по своей воле.

Бату-хан закрывает тусклые водянистые глаза. Открывает их – коназ Всеволод здесь! Он стоит и ждет. Ордынец сопел, тщась узреть во взоре владимирского князя ужас приближившейся смерти. Но не нужно было иметь особый дар, чтобы прочесть в лице этого молодого парня, что смотрел на хана с видом отчаянного человека, уверенного в своей обреченности и не желающего просить милости, одну только дерзость.

– Я привык, что большинство людей дрожит в моем присутствии. А ты не дрожишь.

– А чего мне теперь дрожать? Я воин и смерти не страшусь! Много зла створил тебе и твоим воинам, и вот я в воле твоей, и стою пред тобою, и готов идти на смерть! – Всеволод возвысил голос, и толмач, испуганно оглянувши на русского князя, перевел его речь точно, слово в слово. – Моя голова в твоей воле, царь! Скажи мне – внушающий страх, ты сам считаешь меня трусом? – твердо закончил Всеволод. И умолк. Толмач, засматривая в рот хану, переводил слово в слово.

И наступила тишина. Батый и сам знал, смерть воину не наказание. Нет, так просто молодой князь не отделается.

И вдруг губы попирателя Вселенной раздвинула желтозубая улыбка, и Батый, неожиданно для самого себя, сузив глаза, начал смеяться, смеяться ядовитым и полным предвкушения чего-то, страшным самоуверенным смехом. Да. Сейчас он – полновластный повелитель, и он смеется, покачивая головой. И от этого смеха дрожь бежала у его приближенных по спинам, таким жутким он был. И ждут, нойоны, стража и палачи, вооруженные нукеры, ждут, чем закончит свой смех повелитель, готовые ринуться на князя и разорвать его в клочья.

Когда смех улегся, лицо Батые стало серьезным, и, надменно глядя на русского князя, он медленно произнёс:

– Мы порешили так! Русского князя, отнявшего жизнь у Чингизида, ждёт казнь!

Всеволод выпрямился, высоко поднял голову и расправил плечи. Нужно было мужество, чтобы встретить смерть достойно. Палач, страховидный детина, с мощными узловатыми мышцами, сверкая белками глаз и скаля кривые зубы, постучал ребром ладони по своей толстой шее. Хан сделал знак своим людям.

Всеволод усмехнулся серыми губами, пихнул плечом ханского мордovorота и деревянно шагнул к плахе. Он в последний раз поднял глаза к небесам. Губы сами шептали молитву. Но в последнем взгляде его, брошенном на хана Батые, промелькнуло торжество духа над смертью. Палач не умедлил, и голова скатилась. Удар был так силен, что меч крепко засел широким лезвием в лесине. И палач, оставив его торчать, поднял голову убитого князя за волосы, поднес своему хану в ознаменование победы. И чей-то резкий голос, перекрывая ропот одобрения, произнес: «Что ваш Христос!»

Правда, по другим сказкам, Всеволода изрубили в куски и долго топтали ногами.

Спасла ли жертва князя его родных? Нет. Не спасла. Получив желаемое, Батый не счёл нужным держать данное Всеволоду слово. По его мнению, нужно было до конца вырвать волчий корень, ведь как только дети вырастут, они пойдут против него, будут мстить за отца! Так пусть умрут. Урусутам пристойно сразу являть обычаи Чингизовы, обычаи великих покорителей полумира и самой урусутской земли... Иначе и свои не поймут, и ежели ты, проявив слабодушие, не зарежешь их детей, матерей и жён, то в следующий раз свои же зарежут тебя, посчитав слабым и мякотелым. В Сарае всегда считали: раз победил – значит, прав! Он! Он!! Он!!! И только он, высшая власть! Он решает, кому жить, а кому нет, и никакие слова и обещания не властны над ним, так завещал Чингисхан!

Эту историю в школе не рассказывают. Она осталась разбросанной по разным летописным свиткам, которые теперь почти никто не читает. И никакой морали нам сегодня из этого уже не извлечь. Мало того, не каждый старожил во Владимире знает, где похоронили князя Всеволода и его братьев. И не найти никакой самой ветхой таблички, что, мол, жил и сражался, страдал и любил и отдал свою жизнь и кровь, и т. д. Ни малейшего следа. Людская память не может простираться так далеко. Его история давно забыта. Никто не роняет над ней слёз. И нет над его скромным захоронением ни алых роз, ни белых лилий, ни строгих гвоздик. Однако не стоит пренебрегать этой легендой, даже если вам кажется, что за века она обросла вымыслом, эта легенда содержит в себе куда больше истории, чем вы предполагаете, и без неё, именно что без неё вся история монгольского нашествия на Северную Русь окажется неполной.

Некоторые упоминания о Всеволоде Юрьевиче в работах известных историков и летописных текстах

«1213 год. Окт. 23 родился у Георгия сынъ Всеволодь-Димитрій»
(Н.М. Карамзин).

«1219 год. Новгородцы, злобствуя на князя Всеволода Мстиславича и учинив вече, выслали его вон и послали архиепископа Митрофана и посадника Иванка во Владимир к великому князю Юрию просить у него на княжение к себе сына. Он же послал к ним сына своего Всеволода, которого приняв с честью и собрав войска, вскоре пошли с ним в Ливонию к Киси. Оные же, послав, привели литву в помощь ко граду. А новгородцы, придя, литву и ливов, победив, разогнали и, землю их повоевав, а города не взяв, возвратились»
(В.Н. Татищев).

«1221 год. Новгородцы, обезумев, стали советовать Всеволода Юриевича изгнать. Всеволод, уздав о том, уехал тайно к отцу своему со всем двором своим во Владимир. А новгородцы, видя, что их злость не скрылась, а кроме того многие, не ведая о том, опечалились и послали к великому князю Юрию, извиняясь, якобы от них сыну его никакой противности учинено не было»
(В.Н. Татищев).

«1224 год. Новгородцы выслали из Новгорода князя Ярослава Всеволодича второй раз. Он же возвратился в свой Переславль, а они выпросили у великого князя снова сына его Всеволода. И новгородцы, собравшись с войсками, пошли в Ливонию на немцев, желая Юриев возвратить. И придя в землю их, не взяв известия о войске, распустили коней в загоны. А немцы, совокупясь с ливонцами, придя на новгородцев, многих побили и мало их возвратилось. Князь Всеволод Юриевич, недолго быв в Новгороде, уздав, что оные беспутные свое безумство в поражении от немцев его несчастью приписывают и хотят выслатъ, выехал тайно со всем двором и сел в Торжке, а к отцу послал с известием»
(В.Н. Татищев).

«Князь великий Юрий, уздав о том, тотчас собрав все свои войска, братьев и племянников присовокупив, пошел сам, с ним Василько Константинович и шурина его князь Михаил Всеволодич черниговский, и пришел в Торжок. А новгородцы, убоявшись, послали к нему двух знатных бояр просить, извиняясь, чтоб он послал к ним сына своего»
(В.Н. Татищев).

«1230 год. Князь великий женил сына своего Всеволода на дочери великого князя русского Владимира Рюриковича. И был брак во Владимире с великим веселием»
(В.Н. Татищев).

«1232 год. Тое же зимы посла Вел. Князь Гюрги сына своего Всеволода, на Мордву, а съ нимъ Ѳеодоръ Ярославичъ и Рязанскыи Князи и Муромскыи, и пожгоша села ихъ, а Мордвы избиша много»
(*Лаврентьевская летопись*).

«1238 год. Против татар послал к Коломне сына своего Всеволода, и с ним рязанский князь Роман Ингорович со всеми оставшимися войсками рязанскими. Воеводу же Еремея Глебовича послали в передовой страже. И оные сошлись все у Коломны. Татары, вскоре придя, учинили с оными князьями жестокий бой. И хотя князи весьма храбро бились и многих татар побили, но от великого и несравненного множества сбиты к надолбам градским. Тут убили князя Романа Ингоровича и Всеволодова воеводу Еремея Глебовича. Всеволод же, видя крайнее своих изнеможение, едва мог спастись сам и отошел с остальными ко Владимиру»
(*В.Н. Татищев*).

«Батый близъ Коломны встрѣтилъ сына Георгіева, Всеволода. Сей юный Князь соединился съ Романомъ Ингоровичемъ, племянникомъ Юрія Рязанскаго, и неустрашимо вступилъ въ битву, весьма неравную»
(*Н.М. Карамзин*).

«Батыеви же оустремлешюся на землю Соуждальскоую и срѣте и Всеволодъ. на Колоднѣ и бившимся имъ. и падышимъ многимъ. ꙗко нхъ ꙗко ѡбоихъ. побѣженоу бывшоу Всеволодоу. исповѣда ѡцю бывшоую брань. оустремленыхъ на землю и грады его»
(*Ипатьевская летопись, Галицко-Волынский свод*).

«Февраля 3-го дня во вторник Сыропустной седмицы пришли татары ко Владимиру и стали у Златых врат, приведши с собою из Москвы князя Владимира Юрьевича. Братья его Всеволод и Мстислав, опознав брата своего, и все люди, смотря на него, плакали горько. Потом татары говорили, чтоб град отдали без бою, обещая им всем дать жизнь. Некоторые, видя татар великую силу, советовали тогда просить у татар мира на время, пока о том пошлют к великому князю просить его, не похочет ли их примирить. Но большая часть советовали, чтоб из-за одного всем не быть пленниками, надеясь на крепость града и свою храбрость, не хотели мира учинить. Татары, видя, что русские о мире не хотят говорить, убили пред очами их князя Владимира и потом обступили великим их множеством весь град, а обоз их стал пред Златыми вратами на рамени (на краю поля). Князи, поскольку были люди молодые, хотели, выехав за город, с татарами биться, но воевода Петр рассудил им, что «видя татар великое множество, невозможно нам малым числом их конечно победить. И хотя бы весьма посчастливилось их несколько тысяч побить, но, своих сто потеряв, более сожалеть, нежели радоваться, будем, ибо в таком многочисленном их войске тысяча побитых не видна будет. Если же из-за их силы и хитрости нам не удастся, то мы всем нанесем великую печаль и страх. Но довольно нам, когда можем из-за стен обороняться и град от нападения сохранять»
(*В.Н. Татищев*).

«1238 год. 2 Февраля Татары явились подъ стѣнами Владиміра: народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ многочисленность и быстрыя движенія. Всеволодъ, Мстиславъ и Воевода, Петръ Ослядюковичъ, ободряли гражданъ. Россіяне съ горестію увидѣли предъ стѣною юнаго Владиміра Георгіевича, плѣннаго въ Москвѣ Батыемъ. «Узнаете ли вашего Князя?» – говорили Татары. Владиміра дѣйствительно трудно было узнать: столь онъ перемѣнился въ несчастіи, терзаемый бѣдствіемъ Россіи и собственнымъ! Братья его и граждане не могли удержаться отъ слезъ; однакожь не хотѣли показывать слабости и слушать предложеній врага надменнаго. Татары удалились; объѣхали весь городъ и поставили шатры свои противъ Златыхъ вратъ, въ виду. Пылая мужествомъ, Всеволодъ и Мстиславъ желали битвы. «Умремъ» – говорили они дружинѣ – «но умремъ съ честію и въ полѣ». Опытный Воевода Петръ удержалъ ихъ, надѣясь, что Георгій, собравъ войско, успѣетъ спасти отечество и столицу» (Н.М. Карамзин).

«Февраля 6-го Владимірцы увидѣли, что непріятель готовитъ для приступа орудія стѣнобитныя и лѣсницы; а въ слѣдующую ночь огородилъ всю крѣпость тыномъ. Князья и Бояре ожидали гибели: еще могли бы просить мира; но зная, что Батый милуетъ только рабовъ или данниковъ, и любя честь болѣе жизни, рѣшились умереть великодушно» (Н.М. Карамзин).

«Татары часть ихъ войска послали къ Суздалю, которые, взявъ, Суздаль, сожгли, а людей всюду побивали и пленили. И та часть обратно со множествомъ плена возвратилась въ субботу мясопустную февраля 7-го дня, другие же, пойдя, Юриев, Стародуб и другіе грады взявъ, разорили. Между темъ у Владиміра туры ставили и пороки готовили въ пятницу февраля 6-го отъ утра и до вечера. Ночью же весь градъ огородили тыномъ, поутру въ субботу стали пороками бить и выбили стены немалую часть, где люди, бившись въ течение долгого времени, стали изнемогать, однако жъ бились до ночи и во градъ ихъ не пустили» (В.Н. Татищев).

«Въ неделю мясопустную февраля 8-го дня на первомъ часу дня приступили татары ко граду со всехъ сторонъ и начали бить пороками, мечущими во градъ великіе каменья, которыми множество людей побили. И пробивъ стѣну у Златыхъ, Ирининыхъ и Медныхъ вратъ и во многихъ мѣстахъ учинивъ переметы чрезъ ровъ, вошли во градъ со всехъ сторонъ и взяли новый градъ до обеда. Тутъ убили князей Всеволода и Мстислава Юриевичей, а другіе князи и войско ушли въ средний градъ» (В.Н. Татищев).

«Февраля 7-го, въ Воскресенье Мясопустное, скоро по заутренѣ, начался приступъ: Татары вломились въ Новый Городъ у Златыхъ вратъ, Мѣдныхъ и Святыя Ирины, отъ рѣчки Лыбеди; также отъ Клязмы у вратъ Волжскихъ. Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною бѣжали въ Старый или такъ называемый Печерный городъ; а супруга Георгіева, Агаѳія, дочь его, снохи, внучата, множество Бояръ и народа затворились въ Соборной церкви. Непріятель зажегъ оную: тогда Епископъ, сказавъ громогласно: «Господи! простри невидимую руку Свою и пріими въ мирѣ души рабовъ Твоихъ», благословилъ

всѣхъ людей на смерть неизбѣжную. Одни задыхались отъ дыма; иные погибали въ пламени или отъ мечей непріятеля: ибо Татары отбили наконецъ двери и ворвались въ святой храмъ, слышавъ о великихъ его сокровищахъ. Серебро, золото, драгоценныя каменья, всѣ украшенія иконъ и книгъ, вмѣстѣ съ древними одеждами Княжескими, хранимыми въ сей и въ другихъ церквахъ, сдѣлались добычею иноплеменниковъ, которые, плавая въ крови жителей, немногихъ брали въ плѣнъ; и сіи немногіе, будучи нагіе влекомы въ станъ непріятельскій, умирали отъ жестокаго мороза. Князя Всеволодъ и Мстиславъ, не видя уже никакой возможности отразить непріятелей, хотѣли пробиться сквозь ихъ толпы и положили свои головы внѣ города»
(*Н.М. Карамзин*).

Батый «яко свѣрпыи звѣрь не пощади оуности его, велѣ предъ собою зарѣзати и градъ вѣсь избѣе, епископоу же преподобному во цѣрквь оубѣгшоу со княгинею и с дѣтми и повѣлѣ нечѣстивый огнемъ зажещи»
(*Ипатьевская летопись*).

Иллюстрации

«Богатыри». Художник В.М. Васнецов (слева направо – Добрыня Никитич, Илья Муромец и Алёша Попович). 1881–1898 гг.

«Сильный богатырь Алёша Попович». Лубок

«Алёша Попович». Художник А.П. Рябушкин. 1895 г.

Успенский собор во Владимире

Великий князь Константин Всеволодович. Фреска Архангельского собора Московского Кремля. XVII в.

Великий князь Юрий Всеволодович. Фреска Архангельского собора Московского Кремля. XVII в.

Лицицкое сражение. Мстислав Удалой разгромил на реке Лицице великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича и брата его Ярослава в 1216 г. Лицевой летописный свод. XVI в.

Древнерусский шлем XII–XIII вв.

Князь Мстислав Удалой ведет новгородцев на битву с суздальцами. Гравюра XIX в.

Отказ русских князей от переговоров и убийство послов. Лицевой летописный свод. XVI в.

Мстислав Удалой переходит Калку. Лицевой летописный свод. XVI в.

Татары, пирующие после битвы на Калке (с картины академика Н. Кошелева) 1913–1914 гг.

Gman' eor absq; balistar siue machinar i pugionibz!
 et pueri nome xpi et usq; ad alias pincias. **D**miry
Erat i castello vredelant rio saccloris. sociorq; eius
 sacdos qda cystiensis ordis fredicus detella que
 epc auctoritate dñi pape ad opus assumpsit ewngly?
 q i diuina palmar diuice passionis mystia multis la
 cinis celebris. et exhortatois vbu de tte dñi vlabz
 monitis astantibz ministris! et celebra diuice resur
 rectoris sollempnitate cu scolare suo et qbusda alijs na
 uigio pugā descendē voleba. et occurrentes ei iore
 flūs osilientes irruerūt sup eū et captū cū puero
 suo et hyuonibz qbusda eū deduxerūt de pyratia
 suis et i adya flūis litus ascendente! diuisis eū ibi
 tormētis etiaunt. Tū eū i celū i centus orōmū suar
 ad dñm cū scolare suo fundet laudes et grāz ager
 Actōnes! ipi caput et dorsū vtusq; clauis suis pti
 cientes! irridebant dicētes. Laula laula pappi! se
 tiuū ex septū ē sup dorsū meū fabcant pccōr?
 s; dñs iustus occidet ciuites eor! sicut i fia dicit.
 Posth acuentes lingua dura et sicca? et icuentes int
 vngues digitor ipor et carnē et mēbtim et pūcta
 tim lamiantes. ignē apposuerūt et edelit etiaunt!
 et tandē scibz suis int mediū scaplar eos secantes
 interfecerūt. et i mrtiryū sortuū aias eor absq; oī

Страница из «Хроники» Генриха Латвийского

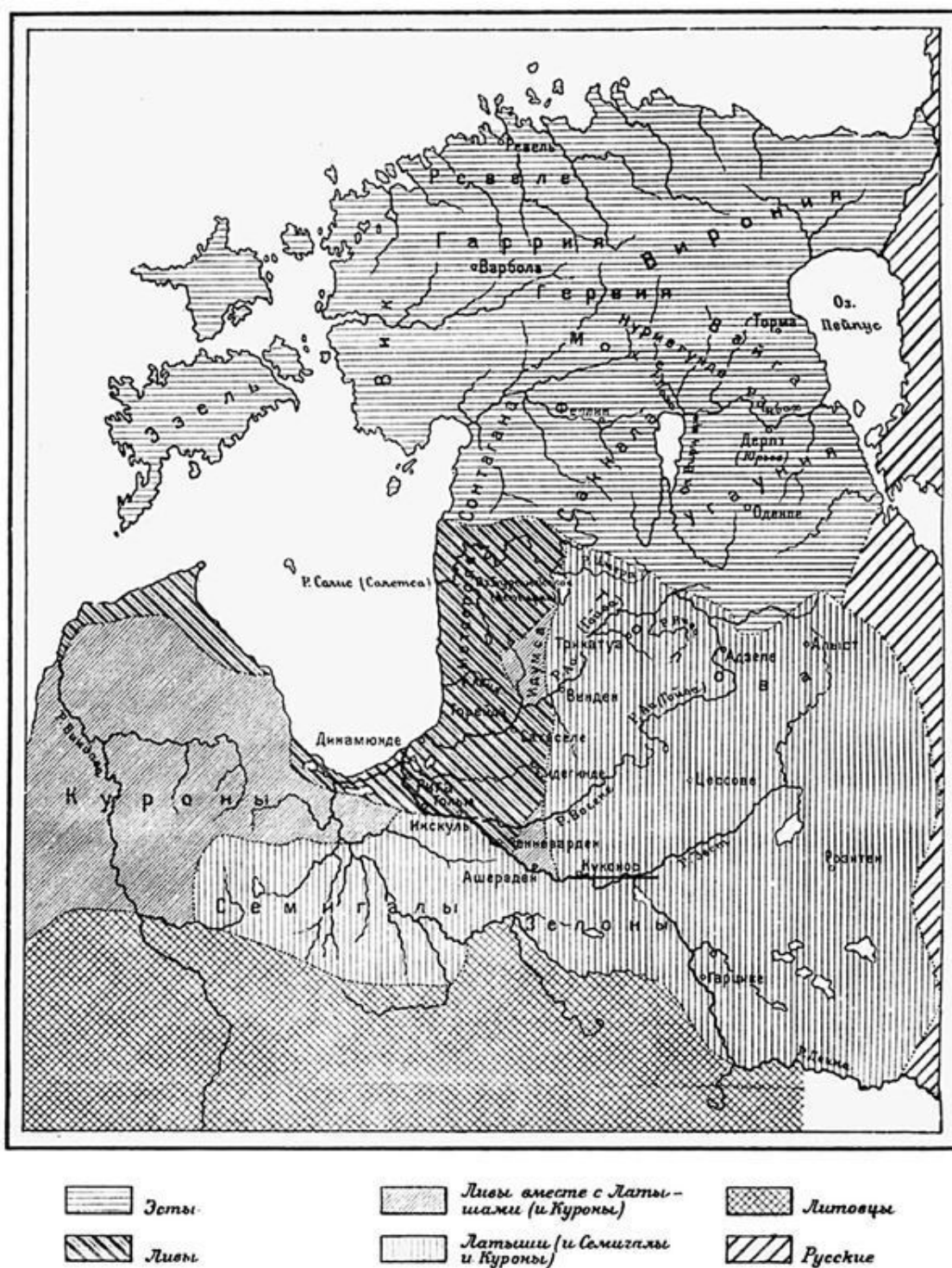
Рыцарь Ливонского ордена. Гравюра XVI в.

Князь Вячко. Современный воображаемый портрет

Епископ рижский Альберт фон Буксгевден. Скульптура Домского собора в Риге

Ливония в XIII в. Город Кукейнос (на карте Куконос) – подчеркнут

Кокнесе. Остатки орденского замка, построенного на месте крепости Вячко

Русский воин. XIII в.

Русский воин. XIII в.

Осада Юрьева крестоносцами в 1224 г.

Памятник защитникам Юрьева – русскому князю Вячко и эстонскому старейшине Меэлису в Тарту

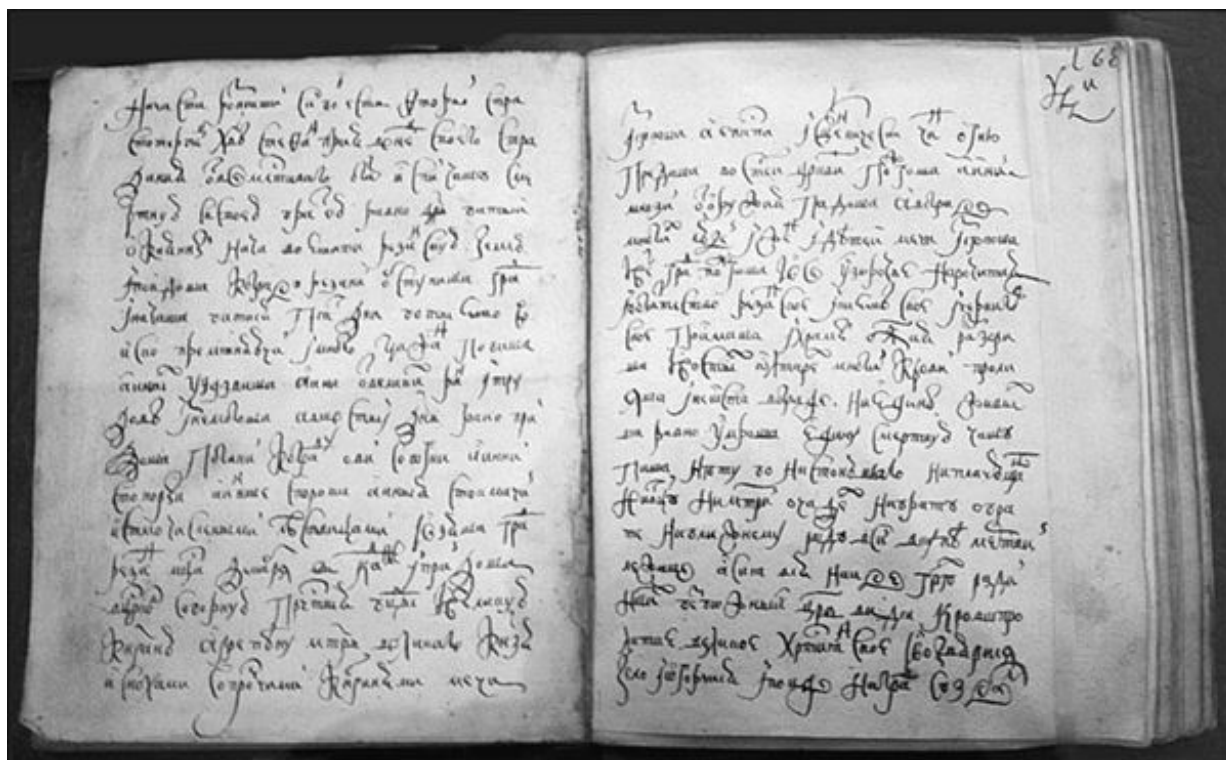
*Разорение Рязани войсками Батые
Лицевой летописный свод. XVI в.*

Батый. Китайский рисунок XIV в.

Фрагмент диарамы «Оборона Старой Рязани от монголо-татарских войск в 1237 году». Художник Е.И. Дешелыт. 1969 г.

«Повесть о разорении Рязани Батыем» (включает «Предание о Евпатии Коловрате»). XIII – сер. XIV в. Список конца XVII в.

Памятник Евпатию Коловрату в Рязани

Великое княжество Владимирское в 1237 г.

Вид Ростовского кремля со стороны озера Неро

Епископ Кирилл находит обезглавленное тело великого князя Юрия на поле сражения на реке Сить.

Художник В.П. Верещагин. 1898 г.

Убийство Василько Константиновича.
Лицевой летописный свод. XVI в.

*Мария Черниговская встречает тело своего мужа Василько.
Лицевой летописный свод. XVI в.*

Стела на берегу реки Сить в память о битве 1238 г.

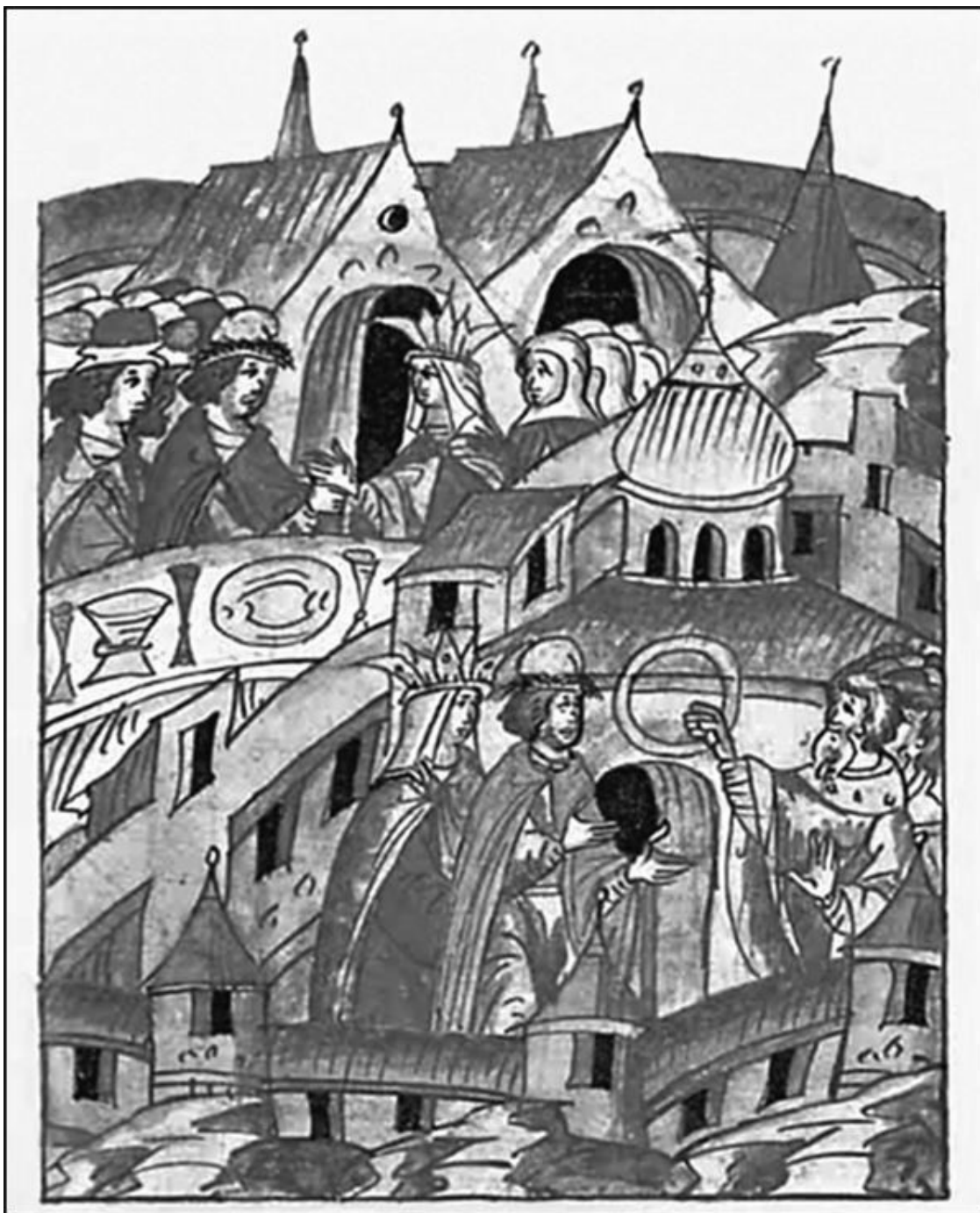
Рельеф стелы с изображением битвы

*Макет Нового города Владимира.
В правом верхнем углу – Золотые ворота*

Владимир. Золотые ворота и оборонительный вал

*Свадьба Всеволода Юрьевича и Марии Владимировны.
Лицевой летописный свод. XVI в.*

Печать Всеволода Юрьевича с изображением его небесных покровителей – Св. Димитрия и Св. Георгия

Фрагмент диорамы «Решающий итурм Владимира войсками хана Батыея 7 февраля 1238 года». Художник Е.И. Дешалыт

*Штурм Владимира войсками Батые.
Лицевой летописный свод. XVI в.*

*Сожжение войсками Батые Успенского собора.
Лицевой летописный свод. XVI в.*

Икона «Собор Владимирских святых».

Среди изображенных – русские богатыри, благоверные князья Василько Ростовский и Всеволод Юрьевич Владимирский